

ВЕРА ВОДЫ

В своей водной обители Жрица Нэро заснула вечным сном на долгие годы. После себя она оставила лишь одну вещь — книгу, содержащую в себе наставления для её народа марр, водных обитателей бескрайнего океана. Все марры не перестают чтить честь их любимой богини, однако старые традиции постепенно начинают забываться. Маррами северного региона была выдвинута ужасающая теория: Жрица Нэро на самом деле уже давно мертва. Отныне жизнь народа Нэро висит на волоске от смерти, ведь приближается бесчестная, братоубийственная война, что развернет в обратную сторону все течения, что раньше связывали всех марр единой кровью

В темных недрах абиссальной зоны пробуждается судья всего океана, готовый уничтожить любой из оставшихся двух городов, если грядущая война не будет остановлена в срок. Но погибнет ли весь океан, если будет уничтожен единственный вид разумных существ, населяющих его? Погибнут ли сами марры, если они начнут отдаляться от своих прошлых идолов? Что вообще может спасти океан от смерти?

Критическая заметка: Аква Праестантия

После тщательного исследования последней обители Жрицы Нэро, я наконец готов собрать все факты в одной критической заметке. Заходя наперёд, скажу, что марры, т. е. основная осмысляющая жизнь этой планеты, не очень-то хотят выходить с нами на связь для изучения их культуры. Поэтому этот аспект их мира будет раскрыт слабо.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении этой обители это то, что вся планета целиком и полностью представляет из себя огромный океан со своим уникальным строением. Из воды могут выходить вершины скал и ледники, если речь идет о полюсах, однако на них нет ни одного признака жизни. Поэтому наше первичное исследование этой планеты сделало неправильные выводы насчет существования жизни на ней. Оказалось, что она скрыта под водой, и достоверность этого факта устанавливало уже второе исследование. Жрица Нэро создала уникальную, ни на что не похожую водную экосистему. Стоит ли говорить, что настолько развитая подводная жизнь не встречается даже в обителях Праматери? Кроме того, есть зафиксированный факт того, что развивать подводную жизнь Жрице Нэро помогал Конатус, от того она настолько уникальна и многообразна.

Океан разделен на три зоны: поверхностные воды, океанское ложе и абиссальная зона. Каждой зоне присуща своя уникальная экосистема, пусть и некоторые виды встречаются в двух и более зонах. В силу того, что мы не имеем достаточного количества ресурсов, мы не смогли погрузиться в абиссальную из-за огромного океанского давления. По этой же причине мы не смогли достаточно изучить океанское ложе. Больше всего нами были изучены поверхностные воды, и, к счастью, именно в них и проживает осмысляющая себя раса Жрицы Нэро под названием марры. О них и пойдет речь дальше.

Марры представляют из себя нечто вроде мифологических русалок, только вот «человеческая» часть тела обтянута не кожей, а чешуей, подобно рыбам. У марр есть хвост и плавники, и в силу своего строения они могут держаться в воде в вертикальном положении, подобно людям и другим гуманоидным формам жизни. Перемещаются они посредством плавания, переходя в горизонтальное положение тела, активно работая хвостом и руками. Плавники, что расположены на локтях и плечах обеспечивают широкую маневренность для плавающей марры. Пальцевые перепонки присутствуют на их руках для той же цели. Также они способны выдерживать практически любое океанское давление, пусть они и страдают, если находятся не в той зоне, в которой были рождены изначально.

Большая часть культуры марр основана на их религиозной концепции, названной «Верой воды». Из-за религиозных принципов, перечисленных в «Вере воды», между двумя основными видами марр натянуты отношения. Они находятся на пороге войны. Один из видов имеет явное технологическое превосходство над другим, и исход грядущего конфликта по большей части очевиден.

Наши исследователи утверждают, что войти в дружеские отношения с маррами весьма затруднительно. Они презирают всех созерцателей, кроме своей Жрицы Нэро, и следуют только её путям. Кроме того, общение с ними практически невозможно из-за того, что они используют уникальную систему общения посредством использования инфразвука, которая присутствует разве что у китов и у некоторых больших видов животных. На сегодняшний день установлено значение только нескольких сотен таких звуков, а в пользовании марр их может быть до нескольких десятков тысяч. Но пообщаться с нами им удалось, ведь, как

оказалось, у них также присутствует и своя письменность, которую было расшифровать гораздо легче. Оказалось, что марры — вполне самодостаточный вид, и гнаться за дружбой с «иноземной цивилизацией», как выразились они, они не совсем хотят. Кроме того, даже если мы будем активно пытаться их задобрить, у нас всё равно не выйдет разузнать ничего дельного из их уст. По своей натуре марры весьма скептичны, и в абсолют своего существования принимают только «Веру воды».

На данный момент в этом письме изложено всё, что известно об этой обители. Её существование овеяно туманом. А ответ на вопрос о том, куда же всё-таки подевалась Жрица Нэро, по всей видимости, мы найдем ещё не скоро. Марры раскрывать нам его вовсе не хотят, хотя точно что-то знают.

От кого: Рапорт Третий, наследник Рапорта Второго

Кому: Л.

Сезон 1. Необходимость перемен

Запись 1. Вера воды

«Во имя нашей вечной Жрицы Нэро». С этой строки начинается вся Вера воды.

Вера воды — основа существования нашего мира. В письменном виде невозможно передать то, насколько мы, марры, сильно зависим от нашей религии. Наша вера проповедует истинное, чистейшее всепрощение, которого добивалась наша любимая Нэро на протяжении всей своей жизни. Её наследие и благочестие не забывается даже после десятков тысяч сезонов. Что бы было, если бы наша Нэро навсегда нас покинула? Пожалуй, никто из марр бы не выжил. Наша жизнь зависит в первую очередь от её веры в нас самих.

Она породила нас и вдруг поняла, что мы слишком агрессивно относимся друг к другу. Тогда-то и была создана Вера воды, которая сплотила всех нас вместе, и заглушила наш буйный нрав к самобичеванию и всеобщему разрушению.

Меня зовут Анарел, и я являюсь одним из высших стражей, что хранят покой нашей Нэро. Нэро отныне спит в своем храме, который расположен в воистину огромном и величественном святилище, что построила она сама. Она любила проводить здесь всё свое время, создавать новые виды морских существ, править маррами, отдавать им всю свою любовь и всё в таком роде. Храм мал, а святилище огромно. Именно в своем маленьком храме она и жила всю свою сознательную жизнь. Там же она и заснула вечным сном. Однако все мы верим, что однажды она проснется, и будет рада видеть то, насколько сильно мы продолжаем её любить. И следовать её учениям, описанным в Вере воды. Учениям о всепрощении и чистых водах, что окружают каждую марру только благодаря нашей созерцательнице.

Запись 2. О том, почему я начал вести записи

В прошлые двадцать сезонов я вёл ежедневный учет количества посетителей святилища нашей Нэро, но теперь всё меняется. Я вёл этот учет и в этом сезоне, но после стольких учетов я понял, что их ведение бессмысленно и напрасно расходует бумагу. Сами учеты никто и никогда не проверяет, и нужны они только как дань прошлому. Никому теперь нет дела до того, сколько марр посещает нашу Нэро. И именно поэтому на замену учетам я ввожу систему записей. В записях я буду выражать свои мысли по поводу и без повода. Учеты мне такого делать не позволяли.

После сдачи поста в один из прошлых дней я решил отдохнуть со своим другом писцом Дерраниалом у гейзеров. Он принес с собой экзотичные яйца круввов, которые не так-то просто достать. Мы приятно поболтали, но затем завязался необычный диалог, который и пробудил во мне желание начать о чем-нибудь писать.

— Никогда не думал, почему мы постоянно занимаемся одними и теми же делами? — спросил он, снимая оболочку с яйца.

— Задумывался. Пару раз.

Я солгал. Я задумываюсь об этом чуть ли не каждый день. Если бы я сказал правду, у меня, как у высшего стража, могли бы быть проблемы.

— А вот писцы задумываются об этом всё своё время. Наша работа совсем даже не творческая, как это может показаться с первого взгляда, понимаешь? Наши творческие способности подавляются нашей теократической системой правления. Мы лишь

переписываем древнейшие тексты на новый лад, но не создаем чего-то нового из-за собственных традиций. Я, конечно, чту традиции, но моя творческая жилка негодует.

— Это плохо, но тебе стоит помнить одну вещь. Писец — должность хорошая, и становясь писцом ты приобретаешь известность, входишь в общество писцов всего океана, и после твоей смерти твои тексты станут народным достоянием.

— Анарел, да разве это мои тексты? Я ведь буквально переписываю чужие произведения, меняя несколько слов. Я не создаю ничего нового! Только самые древнейшие писцы до того, как Нэро заснула вечным сном, хоть что-то, но создавали. А современные писцы просто копируют их тексты, а обычные марры даже не обращают внимания на то, что постоянно читают одни и те же сюжеты! Нашим архиереям и вовсе на это плевать. Вера воды запрещает мне творить, но сделать с этим хоть что-то я не могу. Это обиднее всего... не пойми меня неправильно.

Моя жена в дальнейшем спросила, для чего же я решил начать заниматься ведением записей, если у нас и так есть много писцов, а вот высших стражей всего лишь два десятка марр во всем океане. Возможно потому, что я хочу новых перемен.

Запись 3. Что-то плохое

Сегодня был страшный день. Нет, совсем не сложный, а именно страшный. С самого раннего утра святилище было атаковано бандой преступных марр. Они принесли с собой смерть. Их было трое, и мне не составило большого труда расправиться с каждым из них, но они успели навредить некоторым паломникам. Один из паломников умер от их лезвий, и это было ужасное зрелище. Говорят, что в последний раз подобная атака на святилище нашей Нэро произошла в тот момент, когда образовалась группировка марр вод Язычников, а это произошло ещё тогда, когда в океане не существовало даже моего прапрадеда. Нападающие марры, к слову, действительно были похожи на марр северных вод, судя по серой окраске их чешуи и хвоста. Слава Нэро за то, что это событие произошло в первой половине дня, и после него меня отпустили домой, а святилище закрыли до следующего дня.

Когда один из преступников умирал от моих рук, он клялся, что рано или поздно Язычники одержат над нами верх, и наша теократия падет на океанское дно.

Надвигается что-то плохое. Я это чувствую.

Запись 4. О моей прекрасной жене

Во время работы ко мне приходила моя Фифиан. Она подплыла ко мне очень близко, взяла меня за руку, и прислонилась ко мне. Я сначала не понял, в чем дело, пока она не заговорила.

— Анарел! Сегодня я готова сказать, что у нас наконец появится малек...

Она сжала меня в объятиях. Мимо проплывала паломница, что бросила на нас неодобрительный взгляд. Наверняка она хотела предъявить мне то, что на своем посту я не могу допустить подобных сантиментов. Но на тот момент мне было всё равно! У нас наконец появится малёк!

— Да что ты! Как мы его назовем? Может, передадим ему моё имя? — удивился я.

— А если это будет девочка?

Я приобнял Фифиан.

— Если это будет девочка, то можно передать ей твоё имя.

Она посмеялась.

— Лучше придумаем имена вместе. Нет нужды сохранять традицию по передаче имен. Соблюдение традиций необязательно, тем более в наше время.

Она отстранилась от меня и загадочно улыбнулась. Я улыбнулся в ответ. За такие слова была предусмотрена определенная мера наказаний. Но наш разговор, в общем то, никто не слышал.

— Обсудим это после сдачи моего поста... и не разбрасывайся напрасно словами о том, что некоторые традиции соблюдать необязательно. Увидимся, Фифиан.

Моя прекрасная Фифиан! Её милый хвост, шейные жабры, изящные руки и блестящая чешуя всегда заставляют меня возгордиться тому, что именно я являюсь её мужем. Её плавники одинаково строги и милы, а голос её звучит в двести раз лучше голоса любой певчей рыбы во всем океане!

Я очень долго ждал этого события, и из-за моей загруженности у нас всё никак не получалось завести малька. Но теперь моя прекрасная Фифиан заявила, что уже готова оставить нашу икру в Месте Рождения! Малёк должен появиться в ближайшие десять-одиннадцать сезонов.

Она проследовала к основному храму, и долго-долго молилась нашей Нэро за сохранность малька и его дальнейшее выживание в Месте Рождения. Я провел весь остаток дня в благоприятном расположении духа. Слава нашей вечной жрице Нэро! Слава Вере воды!

Запись 5. Убийство архиерея

Город Пакс лишился одного архиерея, Туана.

После того, как я сдал пост и вернулся в Пакс, что плотным кольцом стоит у святилища Нэро, меня принудили участвовать в расследовании убийства архиерея Туана. Дело запахло тухлой рыбой тогда, когда оказалось, что дома его не было последние несколько дней. Это мы выявили по образовавшейся колонии ришиитов, которые въелись в каждый сантиметр его квартиры. Где он был всё это время, пока отсутствовал дома — неизвестно.

Смерть любого архиерея всегда плохо сказывается на политике Пакса. А здесь речь идет даже не о обычной смерти, а о возможном целенаправленном убийстве Туана, так что вы даже представить себе не можете, насколько большой резонанс подняло это событие. Особенно в контрасте с недавним нападением Язычников на святилище нашей Нэро.

Чуть не забыл упомянуть, что его тело было пронизано огромным количеством глубоких порезов, которые могли оставить только когти кого-нибудь из марр. Загвоздка лишь в том, что раны, которые мы наносим своими когтями и оружием очень быстро затягиваются из-заживительной силы воды нашего океана. Проще говоря, нападающий должен был нанести очень много ран Туану за очень короткое время, успев его убить до того, как вода начнет его заживлять. Это наталкивает на мысль о том, что он погиб не от рук марры, а от рук рыб-культро. Это такие небольшие и ловкие рыбки, чьи плавники настолько остры, что они используют их как орудие самозащиты. По отдельности они не так страшны, но в своих огромных стаях по несколько сотен особей в каждой они способны убить любого хищника нашего океана. Проблема в том, что рыбы-культро не селятся близко к любым населенным маррами городам, и встретить их в Паксе просто невозможно.

А ещё из рыб-культро мы и делаем всевозможные лезвия-культро, в честь которых и названы эти рыбы. Они почти не тупятся, и режут очень больно. Я даже не могу представить тот ужас, который испытал Туан после того, как на него напали. Должно быть, он умирал

долго. Да пусть простят его душу другие марры.

Запись 6. Перемены

Наша бедная Нэро! Через столько мук она прошла, пока находилась в сознании... И даже после того, как она заснула вечным сном, беды всё равно продолжают её преследовать! Продолжают докучать ей даже сейчас! Ах, наша бедная, бедная Нэро!

Это случилось утром, когда марры только-только выходили из своих жилищ и только-только собирались плыть к себе на учебу и работу. Большинство паломников приплывают к святилищу Нэро уже тогда, когда первые лучи солнца прорезают воду, и устремляются в глубины нашего океана. С самого раннего утра я храню честь нашей богини, с самого раннего утра наблюдаю за многочисленными паломниками, что приходят к ней, дабы исполнить молитвенную песнь, или попросить её о помощи. И вот именно в это раннее утро и взорвалась бомба, что оставит шрам на лице нашей истории. Это не речевой оборот. В храме действительно взорвалась бомба.

Во многом пострадал сам храм нашей Нэро, где она и спит вечным сном, но взрыв был настолько большой мощи, что он дошел даже до меня! До меня, марры, что стоит у входа в святилище за десять метров от самого храма! Я получил легкую травму, которая зажила довольно-таки быстро. Но это сущие пустяки по сравнению с тем, что случилось со всеми теми маррами, что в момент разрыва бомбы стояли в храме или около него. Они погибли ужасной смертью! Погибли в обители нашей собственной богини! Бедные марры!

Я пишу эти строки и не могу сдерживать собственных эмоций. Меня разрывает ярость. Какое-то чудовище оставило бомбу в таком сакральном месте, и погубило так много марр!

Кроме марр, пострадал ещё и сам храм. Подумать только, целые десятки тысяч сезонов он вечно стоял на одном месте, десятки тысяч сезонов хранил нашу Нэро... и всего лишь за одну минуту был разрушен полностью! Реставрировать его будут очень долго.

Мы даже не знаем, пострадала ли наша Нэро физически. С тех пор как она заснула вечным сном, мы так и не смогли выявить, действительно ли она находится внутри аквариумного куба, который стоит в центре храма. Ссылаясь на древнейшие источники, она запечатала себя внутри него для того, чтобы «не отравить живые воды после того, как она очнется от своего кошмара», что бы это ни значило. На самом кубе появились царапины, которых, я вас уверяю, ранее не было. Что будет, если он однажды растрескается, и внутри действительно окажется наша Нэро?

Наверняка подрыв организовали Язычники, так как взрывчатка была создана из растения, произрастающего только в их регионе. Они поплатятся, клянусь, поплатятся за все те плохие вещи, что сделали для нас и для нашей Нэро! Им нет прощения, как бы не была права Вера воды. Некоторых марр просто невозможно простить.

Послезавтра снова выхожу на стражу. К тому времени моя травма станет более незначительнее. Посещение нашей Нэро снова станет доступным для любого желающего, однако теперь всё будет по-другому. К святилищу приставят второго высшего стража, а все личные вещи паломников будут осматриваться. Мне сказали не говорить об этом никому, и я не сказал об этом даже своей жене, однако, полагаю, могу довериться тебе, незримый читатель. Если ты вообще существуешь, и мои записи всё-таки были опубликованы в нашем океане. Или в том мире, откуда ты приходишь родом.

Честно говоря, не о таких переменах я грезил. Бойтесь своих желаний, ничтожные марры, ведь своих желаний боятся даже созерцатели. В истории тому примеров куча.

Сезон 2. Консул вод язычников

Запись 1. Звуки

На душе моей беспокойно.

Иные, иноземные цивилизации давно говорили о том, что с нами, с маррами, трудно общаться по двум причинам. Во-первых, из-за нашей Веры воды и тяги к полной стабильности во всех аспектах нашей жизни, что подразумевает из себя отсутствие контакта с иными живыми и сознающими себя существами. Во-вторых, у нас, якобы, какой-то уникальный способ общения посредством использования низких частот, что передаются под водой и не глушатся так, как глушатся обычные звуки. Ни одна иная цивилизация не использует подобный способ общения.

Исходя из этого иные цивилизации думают, что мы вовсе глухонемые неучи и дикари, что меня, честно говоря, разочаровывает. Однако наш язык богат на различные слова и словосочетания, что отсутствуют у иных цивилизаций. В зависимости от произношения и протяжности звука определяется и контекст того или иного слова. Например, для абсолютно любого слова у нас есть целых три определения. Слово, что обозначает что-то хорошее, распространяется короткими звуком. Нейтральное слово определяется обычной протяжностью. А слово, подразумевающее что-то плохое, определяется по долгой протяжности. Кроме того, обычно мы не в силах скрыть наше эмоциональное беспокойство по тому или иному поводу, и, даже не замечая этого, там, где стоило бы в чем-нибудь соврать, и использовать короткие звуки, вместо них мы всё равно используем самые длинные и тяжелые, что неосознанно выводит нас на чистую воду.

Все вышесказанное было небольшой информационной подводкой к тому, почему же мне всё-таки стало беспокойно. Сегодня архиерей Лантан собрал всех высших стражей в одном месте, и между нами состоялся вот такой диалог:

— Марры и Пакс ещё долго будут оправляться от раны, что оставили после себя Язычники, подорвав священную обитель нашей Нэро. Вы, наверное, догадываетесь, о чем сегодня я буду говорить.

Нас было немного, и мы все друг с другом переглянулись. Никто не знал, о чем пойдет речь.

— По городу ходит слух о том, что в скором времени в Пакс прибудет консул вод Язычников для того, чтобы заключить с нами мирный договор. Разве вы о нем ничего не слышали? — сказал он с некоторой пугливостью. Эта его фраза звучала настолько протяжно, будто архиерей специально сделал на ней настолько большой акцент в негативном плане. Он будто бы больше смерти боялся того, что этот слух может оказаться правдой.

— Архиерей Лантан, почему вы так растянули ваши слова? Неужели заключение мирного договора является чем-то плохим и вредным для Пакса? — подметил я, заподозрив неладное.

Архиерей нервно помахал плавниками, и отвернулся от меня к другой части высших стражей, сделав вид, что он ничего не слышал. Я смутился и забеспокоился лишь сильнее.

Подобные слухи с того дня действительно начали ходить по городу. Звуки, при которых упоминалось предстоящее событие были настолько протяжны, будто нас действительно собирается навестить сама смерть. Возможно, это и вправду так.

Язычники народ неподатливый, недоверчивый, затухший и беспринципный. Они,

очевидно, не поклоняются нашей Нэро, и всячески её презирают даже несмотря на то, что она дала жизнь всем маррам всего океана, а значит дала жизнь и их предкам, за что они должны быть ей благодарны. Все их звуки обычно звучат протяжно, с тоской и ненавистью, к которой не привыкли мы, обычные марры. Так что же хорошего может нам дать их консул?

Запись 2. Биимун

Святылище понемногу восстанавливают, и ко мне наконец приставили напарника.

Его зовут Энгал. Имя необычное для Пакса, исконно южное. Раньше на юге нашего океана стоял величественный город Биимун, образованный обычными маррами из-за того, что Пакс стал слишком огромен, и уже не мог содержать в себе всех марр нашего океана. Об этом городе среди писцов известно мало, но Энгал заверил меня в том, что его род знает все истинные факты о его истории. Он не рассказал мне ничего конкретного про Биимун, но раз уж речь зашла про этот город, я бы хотел поделиться с вами, почему через некоторое время после его постройки он оказался уничтожен.

В Биимуне проповедовалась не только Вера воды, но и другая религия, связанная с поклонением вообще всем на тот момент известным созерцателям. Именно из-за поклонения остальным созерцателям и погиб Биимун. Исторически сложилось так, что любая душа, что поклоняется созерцателю, медленно затухает и погибает от многочисленных проблем. Посвящая созерцателю молитвенное время, марра разделяет с ней его страдания, облегчает его ношу и перенимает его проблемы на свои плечи, что бы это ни значило. И именно из-за этого сама душа марры черствеет, и становится магнитом для всяких бедствий. Это всё, конечно же, не касается нашей Нэро, хоть она тоже является созерцательницей.

Какие конкретно созерцатели существуют за пределами нашего океана теперь уже неизвестно. Каким образом они возникли — тоже, но сам факт того, что следование их путям губительно, уже говорит о многом. Биимун стоял долго, совсем как храм нашей Нэро, но так же как и он пал за один день. Этот город уничтожило морское землетрясение, унеся за собой жизни миллионов марр, что поклонялись лживым созерцателям и проповедовали их учения.

Род Энгала якобы хранит память о том событии, и сам Энгал к нему относится очень трепетно. Однако он утверждает, что Биимун пал совсем по другой причине, а эту причину архиереи раскрывать не хотят. Как ты можешь догадаться, с Энгалом у нас дружба не завелась. Несмотря на то, что он является высшим стражем, он всё равно оставляет за собой право рассказывать подобные вещи. По-хорошему за такие слова его должны были лишиться жизни.

Он мне откровенно не нравится. Его энергетика губительна. Я держу копьё крепче.

Запись 3.

Оставлю запись без названия.

Приходила моя жена. Была необычайно беспокойна. С собой приносила сумку. Дальнейший диалог привожу:

— Марра, пожалуйста, дайте осмотреть ваши вещи, — сказал Энгал с подозрением.

Жена не знала о том, что ко мне приставили напарника. Не знала и о том, что теперь все вещи будут осматриваться. Зрочки Фифиан сузились так сильно, будто она увидела перед собой монстра. Как вы помните, об этой новой процедуре я ей не рассказывал.

— Нет, свои вещи показывать не буду. Пропустите меня дальше в храм, пожалуйста.

Энгал стал более напористее, и выхватил сумку из её рук. Жена сразу же потянулась за ней обратно, и начала выхватывать её уже из его рук. Я перехватил их обоих, и пытался разъединить между собой.

— Энгал, подожди! Мы не имеем права осматривать чужие вещи без разрешения! — заступился я за свою жену. Сам Энгал даже и не мог предположить, что это была моя жена. Об этом мы не говорили.

Энгал воспользовался моментом, как только я их всё-таки растолкнул. Он открыл сумку, заглянув внутрь. Далее произошла немая сцена. Она определила всю мою дальнейшую жизнь.

В сумке лежала бомба. Добротная бомба. Бомба была сделана из специальных реагентов, которые получают из определенного вида растений в окрестностях вод Язычников. Такая бомба и подорвала храм нашей Нэро несколькими днями ранее. Я вспомнил день, когда жена приходила ко мне в последний раз до этого дня. Вместе с ней была такая же сумка. Только в этот момент я понял, что тогда жена отвлекла меня рассказом о нашем будущем мальке неспроста, а для того, чтобы пронести в храм бомбу замедленного действия.

Я находился в ступоре. Энгал молча отдал мне сумку, взялся за копье, и насквозь пробил моей жене её маленькое сердце. Она не проронила ни звука, погибла в момент, и даже не успела осознать, что произошло. Промажнувшись бы он хотя бы на сантиметр, я бы успел принять свои меры. Но я простоял в ступоре. В бездействии.

Моя бывшая жена оказалась врагом. Моя бывшая жена оказалась монстром. Моя бывшая жена погубила десятки жизней. Моя бывшая жена всё это время была за Язычников. Я был слишком глуп, не замечая на это очевидных намеков. Какой из меня страж? Какой из меня муж? Какой из меня отец?

Запись 4.

Без названия.

Угасаю. Высыхаю. Меня будто выбросили на сушу. Больше ни в чем нет смысла. Меня посещают странные мысли о собственной смерти. Может мне и вправду стоит выброситься на сушу? Или найти стаю рыб-культро? Или затеряться в морской пучине?

Почему Фифиан решила последовать за Язычниками? Неужели я настолько плохая марра, что даже не смог уберечь собственную жену от их учений? Я бывал дома слишком редко, чтобы заметить изменения в её политических и религиозных предрасположенностях. Если она предала Веру воды, то значит на то была веская причина. Теперь я понимаю то, почему в последнее время она хотела идти против правил, и даже настояла на том, что у нашего не выклевывавшегося малька должно быть своё, уникальное имя.

Я даже не знаю, успела она отложить икру, или нет. А если всё-таки успела, то от этого мне вдвое хуже, ведь если наш малек выживет, то я даже не смогу его опознать. Я не исключаю и возможности того, что она просто солгала мне о том, что у нас должен был быть малек. Теперь я окончательно потерялся в своих доводах. Любой из всевозможных вариантов выживания нашего малька негативно сказывается на мне.

Я молюсь нашей Нэро втрое чаще, чем делал это обычно. Я молюсь за сохранность души моей Фифиан. Я молюсь за сохранность жизни нашего малька. Я молюсь за продолжение естественного хода моей собственной жизни. Но разве можно оправиться от того, что прямо

на твоих глазах была убита твоя собственная жена, оказавшаяся террористом?

Неизвестный читатель, принимаешь ли ты мою боль, или отторгаешь её? Понимаешь ли ты, насколько мне плохо? У меня не осталось никого кроме горстки друзей и тебя одного.

На душе брешь, из которой сочится пустота. Завтра состоится суд над Энгалом, но я не думаю, что его хоть какнибудь накажут. Честно говоря, я даже надеюсь, что его вовсе никак и не накажут. Он просто выполнял свою работу, и я не должен его за это винить. Ему и самому стало плохо тогда, когда он узнал о том, что эта была моя жена.

Запись 5. Суд

На лице Энгала застыла гримаса страха. Плавники его плотно прилегали к телу, а своим хвостом он будто совсем и не пользовался. Жабры застыли в одном положении. Он молча раскаивался перед нашей Нэро. Она его простила. Я его простил. Простит ли его наш судья?

— Властью данной мне океаном, призываю тебя к раскаянию. Что у тебя на уме? — зазвучал властный голос судьи. Судья выделялся окрасом чешуи и своей одеждой явно из дорогих материалов.

— Я не понимаю, зачем же меня судят, если я просто выполнял свою работу? Я не понимаю сути этого суда... — жалобно произнес он.

— Это не раскаяние, марра.

Я заступился за Энгала.

— Я тоже не понимаю сути суда над ним. Я простил Энгала ещё днем ранее, вошел в его положение и понял, что он в этом инциденте виноват лишь косвенно.

— Когда это было видано, чтобы пострадавшая марра оправдывала преступника? — ответил судья мне тем же властным тоном, будто преступником был я. С трибун я подплыл к Энгалу, и положил руку ему на плечо. Он испугался. Свидетели смотрели на нас озадачено.

— Неужели вы не понимаете, что это глупость? Он устранил возможность второго подрыва святилища, и вы за это намереваетесь его наказывать?

— Анарел, вернитесь на свое место, — сказал судья с явной злостью.

Я не послушался, и остался с Энгалом. Он выпрямился, и, кажется, даже оживился.

— Я намерен лишить вас статуса высшего стража, Анарел. Вернитесь на свое место.

Судья блефовал. Конечно же он не мог этого сделать. Моя протекция предусматривала мне защиту даже от политических и судебных процессов. А вот у Энгала этой протекции уже не было.

— Своего вердикта я не изменю. Совершенно неважно, что вы прощаете Энгала. На протяжении тысяч сезонов преступники несли свои наказания, если покушались на жизнь чьего-либо родственника, и еще ни разу преступник не был оправдан и отпущен на волю. Вы оба предлагаете мне достучаться до архиереев, и сказать им о том, что вы нарушаете традиции и идете против Веры воды?

А вот это уже была реальная угроза. Страшная угроза.

— Но в этом совсем нет смысла! То, что имело вес раньше, больше не имеет его сейчас! Пора уже прекратить думать о нашем всеобщем прошлом, и просто начать двигаться дальше! — взвыл Энгал, будто в него вселился какой-то демон. Я отстранился от него, поняв, что он сам себе вырыл могилу.

Судья расплылся в ужасе, и приказал немедленно ликвидировать Энгала. Мне осталось лишь смотреть на то, как он отчаянно пытается вырваться из мертвой хватки трех марр, что начали процесс его казни.

Вера воды не предусматривала подобные исходы. Тебе, мой дорогой читатель, думаю, уже и так ясно, что наше общество слишком сильно держится за собственное прошлое. Не думаю, что именно это проповедовала наша Нэро. Но пойти против архиереев и переписать нынешние правила и законы не представляется возможным. Однако семя сомнения внутри меня уже дает свои побеги. Если кто-нибудь найдет эти записи, то меня казнят точно также, как казнили Энгала за его богохульство. Как же я глуп.

Нэро, направь меня на истинный путь... Не этот мир ты нам завещала.

Запись 6. Всепрощение

До сих пор не могу смириться с событиями прошлой недели, и до сих пор рассуждаю о том, насколько правильным был вынесенный Энгалу вердикт. Мне не хватает марры, с которой можно было бы поговорить на эту тему, но такой марры у меня нет. Можно бы было поговорить с Дерраниалом, но поддерживать марр он не умеет.

Вера воды это не только наше культурное наследие и определяющая религия всего океана, но и свод определенных законов, которые придают нашей вере форму. Наша Нэро, как и все мы, всегда верила в то, что этот мир может сделать лучше только полное принятие наших собственных пороков. Одним из законов Веры воды является постоянное всепрощение любой провинившейся марры, что бы она ни сделала. То есть, фактически, следуя пути всепрощения, мы следуем пути добра, а значит идем по той же тропе, по которой в старину шла наша Нэро.

Всепрощение покажется вам, иным цивилизациям, довольно глупым. Я знаю о том, что в соседних обителях созерцателей царит раздор и происходит огромное количество междоусобиц по всяким маловажным мелочам. Возможно, вы скажете, что в центре каждой цивилизации должен быть хоть какой-то конфликт, будто нравственный или культурный, но спешу заметить то, что на протяжении всех сезонов с момента впадения нашей Нэро в вечный сон, у нашего народа никогда не происходило ни одного разногласия. Первые разногласия среди нас всех возникли в момент образования организации марр вод Язычников, и теперь мы стоим на пороге... я не побоюсь этого слова, революции. Просто потому, что мы перестали прощать друг друга.

Что есть всепрощение сейчас? Простить ближнего за неуместную шутку и простить ближнего за убийство твоего родственника — одно и то же? Для меня, пожалуй, да. Но только если марра в обоих случаях попросит чистейшего прощения и будет раскаиваться перед потерпевшей особой и перед самой Нэро за осквернение живительных вод. Такого же мнения придерживаются и остальные марры, что как и я следуют Вере воды.

Создается такое впечатление, будто на путь добра не ступают только архиереи и судьи, которые будто бы нарочно игнорируют каркас нашей религии в виде прощения всех и за все. Однако только благодаря им мы всё ещё проповедуем учения этой религии. Парадоксально и странно.

Что если Вера воды спустя такое множество сезонов преобразилась, и из священнейшего трактата о важности всепрощения и всеобщего добра, в руках новых руководящих органов стала жестким инструментом контроля простых марр? Я не знаю. Правда не знаю. Вы можете ответить на этот вопрос, незримые читатели? Бывало ли в вашей истории так, что определяющая ваше существование религия обратилась против вас самих?

Или когда против вас обратились ваши же архиереи?

Запись 7. Консул вод Язычников

Слухи оказались правдой. Консул собрал вокруг себя много шума!

Он приплыл к нам вместе со своей делегацией этим утром. Сначала всё проходило хорошо, и прослушивание консула обещало быть плодотворным для обоих наших городов, пока беседа не достигла переломной точки. Но мне лучше описать получившуюся сцену с самого начала, нежели чем я буду её пересказывать со своих слов. Вам так будет интереснее.

Архиерей Лантан, как и всегда, собрал всех высших стражей в одном месте, но теперь вместе с нами были и три других архиерея. Все мы хотели выслушать консула лично, и именно это и стало нашей ошибкой. Однако обо всем по порядку.

Консула зовут Волла. Я сразу выделил его необычный наряд, что отличался от нашей одежды более плотной тканью и различной символикой Язычников. Его чешуя искусственно окрашена в красный цвет, а все его плавники были подрезаны по какой-то причине. На всем его теле были видны заросшие раны будто бы от рыб-культро, которые уже давно были залечены. В общем и целом, для консула Язычников Волла выглядел мужественно, стойко и дипломатично. Было видно, что он повидал многое за период своей жизни. От него не исходило никаких угроз по крайней мере в начале нашего знакомства, и я даже забыл о том, что Язычники сделали с нашим святилищем Нэро.

— Моё имя — Волла, — представился он, и демонстративно окинул нас всех взглядом. — Я пришел не для того, чтобы вредить вам, мои бледные экваториальные друзья, братья.

— Ты нам не брат, чужак, — сказал кто-то из нас.

— Нет, ты не прав, мой дорогой брат. Все марры друг для друга братья и сестры. Все мы выклевались на свет только благодаря вашей, нашей Нэро, а значит всё равно мы являемся родственниками друг для друга.

— Это ты говоришь после того, как вы организовали нападение на святилище Нэро и дальнейший его подрыв? — неодобрительно выкрикнула та же марра.

— Ну же, зачем же вечно смотреть назад? Да и к тому же, откуда у тебя такая информация, что это сделали именно мы? Это прямо-таки настоящий расизм, мой дорогой друг.

Я не нарочно усмехнулся, весь погруженный во внутренний мир Воллы. Его жесты и слова были для нас снисходительны и доброжелательны. Это даже пугало в какой-то степени, потому что от Язычника подобное можно было услышать очень редко.

Архиерей Мендакс чувствовал себя нехорошо, и сегодня у него было плохое настроение. Обратился к Волле он со злостью, скептицизмом. Да так сильно он рассердился, что недовольный высший страж, что до этого относился с агрессией ко словам консула, замолк под его гнетом.

— Да кто вы такой, чтобы называть НАС братьями? Неслыханная дерзость, да ты отродье протухшее! Да как вообще можно объявляться к нам с возгласами о том, что все марры — братья, закрывая свои глаза на то, насколько сильно вы, Язычники, нам докучаете? Какова же ваша цель пребывания здесь, в священнейшем городе всего океана, подлецы?

Мендакс ясно дал понять Волле то, что ему здесь никто не рад. Сам Волла расплылся в улыбке от его слов. Они его никак не обидели, скорее раззадорили.

— Моя цель — примирить оба наших народа. Вернуться в прошлый строй общества без раздора и напрасной ругани, — ответил Волла спокойно.

— Это официальное заявление? Ну и как же вы собираетесь добиться мира между

нашими народами? — спросил уже архиерей Лантан.

— А тут нам и стоит перейти к сути дела. К вам, архиереям, будет предъявлено два требования, необходимых для заключения мирного договора. В свою очередь от лица всего Пакса вы можете потребовать два аналогичных требования и для Язычников. Зуб за зуб, глаз за глаз.

— Каковы ваши требования?

— Первое требование — предоставить возможность жителям Пакса свободно перемещаться между двумя нашими городами, предоставить им возможность сменить место жительства при их желании. Второе требование — передать аквамариновый куб из святилища Нэро нам для того, чтобы мы удостоверились в том, что внутри него действительно спит наша общая Нэро.

Все мы, высшие стражи, переглянулись между собой. Мы попытались понять шутит Волла, или нет. Архиереи, в свою очередь, тоже переглянулись между собой, и негласно вынесли следующий вердикт.

— Эти требования невыполнимы ни при каких условиях. Вы покусаетесь на сохранность жизни наших марр, покусаетесь на сохранность жизни нашей, а не вашей Нэро, и при этом всё равно пытаетесь высказать какие-то требования для того, чтобы оба города заключили союз? Это немыслимо, невозможно, никогда, просто никогда! — завелся Мендакс вновь.

Волла снова улыбнулся.

— Но вы ведь даже не знаете, спит ли наша Нэро внутри куба, или нет. Мы пытаемся понять лишь эту деталь её жизни всё время существования нашего северного города. Нет никаких задокументированных доказательств того, что Нэро отгородилась от всего мира именно внутри этого куба и именно на месте существования её храма. Никто не видел процесс впадения Нэро в вечный сон воочию, но вы всё равно пытаетесь доказать то, что она спит внутри куба. Вы продолжаете в неё верить так, будто она всё ещё находится в сознании, и способна вам помочь.

— На что вы намекаете?

— Я не то что бы намекаю... скорее говорю прямо. Нэро мертва. Вам стоит смириться с этими словами, и подумать о них пару минут.

Все переглянулись с ещё большим недопониманием, нежели чем в прошлый раз.

— Наша Нэро не может быть мертва! Что за чушь? Как вы могли это выяснить? Просто бред, ни стоящий и сухой монеты!

— Архиерей Мендакс, я хочу донести до вас лишь то, что Пакс следует устаревшим законам и правилам. Вера воды больше неактуальна, а Нэро давным-давно перестала выходить с вами на связь. Если в древности она ещё всеми силами пыталась выйти из вечного сна, показывая то, что она всё ещё находится в сознании посредством использования определенных символов, то теперь пропали даже эти символы. Нэро сдалась, и приняла свою участь. Скорее всего она заперла себя в кубе не для того, чтобы вы её не докучали, а для того, чтобы не навредить её любимейшим творениям никоим образом после того, как она погибнет. Вы ведь знаете то, насколько плохие вещи случаются после того, как кто-то из созерцателей умирает.

— Немыслимо! Вера воды вечна, вечна и наша Нэро. Она не может умереть, с её смертью умрет и весь океан, который она создала! Иссохнет любая вода не только в нашем океане, но и вообще во всей Вселенной. Она жива, до сих пор жива, но просто не может

проснуться от своего кошмара! Глупец! Да разве всё это не очевидно? Язычники... да как вы смеете! Отродья!

Мендакс погорячился, и достал из-за пазухи лезвие-культро. Гнев завладел им, и он хотел навредить консулу. Это было большой ошибкой даже при условии того, что он так и не решился ему навредить. Пишу эти строки и понимаю, что эта сцена запомнится мне надолго.

Волла возвел руки к восходящему солнцу. В его руках покоился инструмент, который он достал из мешочка, прикрепленного к его поясу. Высшие стражи, в том числе и я, приняли этот жест за враждебность. Мы быстро направились к нему даже не зная того, что он собирается делать.

Вода вокруг Воллы стала жгучей, колющейся. Я не знаю, как описать это ощущение. Тебя будто бы укололи сотней иголок, заставляющих твои мышцы непроизвольно сокращаться. Уколы чем-то невидимым проходили глубоко внутрь каждого из нас, и каждую секунду в тебя вонзалось всё больше и больше призрачных иголок, пока они не доходили до самого сердца, заставляя его пропускать несколько ударов подряд. Мы устремились на недалекое дно, утратив способность плыть в воде на некоторое время. Это ощущение было непереносимым, ужаснейшим из всех тех, что я когда-либо испытывал, ведь его не могла ликвидировать даже наша священная вода.

Однако это было только начало того хаоса, что произошел дальше.

Несколько стай рыб-культро направились огромной тучей в нашу сторону. В каждой стае — сотня рыб, сотня острейших плавников, которые они используют для самозащиты. Они плыли безумно, привлеченные тем, что произошло секундой ранее. Инструмент нужен был лишь для того, чтобы привлечь рыб-культро, а ощущение от укалывания сотней иголок одновременно явилось его побочным эффектом.

В природе рыбы-культро нападают на хищников даже тогда, когда они просто проплывают мимо. Несмотря на то, что эти рыбы питаются только водорослями и другими растениями, они кровожаднее любого хищника нашего океана. Марры для них — самый интереснейший объект для преследования и разделявания на сотни маленьких кусочков. Стоит ли говорить о том, что сделали эти маленькие рыбы со всеми нами?

Они окружили нас, не оставив и шанса на спасение. Некоторые из нас уже оправались от болезненного покалывания, и начали всплывать со дна. Но это было ошибкой. Каждую всплывающую, паникующую марру стая рыб-культро жесточайшим образом буквально порвала на кусочки. Одна рыба — одно острейшее лезвие, что проходится глубокой, но аккуратной раной по телу марры. Сотня рыб — сотня лезвий, что делают из тела марры то, что маррой уже не является.

Волла успел ретироваться ещё тогда, когда все высшие стражи пали на дно. По крайней мере теперь было понятно, от чего на нем было так много шрамов от рыб-культро.

После этого происшествия из изначальных двенадцати высших стражей, присутствующих на слушании консула, осталось лишь десять марр, включая меня. Два других высших стража забыли о том, что при встрече со стаей рыб-культро лучше всего залечь на дно, и не подавать признаков жизни.

Когда стаи рыб-культро нервно расплылись в разные стороны, мы позволили себе всплыть со дна. Мы обнаружили то, что из четырех архиереев, что присутствовали на слушании, спастись смог только Лантан, а Мендакс получил повреждения. Только они успели залечь на дно, тогда как остальные два архиерея были растерзаны рыбами.

Язычники почти уничтожили нас. Больше у меня нет комментариев. У меня не осталось

ничего, кроме ненависти и презрения к обеим сторонам этого бессмысленного конфликта. И к Паксу, и к Прокулу, городу Язычников.

Запись 8. Святая война

Сменяются дни и сезоны, а я всё также запутан в самом себе. Один сезон — двадцать дней. Двадцать дней — двадцать размышлений о моем месте в этом мире.

Все высшие стражи готовятся к военной экспедиции в северные регионы, с нами пойдет и сотня марр из обычной стражи, переформированных в военных. Не уверен, что мы там будем делать, но Лантан заверил нас, что мы должны застать врага врасплох. Если не получится напугать его нашей численностью, то мы уничтожим его силой. За нашими плечами покоится Нэро, находясь в своем вечном сне. Мы обязаны ей всем тем, что у нас вообще есть, и я уже готов понести её бремя в холодные воды. Ни ради Пакса, ни ради архиереев, а только ради неё одной.

Не уверен, правильно ли то, что мы официально объявили войну Язычникам. По крайней мере эта война будет святой, и в ней победит тот, кто больше всего верил в наш океан. Любой исход этой войны будет благоприятным для нашего мира. Но будет ли благоприятен любой исход для нашей Нэро?

Честно говоря, я всерьез задумался над словами Воллы о том, что она уже давно мертва. Действительно, разве много у нас подтверждений тому, что аквамариновый куб хранит её сон, а не тайну её смерти?

Сезон 3. Живое и необъятное

Запись 1. Начало пути

Архиерей Мендакс останется в Паксе вместе с остальными архиереями, что не пришли на слушание консула. А вот Лантан отправится в экспедицию вместе с нами. В этой записи я хотел бы передать всю мощь и величие этой экспедиции, перечислив её особенности.

Высшие стражи плывут впереди всего строя в количестве восьми марр. Мы прокладываем путь до города Язычников своими лезвиями и кровью, встречаясь со многими хищниками нашего океана. Мы вывели специальную тактику для борьбы с каждым нашим потенциальным врагом. Мы даже разработали тактика при которой стая рыб-культро не сможет нанести нам хоть какой-нибудь вред. Очень надеюсь на то, что во время нашего путешествия она нам не понадобится.

За высшими стражами плывет архиерей Лантан, полностью обмундированный и защищенный магическим артефактом в виде ракушки, которая создает вокруг него защитное поле. Говорят, что в этой ракушке раньше жил рак-отшельник, обладающий частичкой силы нашей Нэро.

За архиереем Лантаном ровным строем в четыре ряда плыл отряд обычной стражи. Сильные мужчины и женщины, которым ещё предстоит показать свою доблесть и отвагу. Между колоннами стражи кумики везут наше продовольствие, рассчитанное на несколько сезонов для каждой марры нашей экспедиции. Если экспедиция затянется на три или более сезона, то в продовольствие пойдут сами кумики, благо к своей участи они готовы с момента рождения, ведь их домашний вид был выведен искусственно и только для двух целей: для перевозок грузов и для получения мяса.

Записи пишу ночью, когда все останавливаются и разбивают лагерь на заросших растительностью скалах. Не хочу, чтобы кто-нибудь заметил, что в моих личных вещах есть запас бумаги на целых четыре сезона, если в каждом сезоне я буду делать по семь-восемь записей небольших или средних размеров. Архиерей Лантан наверняка бы лишил меня титула высшего стража, которого я добивался всю свою сознательную жизнь, если бы заметил то, что я увлекаюсь и писательским делом без разрешения.

Весь этот сезон пройдет в пути от Пакса до города Язычников по одному маршруту. Он не безопасен, и на пути нас будет поджидать огромное количество враждебных обитателей нашего океана. Чем дальше от святилища Нэро, тем чаще можно встретить угрозу для наших жизней. Ближе к городу Язычников влияние нашей Нэро совсем ослабнет, и мы точно лишимся пары десятков марр во время этой экспедиции. Но все мы держимся стойко.

Природа вне Пакса просто удивительна. Думаю, эти записи я посвящу экосистеме нашего океана. Буду рассказывать обо всех встреченных во время нашего похода существах.

Запись 2. Молитвенники

Сегодня после восхода мы проплывали мимо руин древнейшего храма, который возвела наша Нэро лично ещё до того, как она создала жизнь в этом океане. Вход в этот храм навсегда запечатан её собственной кровью, и никто точно не знает, что находится внутри него, и каким созерцателям там нужно было поклоняться.

Наша Нэро очень любила возводить подобные храмовые сооружения. Не даром иные цивилизации прозвали её Жрицей Нэро из-за её любви к своим братьям, сестрам, ну и

конечно же собственной матери. Она возводила им многочисленные памятники по всему океану, и некоторые из них не найдены и по сей день. Около каждого памятника растут молитвенники, белые кораллоподобные растения, которые начинают светиться при приближении марры к ним. Созданы они, исходя из названия, для молитв, но так как мы проповедуем лишь волю нашей Нэро, мы молимся только за её благо. Молитвенники могут заменить паломничество в храм нашей Нэро, и многие марры активно этим пользуются, если не хотят плыть до святилища с самого раннего утра, и возвращаться в Пакс только к вечеру. В условиях нашей экспедиции встреча с памятниками созерцателей поднимает дух всем маррам в отряде. Мы по очереди подплываем к подножию памятника, где растут молитвенники, и начинаем воздавать почести нашей Нэро. Все молитвенники разгораются белым светом практически сразу же, заставляя нас восхищаться этим зрелищем. Есть легенда о том, что чем чище намерения марры, тем ярче сияет кораллоподобный молитвенник.

Надеюсь, что другие созерцатели на нас не в обиде за то, что мы молимся только за нашу Нэро, и совсем не уделяем им никакого внимания.

Запись 3. Лес

Нежные водоросли лениво колышутся в живительной воде. Они образуют завитки, покрывая собой весь песок и создавая захватывающую картину из зеленого цвета. За водорослями мы сразу видим древнейшие серые деревья, кроны которых едва касаются поверхности воды. Мы входим в один из многочисленных водных лесов, что произрастают во всем нашем океане.

Подводные деревья, увитые морскими водорослями и рифовыми образованиями, придают лесу величественность и загадочность. Их ветви раскидываются во все стороны, словно руки, тянущиеся к свету. Все растения тянутся к свету, но наши деревья — больше остальных.

В самых глубинах этого леса, туда, куда свет практически не проникает, на деревьях селятся колонии светящихся моллюсков, что проживают в их корнях и выходят наружу только ближе к ночи в поиске полового партнера и пропитания. Их кровь используется для создания краски, что сама по себе светится в темноте.

Сердце леса — крошечная тьма, где не видишь совершенно ничего дальше своих собственных плавников. С момента входа в центр леса нас начинают преследовать нимфы, хранительницы лесов. Это существа, что вкрадываются в ваше сознание, находят в нем потаенные секреты и детали ваших жизней, и используют их для того, чтобы сбить вас с пути. Нимфы зовут нас голосами наших погибших родственников, вынуждают нас всмотреться в темноту, и увидеть в ней образы марр, что нам так сильно дороги. Но эти грезы обманчивы. Более того, губительны. Ту марру, что сошла с тропы, больше никто и никогда не увидит.

Я видел свою жену. Всмотрелся в ее очертания. Увидел резкие плавники, блестящую даже без света чешую, маленький хвост и худые руки. Я поддался искушению, и уже хотел было поплыть к ней на встречу, но меня одёрнул архиерей Лантан.

— Ты чего удумал, Анарел? — спросил он строго. Я опомнился.

— Я увидел свою погибшую жену, архиерей Лантан. Я был очарован её образом, скрытом во тьме. Простите меня, пожалуйста... нимфы... давят на больное.

— До выхода из чащи плыви около меня. Я не допущу, чтобы ты погиб настолько

глупой смертью, — сердито ответил он на мое откровение.

Я всмотрелся в образ моей жены. На глазах он начал уродоваться. Вместо двух рук я разглядел непонятные отростки. Вместо двух прекрасных глаз — три страннейших глазища, в которых сияла темнота. Вместо рта зияющая бездна, в глубине которой были видны два ряда клыков. Прожорливая тварь уставилась на меня, поняв, что я её раскусил. Лантан держал меня за запястье, дабы я снова не увидел где-нибудь образ своей погибшей жены, и не совершил роковой ошибки.

В центре леса не слышно ни одного звука. Даже подводные течения будто бы останавливаются, и перестают циркулировать нашу живительную воду по всему океану. Слышны только тяжкие всхлипывания жабр многих марр, что также, как и я, в нимфах разглядели своих друзей и родственников. Благо за время этой экспедиции никто так и не решился сойти с тропы и направится прямо в лапы одной из этих тварей.

Подводный лес — это источник вдохновения для писца, который стремится передать магию и великолепие жизни через слова. В его глубинах таят секреты, недосказанные слова, обрывки множества неосуществленных мечтаний, что нашли здесь свое упокоение. Такие леса совершенно не изучены, и кто знает, может, нимфы и моллюски — не единственные его обитатели? По крайней мере я убежден в том, что среди деревьев ходит существо в десять раз страшнее любой из нимф, что мы встретили на своем пути. Просто настолько сильно в темноту ещё никто не вглядывался.

Запись 4. Болезнь

Неприятный случай.

Кто-то из стражей подхватил ришиитов. Беленьких и малюсеньких червячков, которых мы считаем паразитами. Зараженные ришиитами марры страдают от единственной болезни нашего океана, также известной как ришиитизм, названной в честь самих ришиитов.

Ришииты появляются у тех марр, что не следят за своим видом. Микроскопические яйца ришиитов попадают между наших чешуек, и находятся там до вылупления. Вылупившийся ришиит прогрызает чешую, и устремляется в нашу плоть во всю длину своего тела, оставляя после себя один только хвостик.

Эти паразиты не столько вредны, сколько надоедливы. Обычно они прогрызают себе ход лишь на ничтожные полмиллиметра вглубь твоего тела, и остаются там для своего пропитания. Но вред их заключается не только в том, что ты даже не чувствуешь то, что тебя прямо-таки съедают заживо, а в том, что они плодятся с завидной скоростью. За час кормежки один ришиит успевает сформировать внутри себя яйцо, которое он откладывает прямо в воду в надежде на то, что яйцо, движимое подводным течением, попадет на какой-нибудь живой организм, и вылупится уже на его теле. Именно поэтому ришиитизмом заразился вообще весь отряд, включая архиерея Лантана. На каждом из нас по сотне таких маленьких ничтожных червей, раны от которых не способна заживить даже наша живительная вода. Избавиться от этого недуга поможет мясо рыбы с желтым окрасом, названной антивеномоном. Это единственная рыба нашего океана, на которую эти червячки не селятся, ведь их мясо для них губительно.

Благо в провианте были и эти рыбки тоже. Для того, чтобы избавиться от ришиитов, достаточно было перейти на диету только из этой рыбы на приличные три дня. Тогда ришииты, в теории, начнут отмирать, и сами по себе покидать верхние слои нашего тела.

После трех суток диеты из одних только горьких антивеномонов, ришииты

действительно покинули наши тела, всё-таки дав возможность живительной воде залечить наши маленькие раны. Но переход на новую диету для нас, стражников, а особенно высших стражей, всегда кончается негативными последствиями для развития нашей силы. В нашем рационе должна быть самая разнообразная пища как растительного, так и рыбного происхождения, и резкий переход на новую пищу отразился плохо на нашем самочувствии и на нашей воле. Мы стали более агрессивны друг к другу, ощутив, что сил у нас заметно поубавилось. На восстановление прежнего состояния духа уйдет целая неделя интенсивного питания, которая заметно уменьшит наш провиант. Появился риск того, что не все марры смогут дойти до Прокула, а затем вернуться в Пакс.

Ты есть то, что ты ешь. Марры больше других понимают значение этих слов.

Запись 5. Расщелина

Нам было необходимо переплыть через огромную расщелину в океанском дне. Расщелина была настолько широка, что нам пришлось преодолевать её треть всего дня без отдыха. Глубиной она была настолько огромна, что казалось, что из морской бездны на тебя смотрит кто-то злой и кровожадный. Было очень тревожно. Особенно на нашем тревожном состоянии сказались последствия диеты антивеномонами.

Кроме того, мне будто бы почудилось, что на глубине, на которой солнечный свет начинает плавно перетекать в царство мрака абиссальной зоны, было какое-то движение. При чем это было движение не глубоководных существ, а движения самой обычной марры, но с измененными пропорциями тела. У неё будто бы были более длинные ручные и спинные плавники, а сама она была очень истощена.

— Архиерей Лантан, вы видите внизу какое-нибудь движение? — спросил я робко. Но когда Лантан устремил свой взгляд вниз, движение уже прекратилось, и что-то или кто-то застыло на месте, от чего Лантан чего-то или кого-то не разглядел.

— Анарел, тебе снова мерещится твоя жена? Наша Нэро однажды сказала: «Да будет счастье тому, кто не будет жить собственным прошлым, кто сможет простить каждую марру...»

— «...и каждого своего врага. Блаженство настоящей жизни будет даровано только тому, кто сможет простить само время», — продолжил я цитату, — Избавьте меня. Я знаю все эти наставления наизусть. Иначе я бы не был высшим стражем.

— Вот и славно, Анарел. Прости и отпусти свою жену, и ты перестанешь так сильно страдать.

— Нет, архиерей Лантан. На глубине я точно разглядел марру, и это был не образ моей жены.

— Тогда кто же это был? Веришь в существование глубоководных марр?

Я нервно пошевелил жабрами.

— Нет, не верю. Пожалуй, да, мне просто причудилось.

Я соврал. Я не изменил своего мнения по поводу увиденной мною марры. Как бы наша теократическая система правления ни запрещала даже думать о существовании иных видов марр, я всё равно не могу исключить факта того, что они могут быть реальны. Всё-таки океан огромен и безграничен, и вполне возможно, что наша Нэро создала не один народ марр. Впрочем, после того, как я заметил то движение, больше я ничего подобного не замечал. Может быть, мне правда причудилось, и мне просто нужно расквитаться с прошлым?

Запись 6. Круввы

Существа, имеющие пять длинных щупалец, обладающие полностью белым или чуть сероватым оттенком шкуры, выпускают в воду определенные ферменты, из-за которых любая живность в ареалах их обитания постепенно сходит с ума, и устремляется прямо им в пасть. Я говорю о почти что самых опасных созданиях нашего океана. Круввах. Именно они откладывают те яйца, которые мы с Дерраниалом ели два сезона назад.

Круввы живут по одиночке, и селятся преимущественно на подводных скалах в тех местах, где проплывает много рыб. По внешнему виду в «спящем» состоянии они напоминают изуродованный анемон, который начал расти внутрь себя самого. В «активном», «охотничьем» состоянии они напоминают покореженных головоногих моллюсков, вывернутых наизнанку. Вам покажется, что они выглядят страшно, но спешу вас заверить в том, что я лишь описываю их так страшно, ибо просто не могу найти иных более нейтральных слов. На самом деле они выглядят как рыбные ангелы, если вы позволите мне такое сравнение.

Они не переносят собственных же сородичей, и пытаются съесть друг друга при первой возможности. Вы спросите меня, как же они размножаются? Ответ неочевиден и необычен. Они не размножаются в привычном понимании этого слова, ведь не имеют пола, но могут оплодотворять свои отложенные яйца. Откладывают они по одному яйцу в одиннадцать сезонов, и ещё целый сезон ждут, пока его оплодотворит другой представитель этого вида, что проплывал бы мимо. Чтобы не впасть в перепалку, они оставляют свои яйца на границе ареала обитания каждого субъекта.

К чему я веду? Мы не сразу заметили то, что один из круввов поселился прямо на водном пути к городу Язычников, и это повлекло за собой потерю одиннадцати марр из нашего отряда.

Стражник Беннер почувствовал помутнение рассудка. Сначала он потерял сознание, а затем проснулся как ни в чем не бывало, и продолжил свой путь вместе со всеми нами, но в один момент спятил, и вонзил лезвие-культро ближе стоящему товарищу. Тот, естественно, погиб не сразу, но второй удар лезвия пришелся ему в шею, и уже после второго удара Беннера схватили, и отобрали у него лезвие-культро. В это же время в других частях отряда повторилась такая же история, где обезумевшие марры начали убивать своих товарищей. Мы сразу предположили, что резкое безумие Беннера и других марр может быть связано с выпуском в воду ферментов крувва, и мы решили доплыть до города Язычников по другому пути. После этого в отряде рецидив под действием ферментов крувва больше никто не совершал.

Беннер впоследствии покончил с собой, когда время воздействия фермента на его мозг уже прошло, и мы его отпустили. Он не смог простить себя за то, что убил своего товарища, потому вонзил свое же лезвие-культро себе в сердце. Никто не успел его остановить.

Мне известно множество историй, когда отважные смельчаки собирали яйца круввов, и постепенно предавались действию их ферментов, в дальнейшем сходя с ума. Именно поэтому их яйца так сильно ценятся в нынешнем мире, ведь одно добытое яйцо вполне может стоить как минимум одной жизни марры. Именно поэтому в одной из первых своих записей я удивился тому, что Дерраниал откуда-то всё-таки смог добыть себе яйцо, которое разделил со мной. Даже представить не могу, каким безрассудством можно обладать, чтобы полезть в ареалобитания крувва, и украсть его яйцо!

Запись 7. На легкой поступи к городу лжецов

Вода похолодела. Это может значить лишь то, что мы уже подобрались к северу нашего океана. На поверхности воды уже начинает виднеться лед, а изобилия флоры и фауны начало становится все меньше и меньше. Свет от нашего солнца становится более белым, угрюмым, и из-за этого даже живительная вода нашего океана бледнеет и высвечивается. Окончательным событием, уведомившем нас о том, что мы всё-таки добрались до северного региона, стала встреча с огромнейшим Цетом. Да, именно Цетом. Я написал название этого вида с большой буквы, дабы передать его величие и его огромный размер.

Цет — крупнейшее водное создание, которое обычно причисляют к млекопитающим. Встреченный нами Цет достигал длины тела в целых тридцать пять метров! Головы у этого вида довольно большие и узкие, а пасть их может раскрываться на три метра в диаметре, что позволяет ему питаться планктонными организмами в огромных количествах.

Цеты миролюбивы, но в последнее время Язычники участили на них охоту из-за их толстого слоя жира, что сберегает их от холода северных вод. Поэтому этот Цет отнесся к нам с боязнью, и поспешил развернуться в другую сторону, немного увеличив свою скорость, а мы продолжили путь дальше.

Город язычников виднелся на линии горизонта. Вернее, виднелся не он сам, а его высокие дома и башни, в которых, судя по всему, и живут Язычники. В отличие от деревянных домов на сваях Пакса, дома города Язычников построены из металла и камня, и имеют большой размер, походя на морские скалы, в щелях которых поселились серые крабы.

Мало что известно о городе Язычников. Большинство наших знаний о нем ограничивается той информацией, которую мы получили ещё сотни сезонов назад во время образования организации Язычников. То есть тогда, когда отношения между нами и ними ещё не были настолько враждебны и остры.

— Взгляните, братья и сестры. Впереди город лжецов, где нет ничего, кроме разрухи и смерти. Язычники живут в этом забытом самой Нэро уголке океана лишь потому, что боятся нашего могущества. Именно поэтому они всегда действуют исподтишка, как самые плутоватые и безмозглые рыбки. Если они не пойдут с нами на контакт, пусть знают, что мы ни за что не сдадимся в схватке с этими еретиками! Нэро на нашей стороне, и мы заставим их уверовать в неё! — воодушевил нас своей речью архиерей Лантан.

Правда с последней фразой я категорически не согласен. Не думаю, что наша Нэро вообще может быть хоть на чьей-то стороне. Будь она вместе с нами, она бы непременно остановила этот бессмысленный и кровопролитный поход. Будь моя воля, я бы и сам остановил его, и развернул всех обратно.

Но что есть мнение меньшинства для Веры воды?

Сезон 4. Мёртвый свет

Запись 1. Преддверие

Город Язычников окружен стенами, словно он является неприступной крепостью или храмом. Перед тем, как заявить им о нашем присутствии, мы собрались в круг, и в одно время начали молиться за нашу Нэро и её непоколебимый дух. Пусть направит она всех марр на верный путь. И нас, и Язычников тоже, ведь сейчас можно ожидать чего угодно.

Мы переформировались в защитный строй в форме правильного пятиугольника, в центре которого находились наши припасы и архиерей Лантан, а внутренним его наполнением были обычные стражи. Высшие стражи, включая меня, вместе с двадцатью обычных стражей, разбрелись по группам вокруг основного пятиугольника, в атакующих строях в виде прямоугольника. Наши движения плавников и хвостов были почти что синхронны, и мы подплыли к преддверию города.

Часовые Язычников заметили наше присутствие со стен. Они направили на нас причудливого вида копыя в качестве предупреждения о том, что каждое лишнее движение будет расцениваться как начало битвы.

— Оставайтесь на одном месте. Сейчас к вам выплывет переговорщик для выяснения причины вашего присутствия здесь, — громко сказал один из часовых, посоветовавшись с другими.

Мы оставались в дрейфе настороженно. Атакующие строи крепко держали лезвия-культро в ожидании начала чего-то ужасного, но ужасное не случилось. К нам действительно выплыл простой переговорщик.

— Премного извиняюсь за свою задержку. Как только мне сказали о том, что за территорией города находится целый строй экваториальных марр, я сначала счел эти слова за глупую шутку. Но теперь я нахожусь здесь, и даже не могу поверить своим глазам, — обратился переговорщик сразу ко всем нам. Он не выглядел враждебно, и даже больше скажу, он и сам выглядел очень испуганно. — Пожалуйста, можно мне переговорить с вашим духовным предводителем? Лантаном, кажется?

В основном пятиугольнике поднялся небольшой шум, но Лантан не стал выходить из строя на разговор с переговорщиком.

— Вынь из карманов все вещи для начала, — сердито сказал архиерей Лантан. Переговорщик замешкался, и не стал выполнять его просьбу. Но он практически сразу понял, что мы больше не пророним ни одного слова, пока он не сделает то, что ему сказали.

Тогда он виновато вынул из кармана тот же инструмент, что был в руках у Воллы, консула Язычников в Паксе перед тем, как на нас напала стая рыб-культро. По всей видимости переговорщик хотел воспользоваться этим инструментом, когда архиерей выйдет из защитного строя. Он бросил его в песок, и уставился на нас с ещё большим страхом.

— Тогда, может быть, на переговоры выйдет кто-то другой? — виновато и протяжно сказал он.

Снова прошла волна обсуждения, что длилась несколько минут. В итоге выйти на переговоры решился я, как доверенное лицо архиерея Лантана. Отныне я буду защищать интересы Пакса.

Я подплыл к нему настороженно, крепко держа свое лезвие-культро. Переговорщик, очевидно, боялся всех нас, а в особенности из-за того, что он лишился своего единственного

оружия. Он понимал, что даже часовые не успеют ему помочь, если что-нибудь случится.

— Видите ли, уважаемый... как вас зовут?

— Анарел. На диалекте Пакса это имя означает «постоянство».

— Хорошо, мистер «постоянство»... Видите ли, весь Прокул очень сильно напуган вашим своеобразным... вторжением в нашу зону юрисдикции. Вы собрались объявлять нам войну?

Я ненадолго погрузился в свои воспоминания. Да, истребление Язычников вылечило бы все мои душевные раны. Но война между двумя крупнейшими городами океана закончится плачевно для обеих сторон конфликта.

— Цель нашего пребывания в ваших холодных водах зависит от желания вашего региона сотрудничать с нами. Всё может кончиться хорошо как для нас, так и для вас, если вы согласитесь с нами сотрудничать.

Переговорщик смотрел на меня растерянно. Он был мне по плечи, и был очень хилым.

— Значит, вы пришли с мирными целями?

— Повторюсь. Наша цель пребывания здесь зависит только от вас самих.

— Эта цель... она касается вашей теократической системы правления? Религиозной составляющей вашей... культуры?

— Эта цель непосредственно касается нашей Нэро и вашего консула по имени Волла.

Я ожидал подвоха со всех сторон. Я почему-то думал, что переговорщик окажется не тем, кем является, и при любом удобном случае вонзит мне нож в жабры, но он действительно был просто запуган. В глазах Язычников мы выглядим дикарями. Оно и ясно, наверняка среди народа северных вод ходит много историй о том, как их бедная нация спаслась от тирании Пакса, выскользнула из цепких лап экваториальных марр...

— Подобные вещи обсуждаются уже без моего участия, раз всё... настолько сложно. Я думаю, что завтра вас примет наш религиозный деятель. Кто-нибудь оповестит вас о том, что он может вас принять. А пока можете передать вашим... друзьям... о том, что правительство Прокула разрешает вам обосновать лагерь за пределами города не ближе, чем на тридцать метров к нашим стенам.

— Разве вы больше не хотите вести переговоры с архиереем Лантаном, лидером нашего похода?

Но переговорщик уже не ответил, и в спешке уплыл за стены города. Я бросил мимолетную улыбку. Архиерей Лантан, услышав о том, что нам разрешили разбить лагерь, сразу же начал управлять этим процессом. Все мы после долгого пути очень устали, и поэтому в большой спешке мы начали ставить палатки из ламинарий и всего того, что у нас было с собой. Лантан успел назначить и дежурных, что надзирали за палаточным городком тогда, когда все спят.

Ближе к вечеру я заметил, что часовых на стенах Прокула стало больше раза так в два, и все они наблюдали за нашими действиями. Они явно были насторожены и шокированы нашей выходкой, ведь ещё никогда марры Пакса не устраивали подобных походов.

Я снова помолился за нашу Нэро.

Запись 2. Еретик

На рассвете меня поднял один из дежурных. Архиерей Лантан тоже уже не спал, и пожелал мне удачи, дав пару давно выученных мною напутственных слов.

— Если тебя не вернут через три часа, то мы объявим Язычникам войну. Ты и сам там

долго не находишь. В этих водах обитает только ложь и раздор.

Я выплыл из своей палатки, скинув с себя оковы сна. Около ворот в Прокул меня ожидал страж Язычников, но он был таким же хилым, как и их переговорщик, так что даже его крепкая броня не вселила в меня ничего, кроме озадаченности тому, что в северных водах все марры выглядят какими-то слабаками. Извините меня за подобные слова.

Он даже не поприветствовал меня, но сопроводил меня вплотную к воротам. Я мог бы переплыть стену, и оказаться в Прокуле более быстрым и менее показушным путем, но Язычники, скорее всего, просто хотят показать свою фальшивую напыщенность и пунктуальность. Ворота открылись со скрежетом, и подводное течение начало вливаться внутрь города.

Я проплыл внутрь, и удивился местной инфраструктуре. Времени обратить внимание на её необычность вчера у меня не было, но зато его было предостаточно теперь. Массивные здания возвышались высоко над моей головой, и, откровенно говоря, я даже немного завидую, что мы такие здания не строим. В Паксе фундамент домов, храмов и прочих сооружений представляет из себя хилую конструкцию из определенного вида твердых водорослей, которые мы используем для строительства, а также небольшого слоя подводных камней, что плотно прилегают к водорослям. Такие дома недолговечны и хрупки, ведь их ломает любое сильное подводное течение, но, по крайней мере, они не ресурсозатратны в производстве. А дома в Прокуле, очевидно, очень крепки. Что уж говорить, такие дома ни одно подводное течение не снесет.

Мой спутник повел меня внутрь серого собора, украшенного голубыми стеклами, сквозь которые пробивался свет. Он остановился у входа, и сказал мне подойти к Еретик. Это звание местного «духовного деятеля». На тот момент я даже и представить не мог, что у Язычников есть своя религия.

— А... Да, экваториальная марра. Какой ты высокий и сильный, сын мой. В рядах Язычников ты бы принес больше пользы... — обратился ко мне Еретик, не скрывая своей заинтересованности ко мне.

— Я лучше скормлю себя лактенсам, нежели подамся в ряды Язычников. Я думал, что между нами должен состояться какой-то разговор. Однако, по всей видимости, вы просто пытаетесь меня завербовать в свой культ.

— Нет, что ты. Не существует ничего между нами. Существует только то неосознанное нечто, что находится между Паксом и Прокулом. Ты представляешь интересы своего города, а я представляю интересы своего города. Личностные составляющие этой беседы исключены.

Еретик был слеп. Это я понял после того, как он многозначительно обратил на меня свой взор, будто пытался рассмотреть меня своими потухшими, белыми глазами. Затем он подплыл к престолу, и прикоснулся к лежащему на нем синему камню. Камень начал светиться, и я снова ощутил колющее ощущение внутри своего тела. Я подумал, что таким образом Еретик призывает стаю рыб-культро, но всё оказалось гораздо неожиданнее.

В соборе в разы посветлело. Прикрепленные к потолку устройства, что Язычники именуют электронными лампами (как я узнал после), включились и принялись озарять всё вокруг своим искусственным светом.

Болезненные ощущения прекратились, и Еретик положил синий камень обратно на престол, ожидая моих слов. Но ничего сказать я не мог.

— Это, сын мой, электричество, — улыбаясь сказал он мне.

— Это магия?

— Электричество — не магия. Это наука. Магия и наука не могут сосуществовать вместе. Это два противоположных понятия.

Наука — слово вычурное. В древности в Паксе проводились какие-то «научные» исследования, но их результаты лишь губили нашу цивилизацию, из-за чего любая «наука» была искоренена. А теперь я слышу о том, что Язычники овладели этой самой наукой! Этой разрушительной силой, которая может принести как добро, так и зло в одночасье!

— Сын мой, ты удивлен?

— Я... вполне удивлен. Мне нечего скрывать.

Еретик по-доброму усмехнулся.

— Ты бы удивился ещё больше, поняв, что открытие электричества — не единственная заслуга Язычников.

Я прервал Еретика.

— Мне хоть и интересно узнать о ваших разработках, но я здесь совсем не за этим. Прокул должен ответить за то, что он сделал Паксу в эти сезоны.

Еретик снова посмотрел в мою сторону с удивленным взглядом.

— Да, конечно. Просто я думал, что наши технологии могли бы вернуть тебе твою жену...

Моя Фифиан! Как они узнали о ней? Я не имею ни малейшего понятия.

— Ни слова о моей жене! — рассердился я, и принял угрожающий вид. Еретик, конечно же, этого не увидел. — Именно из-за вас, из-за Язычников и погибла моя жена! Она обратилась на вашу сторону, и она намеревалась погубить нашу Нэро!

— Ну ладно, ладно, не горячись. Тебе не к лицу вся эта злоба. Такая марра, как ты, должна быть сдержанна. Что же Пакс хотел обсудить с Прокулом?

— О, поверьте, много вещей.

Я подробно описал ему каждую провинность Язычников, начав с убийства Туана, и закончив подрывом священного храма Нэро и убийством ещё двух архиереев. Еретик после всей той информации, что я вылил на него, несказанно удивился.

— Я не верю в том, что Прокул способен на подобные вещи. Да, подрыв святилища действительно состоялся, и был организован нами. Но сделали мы это во благо всех марр нашего океана.

Я ударил кулаком по ближайшей колонне. На месте удара появилась небольшая трещина, а на моем кулаке проступила кровь, которая тут же свернулась.

— Ты зол из-за того, что я сказал, что подрыв святилища был организован из соображений безопасности? Что ж, я не лгу. Всем маррам просто необходимо узнать, что находится внутри аквамаринового куба. Останки былой Нэро или её живое тело?

Я рассердился сильнее.

— Какое это может иметь значение, если вы покусаетесь на сохранность священного объекта, безусловной части нашей всеобщей культуры? Вы покусаетесь на покой Нэро, и совсем не важно, жива она или мертва.

— О, ещё как важно! Если жива, то мы сделаем всё, чтобы загладить нашу вину. Если мертва, то... скажу честно: ни одной марре этого океана несдобровать.

— Я требую четких объяснений, Еретик.

Еретик только глупо улыбнулся, и вернулся к синему камню. Я сжал лезвие-культро крепче, но Еретик лишь отодвинул камень в сторону, освободив престол. Вместо камня туда

он положил сверток старой бумаги.

— Подплыви сюда, сын мой. Посмотри на это, и ты, надеюсь, всё поймешь.

Еретик развернул сверток, и передал мне его в руки. Слова в нем были написаны четким, но мелким шрифтом. Я начал читать его содержимое.

«Вода есть источник жизни. Это безусловный факт, который дает мне власть над самой жизнью и смертью. Всё свое сознательное существование во время Эры Слез я пыталась залечить ваши раны, облегчить вашу судьбу, и спасти ваших бедных живых созданий, исхудавших от постоянного кровопролития. Однако теперь мои силы иссякли, и я совсем не могу помогать вам так же, как я помогала раньше. До сей поры я молилась нашей праматери за вашу сохранность, но после инцидента с Полой я совсем не нахожу себе места, и уже не могу заниматься тем, чем занималась раньше. Я отделилась от вас с того самого момента в своей обители, Акве Праестантии, с надеждой на то, что живя в отшельничестве призраки прошлого меня преследовать больше не будут. Но мне стало лишь хуже, хуже от того, что каждый день я наблюдаю за своими маррами, моими любимейшими сыновьями и дочерями, и понимаю, что они даже и не представляют, насколько же я грешна! Я смотрю на их семьи, смотрю за развитием каждого малька и оберегаю его от невзгод моего океана, и где-то в глубине души понимаю, что проецирую на мальках своё желание помочь той, кому помощь уже не нужна. В её смерти виновата я, я! Жрица воды, жрица источника самой жизни, убила свою собственную сестру из-за какой-то чепухи! Из-за семени раздора, что посеяла и вырастила я сама. С каждым днем я переживаю тот ужаснейший день вновь, придумывая всё больше и больше благоприятных исходов, при которых она бы не погибла, но в этом совсем нет смысла, ведь она уже давно мертва, и прошлого мне никогда не изменить. Её кровь отпечаталась на моей душе, и моя боль пройдет лишь тогда, когда погибну я вслед за своей сестрой.

Это письмо предназначается вам, мои братья и сестры. Я намерена совершить ужаснейший поступок, предав и своих любимейших созданий тоже. Я вынуждена лгать им о том, что в скором времени я погружусь в Вечный сон подобно нашей праматери. Вокруг своего тела я воздвигну куб из аквамаринового камня, что не даст миазмам просочиться в мир моих созданий. Все вы знаете, что останки мертвых божеств могут погубить целый вид... а таким образом даже после смерти я останусь как можно ближе к своему собственному народу, и при этом мои грехи не будут терзать моих детей.

Пусть они думают, что я осталась жива. Я даже не хочу представлять их лица, если бы они узнали, что я свела счеты со своей священной жизнью. Этим я бы погубила и их самих. Я слишком люблю их, чтобы раскрыть им правду о своем прошлом и о своем будущем.

Простите, если напугала вас этим письмом. Во мне пылает ненависть к самой себе, но я все равно хотела бы поделиться с вами этим откровением. Я не хочу погибать с мыслью о том, что вы думаете, что я отделилась от вас из-за собственного эгоизма. Возможно я действительно эгоист, но терпеть ежедневные терзания своей души я больше не могу. Надеюсь на ваше понимание.

Искренне ваша вечная Нэро. Пусть мои слёзы вас излечат»

Может ли марра вроде меня осознать всю тяжесть этих слов? Может ли хоть какая-нибудь марра во всем нашем безграничном океане представить то, что чувствовала наша Нэро во время написания этого письма?

Я судорожно отшатнулся от свитка, небрежно положив его обратно на престол. Я выпустил свое оружие из рук, и оно медленно опустилось на пол собора. Моё тело стало

каким-то неуклюжим, непослушным, и моё дыхание перехватилося. Я прильнул к той самой колонне, которую я ударил, и медленно сполз по ней, так как был не в состоянии держаться на плаву. Я хотел закричать что есть сил, но ни один звук не вырвался с моих уст. Я хотел изничтожить себя, растерзать на куски, погибнуть и пропасть на целую вечность, подобно нашей Нэро.

Еретик испуганно подплыл по мне, поняв, что я теряю свой рассудок. Он начал приводить меня в чувства, успокаивал так, будто я потерял свой смысл жизни. И это было недалеко от правды.

Она МЕРТВА! Это приговор. Приговор, слышите? О наша бедная, бедная Нэро!

Запись 3. Метаморфозы

Я не писал записи тринадцать дней. Всё это время в духовном плане со мной происходили некоторые изменения. За это время я успел успокоиться и смириться с тем, что Язычники всё-таки остались правы. Я приму точку зрения Язычников, но своей душой всё равно буду стоять за нашу Нэро, и совершенно не имеет значения, погибла она, или нет. Я буду предан её учениям до конца жизни. Не тем учениям, что ограничивают каждую марру, но тем учениям, что развивают наше общество и возводят нас на венец нашего существования как её последователей.

По крайней мере теперь я всё понимаю. Козырь Язычников — этот свиток, но содержание его показывать кому-то из наших просто нельзя. Они не поймут, или сочтут это за фальшь, и отношения между нашими городами лишь ещё больше ухудшаться. Архиереи не поверят в это уж точно, и решат объявить Прокулу священную войну. Но войну для кого или за что? За нашу погибшую Нэро, которой больше нет дела до нашей веры в неё?

За это время, пока вы оставались без новостей от меня, произошла пара интересных событий, мыслями о которых я хотел бы с вами поделиться.

Во-первых, сразу после того, как я вернулся в наш палаточный лагерь, архиерей Лантан, заметив мою разбитость и опустошенность разума, сразу захотел напасть на Прокул, но я заставил его одуматься. Я не стал раскрывать ему все карты, ведь уже тогда трезво понимал, что каждое лишнее слово, сказанное в чей-либо адрес, будет использовано против общего будущего Прокула и Пакса. Я свято верю в то, что между северным регионом и экватором должен воцариться мир после многосезонной вражды, в ходе которой погибло множество марр обеих сторон. Я намерен закопать топор войны, и по сей день навещаю Еретика в Прокуле, обсуждая с ним множество вопросов, связанных с деятельностью обоих городов. На самом деле Язычники не настолько жестоки. Их агрессия в нашу сторону связана с тем, что мы сами являемся инициаторами агрессии. Если мы всё-таки решим установить мир между нами, то Язычники охотно с нами согласятся. Вспомните только Воллу! Язычники хотели пойти к нам на уступки, и даже решили забыть ужасные грехи Пакса, лишь бы закончить эту бессмысленную войну. Но именно из-за твердолобости архиереев в тот момент всё закончилось плачевно. Ни в коем случае не оправдываю его действий, но всё же...

Во-вторых, вход экваториальным маррам в Прокул всё-таки был разрешен. С момента открытия основных ворот нам разрешили свободно перемещаться по территории города, заходить в общественные места и навещать местные достопримечательности безвозмездно и без каких-либо санкций. Это был жест доброй воли со стороны Язычников, но архиерей Лантан им не воспользовался. С момента открытия ворот внутрь города решились проплыть лишь два десятка марр, и то, архиерей Лантан им не разрешил селиться внутри города ни

при каких условиях, ссылаясь на то, что северный регион всё ещё враждебно настроен по отношению к экваториальным маррам, что на самом деле далеко от правды. К тому же архиерей Лантан и сам бывал на переговорах с Еретиком, и тот неоднократно пытался склонить его в сторону завязки конфликта, но Лантан оставался непоколебим, ведь условия завершения мирного соглашения до сих пор остаются невыполнимыми. Но, честно говоря, я и сам до сих пор не понимаю, для чего же Язычникам пригодился аквамаринный гроб нашей Нэро. Навряд ли им удастся его открыть...

А завтра архиерей Лантан сделает публичное заявление для всего нашего отряда. Он намекнул о том, что оно сыграет ключевую роль в развитии конфликта двух городов. Я безусловно согласен с тем, что уже давно пришло время что-нибудь предпринимать, ведь мы не можем стоять на одном месте так долго. Я очень боюсь, что конфликт достигнет своего апогея.

Запись 4. Мёртвый свет

На раннем рассвете мы встали в шеренгу в несколько рядов. Архиерей Лантан расположился возле своей палатки, и начал свою речь. Заинтересованные часовые города Язычников уже готовились подслушать его вердикт, но, по всей видимости, самого Лантана это никак не смущало.

— Каждый из нас уже познакомился с «чудесами» мира Язычников, — начал Лантан, озаряя нас всех своим глубоким взглядом, — Я, конечно же, говорю в первую очередь об электричестве.

Слово «электричество» он растянул, произнес его со скрытым презрением.

— Неоднократно Прокул склонял нас к использованию благ электричества, и вы, конечно же, понимаете, насколько это опасная затея. Электричество — необузданная, первородная энергия, что заставляет стаи рыб-культро сходить с ума. А мы, подобно этим рыбкам, и сами звереем при виде электрических приборов, сомнительных «благ цивилизации». Что хорошего может дать нам сотрудничество с северными маррами, что превозносят электричество в абсолют мироздания? Ведь само его существо — мёртвый свет. Имитация настоящей энергии, от которой отреклись Язычники в пользу своих призрачных грез о том, что электричество сможет помочь им уподобиться созерцателям.

Мёртвый свет.

— Что же является «настоящей энергией» в вашем понимании? — резонно спросил я.

— Энергия, что породила нас, является настоящей, единственной истинной. Конечно же я говорю о нашей Нэро.

Всякие упоминания Лантаном нашей Нэро приводят меня в ужас с тех пор, как я прочитал её письмо в соборе.

— Камни, что излучают электричество, также созданы самой Нэро, как и мы сами. То есть использование их силы не является чем-то богохульным... не так ли? — робко возразил я.

— Высший страж Анарел, как вы можете допустить, чтобы подобные мысли вырывались из ваших уст? Вы не только вредите вашим напарникам этими отравляющими воды доводами, но и противитесь моим словам, что условно наказуемо в рамках нашей экспедиции. Только попробуйте произнести хоть один звук до конца моей речи, и тогда лишитесь всех привилегий высших стражей.

Я покорно замолчал. Мне его было не переспорить. Пользу электричества

действительно нельзя отрицать, ведь с её помощью можно вырабатывать тепло и автоматизировать процесс производства каких-либо материалов, что по сей день в Паксе производятся ручным трудом. Именно электричество позволило воздвигнуть в Прокуле огромные и крепкие дома, и именно электричество дало возможность их обогреть, ведь в северных водах, всё таки, довольно холодно.

С каждым днем во мне пробуждается не просто нетерпимость к нынешним реалиям, установленным Верой воды. Хотя я понимаю, что это вина вовсе не книги.

— В связи с тем, что Язычники предпочитают молиться за себя самих в своих пресловутых церквушках, а не за благо нашей общей Нэро, я просто не могу допустить, чтобы Прокул и Пакс заключили мирное соглашение. Использование мёртвого света ими также препятствует мирному решению нашего конфликта.

Я вздрогнул. Вздрогнули и остальные марры.

— Я официально объявляю Прокулу священную войну. Войну за благо Веры воды, в которую Язычники уверуют через силу. Весь их род заблудился в лабиринте технологий, и совершенно забыл о том, что привело их к таким сомнительным вершинам.

Часовые города Язычников нервно переглянулись между собой. Язычники и сами не хотели никакой войны, ведь любой военный конфликт оставит ужасный рубец на нашей общей культуре.

После речи архиерея Лантана он сразу скомандовал нам собраться в атакующий строй. Он хотел напасть на Прокул прямо сейчас!

Я был единственным высшим стражем, что пошел против его решения. Я категорически отказался принять участие в нападении на город Язычников, и мне не осталось ничего, кроме как публично отречься от Веры воды и её учений. Растерянный Лантан успел осознать то, что произошло, только тогда, когда я уже был в пределах Прокула.

Часовые Язычники почти сразу затрубили тревогу, разнеся весть о нападении отряда Лантана на Прокул. Думая об этих событиях тогда, я осознавал, что у архиерея не выйдет захватить и половины Прокула, однако своего нового противника я недооценил.

Не уверен, что случилось дальше, но впоследствии я узнал, что ворота Прокула были разрушены могучей силой, взявшейся, якобы, из ниоткуда.

Запись 5. Металл

Весь остаток прошлого дня я провел вместе с Язычниками. Сейчас, когда сменился день, у меня появилось немного времени, чтобы рассказать вам о том, что случилось дальше.

Помните о той магической ракушке, что должна была защищать Лантана как оберег, создающий вокруг него защитное поле? Несмотря на её первичную защитную цель, она оказалась одним из самых разрушительных орудий всего нашего океана. Она способна приводить любые каменные сооружения в движение, и изначальным планом Лантана было уничтожение всего Прокула с помощью одного только этого артефакта. Структура зданий Прокула невообразимым образом поддается разрушительному воздействию ракушки, что вызывает в воде определенные колебания, и все сооружения распадаются на свои составляющие.

Так пали защитные ворота Прокула, и войско Лантана продвинулось в город. Никто из нас, высших стражей, не знал о скрытом применении этой ракушки, и я даже не могу представить, как мои бывшие напарники тогда удивились.

В то же время я нашел Еретика, что перед кем-то горячо раскаивался в своем соборе. Я

бы предположил, что он раскаивается во всех своих грехах нашей Нэро, однако это было не так. Я отвлек его от дела, и спросил у него, каким образом я мог бы помочь остановить это сражение. Но Еретик не проронил ни слова, и только бросил на меня холодный, как лёд, взгляд.

Я испугался и отплыл от него. Еретик склонился над престолом, и очень тихо что-то проговаривал. Догадавшись, что я отвлек его от молитвы, я поспешил устраниться из собора, дабы помочь охране Прокула напрямую. Но как только я подплыл к дверям, их заслонил прочный слой металла, что выдвинулся из стен собора. Также были заслонены и многочисленные витражи. Я думал, что попал в ловушку.

Я подплыл обратно к Еретику, и тот уже не выглядел слишком холодно и безучастно. Напротив, теперь он был очень взбудоражен и тревожен.

— Сын мой, прости меня! Прости за то, что напугал тебя! — произнес он жалобно. Я не успел сказать и слова, как он тут же продолжил. — Я перевел собор в защитный режим. Теперь Лантан не сможет проплыть к нам внутрь. Можешь считать, что мы уже спасены.

Я посмотрел на него скептически.

— Зачем Лантану нужно идти сюда? Разве он просто не собирался захватить местную власть? Разве вы представляете какую-нибудь политическую ценность?

— О, нет! Он вовсе не пытается захватить власть в нашем городе. Все мы уверены, что он пытается выкрасть у нас письма Нэро!

— Так значит Нэро после себя оставила не одно письмо?

— Нет! Помимо найденного нами письма, адресованного созерцателям, на просторах нашего океана мы нашли ещё с десятков её писем. Все они имели разных адресатов, но, как ты можешь догадаться, письма до них так и не дошли, и остались в пучине нашего океана. Если бы не общие силы Язычников, многие факты жизни нашей общей Нэро так и остались бы неразгаданными. Следовательно, в нашей истории было бы больше пробелов, нежели чем есть сейчас.

Мне казалось, что Еретик лжет. Но вполне возможен вариант развития событий, при которых Вера воды могла отвергать подобные артефакты из прошлого. Одно мне только неясно — каким образом Лантан мог прознать о существовании этих писем?

— Впрочем, всё идет под контролем, сын мой. Я рад, что ты избрал нашу сторону. Ведь отряду Лантана придется очень несладко.

Я не стал ему говорить, что не избирал чью-либо сторону.

— Что вы собираетесь с ними сделать?

Еретик подплыл к престолу, и, к моему глубочайшему удивлению, он начал подниматься вверх. Под престолом находилась структура из металла, название которой я уже не помню.

— Лантан не знает, что весь Прокул — один большой механизированный капкан. Нападением на наш город он подписал себе смертный приговор... — воодушевленно произнес Еретик, и пригласил меня поближе осмотреть структуру.

Услышав о том, что Язычники собираются убить Лантана, я уже хотел было возразить Еретику, но тут же понял, что с моим мнением никто считаться не будет. Я молча подплыл к структуре.

— Электричество даровало нам возможность строить подобные машины. Этот механизм заставит тебя очень сильно удивиться, сын мой.

«Механизм» начал работать, и на прямоугольном темном полотне внезапно проявилась

картинка окрестностей собора.

— Необычно, — сухо произнес я, не понимая, что конкретно мне хочет показать Еретик.

— Не отрывай взгляда от экрана. Отряд Лантана, кажется, уже близко.

На полотне проявилось удаленное движение. Я удивился.

— Это живая картина? — заинтересованно спросил я, не понимая, каким образом на полотне постепенно начинает виднеться мой отряд.

— Это экран, что проецирует на себя запись с камеры, расположенной снаружи собора. Она записывает все то, что происходит вокруг нее, и передает картинку на этот механизм.

Это чудо. Подумать только, насколько же меньше стало бы у меня работы, если бы такие камеры поставили в святилище Нэро...

Отряд Лантана медленно подплывал к собору, а сам Лантан был окружен непробиваемой аурой ракушки. Еретик призывал меня не отрываться от экрана, и наблюдать за тем, что случится дальше. Хотя и сам он был слеп, и не мог наблюдать за тем, что происходит на экране, что показалось мне странным.

Как только отряд подплыл к собору на нужную дистанцию, из-под песка внезапно вырвались две полусферы, что внутри были пусты. Они накрыли собой весь отряд, и затем эта странная конструкция захлопнулась. Лантан был пойман в капкан, как и заверял меня Еретик.

— Но разве эта конструкция смертельна?

— Не совсем. Им оттуда своими силами не выбраться, и даже артефакт Лантана, что может приводить в движение камни, не сможет помочь ему выбраться, ведь он не воздействует на металлы.

Еретик смотрел на меня с интересом, в ожидании того, что я сам догадаюсь, каким образом работает эта ловушка. К моему ужасу я понял это буквально через минуту.

— Вы хотите оставить их внутри пока они не умрут с голоду! — громко сказал я. — Это возмутительно!

— Тише, сын мой. Да, мы собираемся оставить их внутри и морить их голодом. Однако у каждого твоего бывшего друга есть шанс оттуда выбраться, если он примет сторону Язычников. Такого шанса, пожалуй, не будет только у вашего архиерея. Он поплатится за тот вред, что он нанес нашему городу, и в дальнейшем будет сослан в одну из наших тюрем. Только погляди на окружающие здания...

И только сейчас я осмотрел окрестности собора детальнее. Лантан не оставил и камня на камне не оставил на четверти города. Такой огромный вред был нанесен Прокулу за такой маленький промежуток времени....

— Наша святая Нэро! Неужели он смог разрушить город в одиночку! Что же случилось с простыми маррами, что в это время находились в домах?

— Не переживай, мы их эвакуировали в подземную часть города ещё в момент разрушения врат Прокула. Какое-то время Прокул будет залечивать свои раны, и мы попытаемся его восстановить. Однако знаешь, чего восстановить нам не удастся, сын мой?

Я продолжал смотреть в экран, думая, как же нелегко придется моим собратьям внутри этого капкана.

— Мирное соглашение между Прокулом и Паксом, — продолжил свою фразу Еретик.

Я медленно обернул свой взгляд на него. Эти слова ранили меня прямо в сердце.

Запись 1. Личные переживания

Я больше не ощущаю себя в своей собственной чешуе. Я запутался и не могу найти выход, хотя все двери для меня открыты. В любое время я мог бы примкнуть к Язычникам, да вот только понимаю, что их идеология отчужденности от нашей Нэро смотрится несколько фальшиво и наигранно. Они делают вид, что остаются независимы от Веры воды, от Нэро и от её учений. Однако до сих пор хранят и продолжают находить всё больше и больше писем от нашей погибшей богини. Казалось бы, как только они отреклись от Пакса, они также отреклись от праведной жизни. Но это совсем не так. Они просто сменили объект поклонения, но своей душой остались верны Нэро.

Я думал, что Язычников не терзает собственное прошлое. Но они точно такие же марры, как и мы. Чем мы отличаемся друг от друга кроме разных оттенков чешуи и роста? Мы верны одним идеалам и предрассудкам. Мы все одинаково любим смотреть в прошлое, извлекать из него какие-то выводы, либо лишь ещё больше загоняться в бездонную пучину самокопания. Да и что уж греха таить, даже наша Нэро не смогла совладать с искушением дать себя поглотить собственному прошлому. А жалкие марры, вроде нас, и подавно будут озирались назад, в прежнюю жизнь, даже если все у них идет хорошо.

Так же и я не способен совладать с собственным прошлым. После смерти моей дорогой Фифиан, почти каждую ночь я начал видеть один и тот же странный сон, но я не решался рассказать о нем вам ранее. Пожалуй, опишу его в этой записи.

Я засыпаю, и весь окружающий мир становится темным. Исчезают краски и тона, обесцвечивается любая цветная растительность, и всё погружается в бесконечную темноту. Но в этой темноте внезапно проблескивает светящаяся синяя точка. Этот маленький огонек держится очень стойко, и темнота не имеет над ним власти. С какого-то момента, меня, как наблюдателя в собственном сне, начинают окружать различные голоса. Голоса звучат отдаленно, и из-за этого совершенно невозможно расслышать хоть одно слово. Порой мне кажется, что они говорят несусветную чушь, но чем дольше я пытаюсь в них вслушаться, тем они становятся ближе и громче.

В определенный момент я понимаю, что голоса накладываются друг на друга, и тогда, когда уже можно хоть что-нибудь расслышать, я всё равно не могу разобрать и одного слова. Речь каждой невидимой марры переплетается с другой, а этих речей становится столько, будто бы на публичном заседании каждая марра решила высказать свое мнение на счет нынешней политической ситуации.

Так продолжается некоторое время. Синее свечение начинает становится всё больше и больше, и в итоге просто пропадает с поля зрения. Темнота его захватывает, и неразборчивый гул из различных голосов исчезает вместе с ним. Пару минут я нахожусь в чистой, абсолютно тихой темноте, пока ко мне не обращается один единственный женский голос. Чистый голос чистой марры.

— Анарел... ты забываешь о себе. Неужели ты думаешь, что ты можешь совладать с собой, когда вокруг тебя происходит так много плохих вещей? Неужели ты думаешь, что протянешь так долго без надлежащего тебе отдыха? Ты берешь слишком много на себя, и это твой единственный порок. Расслабься, слейся с океаном, стань самой водой и обрети спокойствие. Ничто не имеет значения, Анарел. Ты постоянно думаешь, что будет с тобой и

окружающей тебя действительностью в будущем, ты постоянно думаешь об утраченных тобой возможностях, погружаясь все дальше и дальше в пучину своего прошлого. У тебя нет будущего, Анарел. У тебя нет даже твоего настоящего. Ты потерял самого себя в тщетных попытках обрести свое счастье. Но всё поправимо, и каждую марру можно простить. Так почему бы тебе не простить самого себя? Разве ты не понимаешь, в чем заключался главный смысл Веры воды, что теперь искажен новыми трактовками?

Синий свет разгорается с небывалой скоростью и силой. Он захватывает каждый сантиметр пространства, искореняет всякую неизвестность и темноту. Вновь везде и отовсюду возникают сотни сплетающихся голосов. В этот момент сна я осознаю, что слышу вовсе не голоса марр. Я слышу единый голос самого океана. Пока я нахожусь в замешательство от этого факта, сон рассеивается, и я просыпаюсь. В этот момент я понимаю, что ночь уже сменилась днем, и мне пора выходить из своего дома или палатки на службу нашей Нэро или для построения около разбитого лагеря.

Я не уверен, нормально ли то, что этот сон повторяется из раза в раз. Одно время я верил в то, что этот сон мне посылала сама Нэро, однако тогда, когда я понял, что она мертва, я больше не мог найти иного объяснения причине его возникновения. Каковы шансы на то, что это со мной говорит мое собственное подсознание? Что ты думаешь, мой дорогой друг?

Запись 2. Инимикус

У Прокула есть правитель, Инимикус. Это стало для меня открытием, ведь ранее я думал, что в этом городе власть находится в руках духовных деятелей и церкви, подобно Паксу. Похоже, именно он в ответе за всё то, что происходило в нашем городе, когда Язычники пытались заполучить гроб Нэро. Об этих событиях, кстати, не знал даже сам Еретик.

Во время нахождения в своем временном жилье (общежитии для мигрантов из Пакса, если быть точнее), мне пришло письмо, адресованное мне ассистентом Инимикуса с просьбой прийти к нему в ближайшее время. Это предложение меня очень заинтересовало, да и правда говоря я хотел отдалиться от суеты и неопределенности жизни, занявшись каким-нибудь делом. Потому в тот же день я решил ответить на просьбу Инимикуса, и заявился в штаб Прокула.

На входе, подобно высшим стражам, стояли двое хилых стражников, что сначала не пропустили меня внутрь штаба, и оказался я внутри только тогда, когда я показал им полученное мною письмо с подписью ассистента Инимикуса. И даже так они сопровождали меня недовольным взглядом, думая, что я способен совершить какое-нибудь преступление. Но даже если бы я и задумал осуществить нечто подобное, я уверен, что такая важная личность, что живет в самом центре города в своем личном штабе, под стать своему статусу защищена.

Я поднялся на указанный в письме этаж, и проплыл в комнату, соединяющую приемную и кабинет самого Инимикуса. В приемной сидел уже упомянутый ассистент.

— Вы... — с удивлением поднял голову ассистент.

— Анарел.

— Да... да, конечно. Я не думал, что вы навестите нас так скоро. Пока что господин Инимикус занят приемом другой марры, так что вы можете подождать своей очереди в коридоре. Не уходите далеко, пожалуйста.

Я выплыл в коридор, и начал тонуть в своих мыслях и душевных терзаниях. Но тут же звук проплывающей мимо марры вернул меня в этот мир. Я посмотрел по сторонам, и внезапно моё сердце пропустило один удар. Из кабинета Инимикуса выплывал Волла.

Он не заметил меня, но я заметил его, хоть и успел разглядеть лишь его спину. По его необычной окраске чешуи я его и опознал. Значило ли это то, что Язычники планируют нанести новый удар по Паксу незамедлительно? Ах, были бы средства для того, чтобы мне вернуться на пост высшего стража... Погибнуть около святилища Нэро гораздо приятнее, чем погибнуть на чужбине.

Я вернулся в комнату ассистента, и он любезно пригласил меня проплыть в кабинет Инимикуса. Я замешкался, но менять свой выбор было уже слишком поздно, и я всё-таки встретился с правителем Язычников.

На фоне Инимикуса я выглядел как самая обычная бездомная марра, даже несмотря на моё оставшееся от нашего похода обмундирование. Его чешуя переливалась от света электрической лампы, а его серые глаза выдавали в нем заинтересованность во мне, как в его госте. Он был одет изысканно, и, как я могу судить, он носил на себе мех аагатов, редких земноводных существ, селящихся на сухих скалах. Плавники у него были растопырены, будто бы он был очень взволнован.

— Высший страж Анарел? — спросил он, окинув меня взглядом.

— Я. Вы хотели видеть меня, исходя из письма вашего ассистента.

— Не так скоро... — сказал он с удивлением. Неужели у Язычников принято откладывать время официальных встреч?

— У вас есть ко мне какое-то дело?

Инимикус не спускал с меня взгляда. Я ощущал себя не в своей тарелке, и был будто бы беспомощным кумиком, которого вот-вот спустят на мясо. Однако никакой видимой опасности, по крайней мере, на данный момент, я разглядеть не мог. Разве что «мертвый свет» в лице электрической лампы меня очень сильно тревожил. Меня вообще начали тревожить все технологии после того, как отряд Лантана был пойман без особых усилий при помощи разработок Язычников.

— Я бы хотел с тобой поговорить об одной важной вещи. Скажи мне, хотел ли бы ты вернуться к себе на родину?

— Конечно хотел бы. Но нынешняя ситуация навряд ли мне позволит это сделать. Сами, наверное, понимаете...

Я держался стойко, с расправленными плечами. Я пытался не выдавать свой страх перед главным врагом Пакса. В каждом его слове я пытался разглядеть подвох и ловушку, которую нельзя было просто так заметить. Вопрос о том, хочу ли я вернуться в Пакс, ненадолго заставил меня подумать о том, что Инимикус решит отослать меня обратно в мой город. Но эта дерзкая мысль сразу же улетучилась, как только Инимикус продолжил свою речь.

— Отлично, тогда ты согласишься помочь нам в одном плевом дельце. Мы знаем о том, что ранее ты хранил покой нашей Нэро, пока не отправился в военный поход вместе с другими высшими стражами. Тебе стоит посодействовать нам, и помочь Прокулу отнять у неверных то, что принадлежит ему.

— Я не совсем понимаю, о чем вы...

Я, конечно же, всё понимал. Инимикус тоже догадался, что я всё понял ещё с первого раза, но ради приличия решил уточнить одну мрачную деталь.

— Как только ты вернешься на пост, через несколько дней ты поможешь нам вынести

гроб Нэро из святилища, и передать его в руки нашим доверенным лицам. За эту работу Язычники тебя очень щедро наградят, и более того, врата Прокула будут для тебя всегда открыты. А если ты захочешь, ты и вовсе можешь продолжать охранять покой нашей падшей богини, но уже на территории Язычников...

Я не хотел слышать подобных слов, и мне пришлось перебить Инимикуса.

— Я не могу позволить вам этого сделать. Нэро, какая бы она ни была, останется там, где решила найти свое упокоение ещё при жизни.

Инимикус удивился моему ответу, и ещё больше растопырил плавники. Я начал поддаваться его влиянию, но оставался чист в своих намерениях.

— Очень дерзко то, что вы позволяете себе отказать Язычникам в такой простой просьбе. Я ведь не прошу вас о чем-то слишком сложном. Моя просьба вполне выполнима, и я не вижу причин, чтобы в ней отказывать.

— Меня настораживает ваша решительность в этом вопросе. Я думал, что Язычники самодостаточны, и им не требуется ничья помощь. К тому же вы довольно рискуете, прося меня, как недавнего высшего стража Пакса, услужить вам, и пойти против моего собственного родного города, где я вырос, обучился, и завел семью.

— По всей видимости ты нам не доверяешь. Может быть, у тебя к нам есть некоторые вопросы?

— Всего лишь один вопрос, господин Инимикус. Для чего вам, Язычникам, нужен гроб нашей Нэро? Разве она не мертва?

Правитель Прокула посмотрел на часы, стоящие на столе. Он не очень-то спешил, и потому решил открыть мне один секрет.

— Ещё как мертва. И именно это самое ужасное в нашей ситуации. Ты знаешь о таком городе, как Биимун?

Не без боли я вспомнил о своем казненном напарнике. Затем вспомнил о Фифиан.

— Я слышал кое-что о Биимуне, но не уверен, что располагаю всей известной Язычниками информацией.

— Это не страшно. Большинство экваториальных марр знают не так много об окружающем их мире. Винить в этом стоит только ваше правительство в лице архиереев и Веры воды... Но я отдаюсь от повествования. Ты наверняка слышал легенду о том, что Биимун разразило страшное землетрясение из-за того, что марры этого города поклонялись всем созерцателям, а не только одной лишь Нэро.

Я подтвердил его слова.

— Это не правда. Биимун действительно был уничтожен подводным землетрясением, но произошло это ужасное событие не потому, что жители города кроме Нэро почитали и иных созерцателей, а потому, что где-то в пучине вод проснулся настолько большой живой организм, что своей деятельностью он способен вызывать стихийные бедствия. Грубо говоря, Биимун был уничтожен по чистой случайности.

Инимикус выждал определенную паузу, чтобы я переварил полученную информацию, и продолжил рассказ.

— Этот организм, по некоторым данным, является первым творением Нэро в сфере создания жизни, и в него она вложила огромное количество своих собственных сил. Возможно, это прозвучит слишком дерзко, но скорее всего он был её самым любимым творением, раз она дорожила им настолько, что даже запрятала его где-то далеко под толщей океана подальше от нашего взора.

— Это всё звучит довольно глупо. Я полагал, что любимые творения Нэро — марры. Почему же в таком случае она решила провести весь остаток своей жизни в нашем обществе, а не около своего первородного создания?

— Весьма интересный вопрос, — Инимикус усмехнулся, но добродушный вид его лица сразу же попал. — Это создание было и есть её и нашим единственным шансом на спасение, если на нас нападет какая-либо напасть, пришедшая из внешнего мира. Мира вне океана.

Я посмотрел на Инимикуса вопросительно.

— Жрица Нэро по своему существу была самым добрым, самым снисходительным созерцателем. Чего уж тут говорить: она всегда пыталась заглаживать конфликты между другими созерцателями, залечивала раны погибающих богоподобных существ, обуздавала ярость Янхена и всегда была пацифисткой настолько, что не могла хоть кому-либо принести вред. Однако не все созерцатели разделяли её взгляды. Именно та первая созданная ею сущность охраняла наши целебные воды от покушений на их уничтожение, ибо врагов у Нэро было столько же, сколько было у нее и друзей.

— Даже если так... — начал я свое рассуждение, — Что могло послужить тому, что эта «изначальная сущность» вдруг решила уничтожить Биимун? По мне так всё правильно. Марры этого города могли поклоняться врагам нашего океана, за что они и поплатились... Но в этом всё от начала и до конца я глубоко сомневаюсь.

— А вот это — самый интересный аспект истории. Язычники предполагают, что вместе со смертью Нэро погибла и память того существа. Скорее всего оно забыло о своем предназначении, и нынче находится не в самом благоприятном расположении духа. Теперь, по неизвестной даже нам причине, оно начало ненавидеть всех марр, и желает нам одной лишь только смерти.

Я не верил ни одному слову Инимикуса. Он не произвел на меня никакого впечатления, пока рассказывал эту историю. Сведения о существовании некоего «изначального существа» действительно встречались на рассвете создания общества писцов. Однако все мифы о нем были давным-давно развеяны, и подверглись строжайшей критике со стороны множества марр.

— Ты мне не веришь, Анарел. Я вижу это по твоему лицу. Может быть архиерей Лантан всё ещё остается для тебя персоной, которой стоит доверять больше, нежели чем Язычникам?

Внезапно Инимикус подплыл ко мне, и посмотрел прямо в глаза, будто бы выискивая в них что-то. Я тут же от него отстранился, и он снова ухмыльнулся.

— Я не верю ни вам, ни ему. Но архиерей Лантан, по крайней мере, лгал мне гораздо меньше, нежели сейчас лжете мне вы.

— А вот это мы сейчас и узнаем напрямую из его уст. Честно говоря, все экваториальные марры меня очень забавляют своим скептицизмом. Поверить кому-то кроме вашей Веры воды вам представляется невозможным. Отсюда и выходят все ваши беды. Не был бы Лантан в заточении, если бы обладал разумом и логикой.

С этих слов я понял, что архиерея Лантана уже вызволили из ловушки и перевели в тюрьму, где он остается по сей день. А это могло значить лишь то, что каждый высший страж отрекся от Веры воды и перешел на сторону Язычников, и у Лантана больше нет никакой поддержки даже в тюрьме.

Вместе с Инимикусом и его личной охраной в количестве четырех марр, мы направились в одну из тюрем Прокула. Обстановка внутри тюрьмы была очень мрачной, везде было тускло и ничего не видно. Электричества здесь быть не могло. В конце концов мы подплыли к одной из камер с металлической дверью.

— Эй! Ты в сознании, урод? — грубо спросил один из охранников, постучав по этой двери. Я хотел тут же ударить в лицо этого охранника, но смог сдержать свой пыл.

Спустя пару секунд Лантан изнуренным голосом ответил, что не будет говорить с Язычниками ни при каких условиях. Тогда Инимикус попросил меня обратиться к нему самостоятельно. Услышав мой голос, Лантан взбушевался, и назвал меня последним предателем и врагом Веры воды. Не обошлось и без оскорблений о том, что я, подобно Язычникам, отрекся от идеалов Нэро, и предал и её.

В дальнейшем он успокоился, но продолжил называть меня предателем.

— Архиерей Лантан, неужели «изначальное существо» всё таки есть в нашем океане? — спросил я с горечью. Я действительно соперечивал ему.

Лантан долго молчал, и я повторил свой вопрос. Инимикус находился рядом со мной, находясь в предвкушении откровения Лантана.

— Вера воды отвергает его существование, — скупое ответил Лантан, очевидно что-то недоговаривая.

— Архиерей Лантан, — внезапно вмешался Инимикус, от чего я даже расслышал, как Лантан издал напуганный звук, — Согласитесь ли вы на взаимную выгоду? Вы рассказываете Анарелу правду об этом существе, а я в свою очередь даю вам возможность умереть с чистой совестью. Вы будете казнены вместо того, чтобы просидеть в этой камере остаток своей никчемной жизни.

Я был ошарашен этим предложением, и думал, что Лантан не согласится. К моему огромному удивлению, он всё таки принял сделку. Я начал отговаривать их обоих от заключения своеобразного предложения, и даже поклялся тем, что отныне свято верю каждому слову Язычников, но моё мнение было не в почете.

Камеру отворили, и я заплыл внутрь. Затем её снова закрыли, чтобы Лантан не успел выплыть из неё. Но, как я понял, это было сделано лишь для галочки, ведь Лантан был скован цепями, и не мог даже пошевелиться. Он неподвижно лежал на холодном полу, и смотрел на меня искоса то ли с ненавистью, то ли с грустью.

Его морили голодом долгое время. Он весь исхудал и побледнел, от прежнего героизма не осталось и размытого следа. Было совсем очевидно, что он успел смириться со своей участью, но новость о том, что теперь его могут казнить, его не на шутку обрадовала. Я даже не могу представить, что могли с ним сделать для того, чтобы он был рад своей смерти.

— Анарел... ты глупец. Глупец.

Его голос пугал меня. Было чувство, будто он держится на последнем издыхании.

— Простите меня, архиерей Лантан. Я больше не мог быть причастным к Вере воды. Я склонился перед Лантаном, раскаиваясь ему во всех собственных грехах. На заявления о том, что я предал свою собственную родину, родной океан и нашу Нэро я просто молчал, не осмеливаясь перечить марре, что сводила концы с концами. Мне пришлось молча согласиться с этими и многими другими вещами.

— Архиерей Лантан... я искренне раскаиваюсь перед вами. Но ведь абсолютно всех членов нашего похода теперь завербовали Язычники. Не я один перестал следовать путям Веры воды.

— Глупец... — в очередной раз повторил Лантан, и замолчал. Спустя минуту он внезапно вспомнил о том, почему я нахожусь возле него, и решил всё таки рассказать об этом изначальном существе. Пусть и с необыкновенной обидой на весь океан.

Лантан поведал о том, что изначальное существо и правда может существовать. Вера воды неспроста скрывала факт его существования для того, чтобы не поднимать общественный резонанс, и лишний раз не тревожить марр. Изначальное существо может находиться где угодно, и точное его местоположение не выявлено абсолютно никем. Кроме того, никто и никогда его не видел кроме нашей Нэро, которая древним маррам рассказывала об этом существе. Лантан подтвердил и информацию о том, что Биимун мог быть разрушен этим существом, и есть огромный риск того, что в дальнейшем и Прокул, и Пакс будут также разрушены.

Это вселило в меня ужас, но я немного успокоился, вспомнив, что Биимун пал очень много сезонов назад. Настолько много, что никто и не знает, когда именно. Но опасаться действий того существа всё ещё нужно.

Однако по сравнению с этой полученной информацией, в дальнейшем меня ужаснуло кое-что более... страшное. Когда я убедился в достоверности этой информации, мне запретили выходить из камеры. Я не понял, в чем дело, пока в прямоугольное отверстие не просунули нож-культро.

— Казнь должен исполнить ты. Язычники не будут мारаться кровью грязной марры. Если откажешься от исполнения казни, будешь обречен на пребывание в этой же камере до конца своих дней, — холодно произнес Инимикус в ожидании моих действий.

Здесь-то Язычники и показали свой истинный нрав. Наконец я угодил в их умело-сооруженную ловушку, будто был самым безмозглым кумиком во всем океане.

Инимикус приказал мне произвести казнь, но он совершил глубокую ошибку, отдав мне лезвие-культро. Подняв лезвие с пола, я подплыл к Лантану, и начал перепиливать его оковы. Я не собирался всерьез его убивать, но за считанные секунды придумал хитрый план по его вызволению из этой темницы.

— Сейчас я перережу вам оковы, лежите смирно. Я сделаю вид, что убил вас, но на самом деле вы останетесь живы. Я нанесу себе несерьезную рану, и мою кровь сочтут за вашу, выпустив меня наружу. Когда охрана войдет в камеру, я попытаюсь напасть на них сзади, вогнав им лезвие в жабры. Я справлюсь со всеми ними, ибо я, как бывший высший страж, точно превосхожу рядовых охранников по силе. От вас лишь требуется молчать и притвориться мертвым, — едва слышно произнес я. Я считал этот план очень умелым и удачным, но не учел одной мелочи. Лантан едва ли хотел жить в том позоре, которого он был удостоен после нападения на Прокул.

Пока я перепиливал оковы, Лантан мне всячески мешал и пытался издать хоть какой-то звук, но я зажимал его рот свободной рукой, от чего охрана и Инимикус слышали лишь его бессвязное возмущение. Я не понимал, для чего Лантан пытается мне помешать, и всячески уговаривал его замолчать. Когда же оковы были перепилены, я уже было хотел провести по своей руке лезвие-культро, но тут архиерей совсем вышел из себя. Несмотря на то, что он был обессилен, он смог скинуть меня с себя, и выхватить лезвие, пока я не понимал, что произошло. В ту же секунду он вогнал его себе глубоко в жабры, и умер до того, как я успел его спасти.

Всё стало красным. Стоячая вода заставила кровь Лантан медленно расплыться по всей камере, пока я медленно осознавал, что не смог предотвратить смерть своего духовного

деятеля. С этого момента я уже смутно помню, что произошло дальше. Я и сам в тот момент на короткое время потерял рассудок, подобно усопшему Лантану. Как я собрался с силами и выплыл из уже открытой камеры я не помню. Однако помню то, что пока я был охвачен определенным порывом, я попытался напасть на Инимикуса, совсем не осознавая, что может произойти дальше.

Я набросился на него как на свою добычу, намереваясь убить его тем же лезвием, которым Лантан убил самого себя. Однако его охрана сработала очень быстро, и кто-то успел оттолкнуть его в другую сторону, и подставится под удар самому. Этому охраннику удар пришелся в грудную область, но по всей видимости я лишь его поцарапал, ведь рана заросла буквально на глазах.

Тут же и в меня самого, а точнее в мою спину вогнали лезвие-культро, и ударили чем-то тяжелым по голове, от чего я потерял сознание.

Я пишу эту, прошлую и следующие записи, уже пребывая в относительно-безопасном положении. Однако я не упущу возможности рассказать вам, что же случилось дальше. А случилось кое-что довольно интересное.

Запись 4. Чужой

После событий прошлых записей я очнулся в многоместной камере тюрьмы. Я сразу начал вспоминать, что стало причиной моего пребывания здесь, но кое-кто заметил мое пробуждение.

В камере, включая меня, находилось четыре марры. Все разного происхождения и темперамента, однако интерес к моей личности проявила только одна из них.

— Сагридин, — представилась подплывшая ко мне марра. Его чешуя была желтовато-серого цвета, и это могло говорить о том, что здесь он пробыл дольше всех. Такой цвет чешуи появляется из-за плохого питания у каждой марры.

— Анарел, — представился я, отходя от головной боли, и протягивая Сагридину руку.

Однако её он не пожал.

— Ты экваториальная марра. Тебе здесь делать нечего. Ты нам не друг, так что даже не пытайся с нами контактировать, — грубо ответил он, а потом, как ни в чем ни бывало, представил мне других моих сокамерников, — А это Зален и Лорган. Им можешь руку не протягивать.

Зален тоже выглядел так себе, и кроме меня, с нормальной окраской чешуи был только Лорган, что поприветствовал меня кивком головы, и то, совсем незаметно. Он будто боялся, что его друзья увидят этот жест.

Я сразу понял, что кому-то вроде меня здесь не рады. Оно и понятно, Сагридин сразу же обозначил линию между мной и моими сокамерниками. Мне даже не пришлось представляться, никто из них троих мной не интересовался. Здесь я был чужой. Экваториальный.

Большое количество времени они проводили за беседами на маловажные темы, а я слушал их, думая, что же я сделал не так со своей жизнью. Язычники отобрали все мои вещи, и оставили меня в каком-то тряпье. Они забрали даже частичку молитвенника, что я постоянно носил собой, и на которую я молился, пока в округе не было других молитвенников. Теперь мне приходилось молиться в пустоту, и отдавать свою энергию суровым стенам моей камеры. А потом и вовсе оказалось, что я нахожусь не в той тюрьме на поверхности, в которой находился Лантан, а в другой, что скрыта под землей.

Я вовсе не хотел, чтобы моя жизнь закончилась здесь. Я ведь даже не знаю сути вынесенного мне вердикта. Меня просто запихнули в многоместную камеру, и не объяснили совсем ничего. Даже охранник, что принес нам всем по четыре порции еды был немногословен, и лишь сказал то, что здесь я останусь надолго, по крайней мере до тех пор, пока гроб Нэро не будет передан в руки Язычникам. А после этого меня казнят около этого самого гроба. Как и всех тех, кто так же, как и я, пытались навредить Инимикусу.

Этот расклад меня мало устраивал. Однако я вас удивлю, если скажу, что мне очень сильно повезло, что я попал именно в эту камеру, где мне никто не рад. Уже этой ночью, когда Зален и Сагридин спали на своих местах, а я бессмысленно глядел в темноту, ко мне тихо подплыл Лорган.

— Будь тише. Ты ведь... Анарел, так? Я не презираю тебя так, как презирают тебя мои друзья. Их можно понять, ведь сюда они попали именно из-за марр вроде тебя.

Я не понял сути дела, и поэтому просто промолчал, ожидая, что Лорган продолжит свою речь. Я старался показать свою стойкость, выработанную многочисленными сезонами охраны святилища Нэро.

— Ты не очень-то разговорчивый. Полагаю, новость о том, что отсюда есть шанс выбраться, хоть немного тебя разговорит.

Я посмотрел на него с той же воинственной стойкостью.

— Это звучит интересно. Что же ты или один из твоих дружков не воспользовался возможностью отсюда выбраться до того, как сюда попал я?

— Тебе очень повезло, Анарел... Ты попал к нам сегодня, а завтра нас вчетвером вызволит отсюда моя старая знакомая. Ты сразу меня привлек своей невозмутимостью, и я подумал, что тебе здесь не место, какое преступление снаружи ты бы не совершил. Ты бы нам очень сильно помог...

— Каким образом она может помочь нас отсюда вызволить?

— Каждый день, ближе к позднему утру, все заключенные выходят из своих камер, и их принуждают копать карьер глубоко под городом. Заключенные — бесплатная рабочая сила, поэтому правительство нами пользуется как хочет. Карьер этот существует уже большое количество времени, и там практически не осталось залежей версатила, поэтому цель раскопок с некоторого времени изменилась. Теперь мы расширяем карьер во все стороны для того, чтобы в будущем на его месте была построена подземная часть Прокула. Каждой камере с заключенными отведено индивидуальное место для раскопок, и нам посчастливилось получить зону раскопок за десять метров от города. Кроме того, в сам город из карьера ведет скрытый путь, через который пропускают кумиков с грузом на спине. Моя подруга организует всё так, что мы все вчетвером сможем получить доступ к этому пути, спрятаться в груз, который загружают на кумиков, и выйти из карьера незамеченными. На словах звучит просто, но на деле эта задача трудновыполнима хотя бы из-за того, что за нашей работой будет следить надзиратель, и каждому из нас нужно будет быть на виду. Однако ты нам очень сильно поможешь, если отвлечешь надзирателя, пока я буду помогать подруге открыть тот самый потайной ход.

— Могу ли я тебе верить?

— По крайней мере я доверяю тебе, ведь ты, как и я, продолжаешь почитать нашу Нэро даже после её смерти.

Он неловко улыбнулся, и я понял, что он и сам происходит родом из Пакса. Как я сразу этого не понял! С этого момента я почувствовал между нами великое родство.

Он отплыл от меня также тихо, и устроился в отведенном ему спальном уголке. Я снова помолился в стену, и заснул в ожидании завтрашнего дня.

Запись 5. Революция

На утро мои сокамерники смотрели на меня более терпимо, нежели чем вчера. Более того, они решили обсудить их некое «тайное совместное дело», совсем не стыдясь моего нахождения в этой камере. Из этого разговора я узнал одну интересную информацию.

Оказалось, что все они втроем примыкают к единому движению по свержению устоявшейся власти в Прокуле. Узнав об этом, я почувствовал, что они бы могли использовать меня для своих целей. Я мог бы стать разменной монетой в руках революции в Прокуле, хотя я и не до конца понял, против чего конкретно затевается упомянутая революция. Однако расспрашивать их в открытую я не стал.

Лорган стал чаще смотреть на меня в открытую. Его дружки точно также начали оглядываться на меня, пока Зален и вовсе не начал вести речь обо мне.

— А этот... как там его... Апарел. Он нас точно всех сдаст. Что с ним-то делать?

— Мы возьмем его с собой. Он поможет. Правда, Анарел?

Я оглянулся на них. Сагридин и Зален оглянулись на Лоргана.

— Чем я могу помочь? — невозмутимо спросил я, хотя и понимал, что мне нужно будет сделать.

— Отвлечешь нашего надзирателя. Скажем, устроишь фальшивую драку с Заленом. Пока он будет вас разнимать, мы с Сагридином откроем потайной ход, встретим Альфину, а затем по её приказу остальные члены нашей революционной кампании поднимут бунт в тюрьме, который на поверхности перерастет в нечто большее... А во время этой суматохи мы и сбежим.

— Революция... — тихо произнес я, и погрузился в раздумья. Но ненадолго. Принесли еду.

Это был один из худших приемов пищи в моей жизни. Заключенным давали всякую требуху вперемешку с другой требухой и сомнительными растительными переработками. Иногда мне попадалась чешуя, иногда глаза маленьких рыб и их внутренние органы. Кости составляли половину всего рациона, а во второй половине рациона они тоже присутствовали, но уже в виде непонятного, перемолотого с той требухой комка страшной массы. Стоит ли вообще говорить, что за эти дни я сбросил слишком много веса, что для высшего стража просто неприемлемо? Даже при регулярных тренировках сохранить себя в надлежащей форме не удавалось.

Спустя час после «трапезы» и недолгого просвещения меня в суть дела, нас вывели из камеры, заключив в наручники. Вместе с нами из камер выводили и других заключенных, но всех вели в разные места. Третью заключенных направили на первые слои карьера, располагающегося впритык к тюрьме, а остальных марр повели куда-то вниз. Видимо, копать яму ещё глубже, чем есть сейчас.

Нас вчетвером завели в определенную зону, скрытую от лишних глаз других заключенных и надзирателей. Нам выдали инструменты для выкапывания туннеля, и сняли наручники. Первые двадцать-сорок минут (было сложно понять, сколько прошло времени) мы надлежаще выполняли поручение, а когда Лорган начал засматриваться на надзирателя, мы поняли, что уже пришло время для нашего побега.

Я как бы случайно задел хвостом Залена, а тот, в свою очередь, начал возмущаться, что я

плыву к нему практически впрытык. Я сказал, что ему так кажется из-за его широкой формы тела. Он обиделся на меня не на шутку. Совсем не так, как уславливалось ранее.

Он ударил меня прямо в лицо, от чего я даже опешил. Я не стал сдерживать себя, и так же сильно ударил его в брюхо. Надзиратель, которому и самому надоело плестись за нами, начал нас разнимать. Но драка между нами уже вышла за установленные рамки. Хотя это было даже к лучшему.

Лорган и Сагридин быстро ретировались, пока надзиратель забыл о их существовании. Тем же временем Зален вовсе обезумел, и уже было схватился за кирку, чтобы меня ей ударить, но его вовремя остановил надзиратель, ударив его электричеством из синего камня. Было большой глупостью применять электрических камень в таком узком туннеле зная то, что электричество вездесуще, и в маленьком пространстве оно ударит не только по бунтарю, но и по другим маррам. Я ощутил острое покалывание во всех частях тела, а надзирателю и Залену досталась более неблагоприятная участь. Они оба потеряли сознание, и упали на дно.

В этой ситуации было хорошо то, что мы избавились от надзирателя, даже не нанося ему никакого вреда. Плохо было то, что Зален теперь был без сознания, а это значило лишь то, что кому-то из нас пришлось бы его тащить на своих плечах до того, как к нам придут кумики.

Я оттащил бессознательное тело надзирателя в сторону, и спрятал его так, чтобы он не был у всех на виду. После этого я поплыл за Лорганом и Сагридином, обнаружив их за потайным туннелем вместе с упомянутой девушкой. У неё, по всей видимости, были проблемы с глазами. Кого-то она мне напоминала...

Рядом с ними уже ворочались несколько кумиков, к спинам которых были привязаны большие коробки и другие грузы. Сагридин со всей скоростью выкидывал все содержимое из коробок, чтобы внутрь уместился каждый из нас, кроме Альфины, что впоследствии организует побег остальных заключенных.

— Ты что тут делаешь? Где надзиратель? — испугался Лорган, когда увидел меня.

— Надзиратель и Зален без сознания. Я не уверен, когда они очнутся, но нам нужно помочь Залену, и дотащить его досюда. Мы не можем бросать его одного.

— Нет на него времени. Полезай в коробку. Скоро здесь будет настоящий хаос! — отрезал Лорган, но вдруг Альфина дала ему пощечину.

— Как ты смеешь бросать марр в беде? Я могу вовсе не вытаскивать тебя отсюда! Каждый из вас важен для нашего общего дела! Помоги Анарелу дотащить его, немедленно. Или без сознания окажешься уже ты!

Я и сам обомлел от такой строгости и решительности. По всей видимости Альфина была важной шишкой, раз могла распоряжаться нами. Однако я не мог быть с ней не согласен.

И всё же её черты лица были очень знакомы. Да и бледный окрас чешуи выдавал в ней дочь марры, которую я точно знаю. Но сейчас спрашивать её об этом не было ни смысла, ни времени.

Мы быстро приплыли к Залену, что всё ещё находился без сознания. Лорган взял его за верхнюю часть тела, а я взял его за нижнюю, и с большими усилиями мы начали его тащить до потайного хода. Каждая секунда была на счету, однако, по всей видимости, ни один охранник так нами и не заинтересовался несмотря на то, что мы тащили Залена очень медленно. Все были заняты участвовавшими бунтами, которые прошли по подземной тюрьме, словно толчки землетрясения.

Мы погрузили Залена в одну из больших коробок на кумике. Как только крышка коробки была закрыта, Альфина ударила рыбу, и та быстро скрылась в темноте. За Заленом последовал Сагридин, а за Сагридином последовал Лорган. Я тоже уже собирался залезть на спину кумику, но тут меня остановила Альфина.

— Анарел, постой. Я знаю о тебе очень много, но ты не знаком со мной совсем. Я очень надеюсь на то, что ты поможешь нам во время того, как мы будем свергать нынешнюю власть. Это будет очень опасно, но поверь мне, если ты сможешь выжить, и при этом революция свершится, ты будешь на слуху у каждой здешней марры. Ты можешь нам и не помогать, но я просто не могу предупредить тебя о том, что если не остановить Инимикуса прямо сегодня и прямо сейчас, он нападет на Пакс, и в этой войне не выиграет ни один из наших видов.

Теперь я понял, в чем заключалась суть революции. Оказывается, что даже среди Язычников сохранились благоразумные марры.

— Разве я могу тебе доверять? Как мне узнать то, что ты мне не лжешь, и ваша революция — не просто слово?

— Я дочь Еретика. Ты с ним точно знаком. Я пошла против собственного отца лишь для того, чтобы каждая марра наших городов никогда не познала ужас войны.

Почему-то я ей поверил, и сразу понял, что она мне действительно напоминает Еретика хотя бы из-за проблем с глазами. Я сказал, что сделаю всё, что будет в моих силах, лишь бы не дать каким-то маррам осквернять святилище Нэро. Впрочем, это обещание было бессмысленным. Ведь уже этим вечером Прокул был полностью разрушен.

Толчки, которые я счел за участвовавшие бунты на территории тюрьмы, действительно оказались подводным землетрясением. Как только я спрятался между грузов на кумике, и тот на большой скорости поплыл в одном направлении, через пару минут туннель начал разрушаться на глазах. Большие камни начали падать с потолка, а пол начал уходить куда-то вниз, и всё сопровождалось страшным грохотом. Я ужасно испугался, и уже хотел слезть с кумика, дабы добраться до выхода на своей скорости, но тут что-то большое упало прямо на его голову. Как я понял позднее, кумик умер уже в тот момент, а вот меня спасло то, что я в это время находился на его спине. Тушка рыбы начала падать вниз, и я не имел ни малейшего представления, куда мы погружаемся. Расщелина, образованная после землетрясения, была просто огромна, и проходила как раз по этому туннелю.

Сезон 6. Скрытое в пучинах

Запись 1. В темноте

Я очнулся в темном месте. Кругом было темно, но это пугало меня меньше всего. Я ощущал огромное водное давление, которое заставляло мое сердце биться с огромной скоростью. Всё мое нутро вопило в агонии, и я был на волоске от того, чтобы снова потерять сознание.

Понять то, каким образом я очутился в замкнутом месте, похожем на пещеру, было второстепенной задачей. Мне срочно нужно было найти путь на поверхность. Туда, где давление минимально. Иначе все кровеносные сосуды в моем теле очень быстро бы полопались, и я бы умер на том же месте, на котором нахожусь сейчас.

Но лишь через минуты тщетных попыток подняться с камня, на котором я лежал, я вдруг осознал, что я был чем-то скован. Меня сковывало не океанское давление, а что-то вполне физическое, что-то, что я мог почувствовать. На меня надели ветхие кандалы, которые, тем не менее, я сломать не мог. Я был обессилен, и находился в полном отчаянии. Я молился и звал на помощь, глупо надеясь на то, что я просто сплю, и вижу страшный сон. Однако кошмар стал для меня реальностью.

Я находился где-то на стыке абиссальной зоны и океанского ложе. К этому выводу я пришел, исходя из своих знаний. Будь бы я хотя бы на сотню метров ниже этого стыка, я бы умер моментально. Будь бы я хотя бы на сотню метров выше, я смог бы сломать свои кандалы, и выбраться из этой пещеры, в которую меня занесло непонятным образом.

Во тьме сознание дорисовывало страшные картины. Я видел нимф, словно в том лесу, через который проходил путь нашей военной экспедиции. Они, как и в тот раз, притворялись моей женой, но их выдавали детали. Непропорциональные конечности, искривленная анатомия, два ряда острых клыков и ещё сотня мелочей, которые говорили о том, что скоро я окончу свою жизнь именно в этом тухлом месте.

Одна из нимф (или чего-то, что было на них похоже) схватила меня за руку, и раскусила её на две части. От огромной боли я попытался закричать, но вдруг понял, что кричать я не могу. Сотни клыков начали вонзаться и в другие части тела, и продолжалось это до тех пор, пока я не услышал чей-то голос, что произнес лишь два слова.

— Проснись. Опомнись.

Я вдруг проснулся. Ещё не успев понять, что нимф около меня уже нет, или их вовсе никогда и не было, я закричал уже по-настоящему. Закричал настолько громко, что даже марра, которая находилась возле меня, испугалась моего крика.

В глазах всё ещё пестрила темнота. На секунду я даже подумал, что я ослеп, но тут же понял, что всё ещё нахожусь фактически на дне океана. На периферии океанского ложе и абиссальной зоны. Тем не менее, на стенах помещения, в котором я находился, жила и развивалась колония белых светящихся моллюсков, о которых я вам уже говорил несколькими сезонами ранее. Так что теперь я хотя бы мог видеть то, что происходит вокруг меня. Но в тот момент мне было не до этого.

Я даже забыл о той марре, которую чувствовал возле себя всего пару секунд назад. Я снова захотел закричать, но вдруг понял, что кандалов на мне нет. Я быстро всплыл... попытался всплыть с камня, на котором лежал, но усталость и паника взяла надо мной верх, и мой хвост меня не послушался. Я упал около того места, с которого неудачно всплыл.

— Тихо! Не двигаться. Плохо, — услышал я вновь тот же голос. Тогда я всмотрелся в темноту, и всё равно ничего не разглядел. Однако та марра подплыла ко мне, и дотронулась до моей руки. Её рука была холодна, и была более когтистой, нежели чем руки других марр. Но это прикосновение... оно будто бы заставило меня успокоиться. Не знаю, что со мной происходило весь тот короткий миг, но я ощутил то, чего раньше никогда не ощущал. Полная гармония с живой водой. Спокойствие и утрата всяких проблем, навязчивых мыслей и мусора, что поселился в моей голове.

Паниковать меньше я не стал. Просто осознал, что на данный момент мне вреда никто не желает. Понемногу я начал привыкать к океанскому давлению, но мигрень так и не проходила.

Я слышал, что эта таинственная марра что-то откуда-то достает. Из набедренной повязки, как я понял дальше, марра высунула уже мертвого светящегося моллюска, и на моих глазах раздавила его, а его люминесцентная кровь внесла в темный мир ещё немного света.

Я увидел эту марру целиком. Было нетрудно догадаться, что передо мной находится глубоководная марра, существование которых долгое время оспаривалось и Паксом, и Прокулом. Вернее тем, что осталось от Прокула. А я был уверен, что осталось немного.

Марра выглядела мрачно, но, тем не менее, дружелюбно. Вся она была темно-серой, а глаза её и вовсе были темнее самой ночи. Плавники этой марры были существенно меньше плавников, что есть у нас. Длина хвоста была сохранена, но его конец был полностью ободран. Руки были аномально худые, а когти были вдвое длиннее даже моих собственных. Сама марра была женщиной, судя по её внешнему виду и голосу.

— Ты плохо. Ты тут, — сказала она неразборчиво.

— Мне плохо... я не знаю... я не знаю, как я здесь оказался.

— Ты тут. Алис принес. Ты плохо быть там. Ты умирать. Моркер спасти, — продолжила она.

Я понял лишь то, что глубоководные марры меня спасли.

— Кто ты? — спросил я, пытаюсь подняться с пола.

— Тихо. Плавать нет ещё. Имя сказать. Имя Моркер.

— Моркер... ты меня спасла, — повторил я, и марра приблизилась ко мне. Я не успел ничего понять, как она тут же запихнула мне в рот обескровленное тельце светящегося моллюска. От неожиданности я проглотил его рефлексивно, даже не прожевывая. Он был ужасен на вкус. Когда я жил в Паксе, таких моллюсков не ели даже голодающие бедняки.

— Есть хорошо. Мало есть плохо. Ты умирать.

Силы неохотно возвращались ко мне, и, прислонившись к каменистой стене, я всплыл с поверхности.

— Что! Тихо лежать! — испугалась Моркер.

— Всё будет хорошо. Мне уже лучше... — сказал я неуверенно. Я боялся эту марру хотя бы из-за того, что глубоководных марр никогда и не видел. Мало ли что — вдруг она меня сейчас откармливает лишь для того, чтобы потом съесть.

Моркер подплыла ко мне, и прислонила свою ладонь к моей голове. Я не мог ей сопротивляться, так как обеими руками держался за камни, лишь бы снова не потонуть, и не лежать на поверхности.

Она шептала что-то бессвязное, и вдруг передо мной возникла серия картин. Я видел... воспоминания Моркер? По крайней мере, мне казалось, что это действительно так. Я видел себя со стороны, и видел всё окружение этой пещеры не сплошным черным цветом, а уже

каким-то серым, но очень расплывчатым. Я также увидел свое бездыханное тело, которое Моркер положила на камень, и начала делать какой-то ритуал, обкладывая меня камешками. Первый камень она положила на мою левую руку, куда меня и укусила нимфа из сна. Остальные камни также лежали на месте прошлых укусов. Когда Моркер положила последний камень, я вдруг начал дергаться, и внезапно открыл глаза, как только Моркер произнесла два своих слова. Затем воспоминание потускнело, и медленно исчезло из моего сознания.

Глубоководная марра отпрянула от меня, и начала рассматривать меня издалека. Как и она для меня была в новинку, так и я для неё был в новинку.

— Остаться здесь. Я привести Алис, — сказала она, и сразу уплыла куда-то во тьму. Не было сомнений, что глубоководные марры могут прекрасно ориентироваться под водой.

Я не стал идти в конфликт, и остался на том же самом месте. Однако, когда кровь моллюска начала понемногу терять свои осветительные свойства, я снова начал терять сознание. Впрочем, приземлился я, насколько я помню, довольно мягко. Однако всё равно не помнил ничего, что произошло после того, как я уже распластался по каменному полу, словно пятиугольная морская звезда.

Уже где-то на пограничном состоянии души я осознал, что эти глубоководные марры обуздали первородную энергию нашего океана. А это уже о чем-то, да говорит.

Запись 2. Василиск

Я проснулся уже в более светлом месте, нежели чем было до этого. Это были все те же пещеры, однако уже более облагороженные. На каменных стенах располагались какие-то светящиеся руны, которые я уже где-то видел, но до сих пор не мог вспомнить, где же именно. Это очень сильно меня удивило, однако я не успел их перевести, и узнать, о чем они говорят. Ибо ко мне со злым видом откуда ни возьмись подплыла Моркер.

— Ты спать. Моркер спасать. Снова, — сказала она сердито.

Я не нашел ни одного довода, которого мог бы противопоставить ей, однако меня спасла вторая марра, что подплыла к нам. Я сразу же поднялся с пола, и начал всматриваться в новую марру.

Он был таким же мрачным, как и Моркер, пусть и отличался от неё более развитым и крупным телосложением. Однако был настолько же худощав, как и она. Из этого я сделал вывод о том, что здешние марры питаются очень плохо.

— Я здесь Алис, — как я понял, представился он. Я сразу вспомнил слова Моркер с том, что Алис меня и спас. Я протянул ему свою руку, он посмотрел на неё как-то странно, и почему-то широко раскрыл глаза. Вместо того, чтобы пожать её, он начал её разглядывать так, будто видит бога воплоти. Я занервничал, но не подавал вида, что смущен этой сценой.

— Что случилось с Прокулом? — спросил я, сам того не ожидая, когда Алис начал сравнивать мою ладонь со своей.

Они оба не поняли, о чем я говорю, и перекинулись между собой парой фраз на их языке. Произношение слов в их языке было в два раза короче произношения наших слов. И, по всей видимости, они совсем использовали такие же речевые техники, какие используем мы.

— Холодные марра умер. Город умер. Кара настигла, — коротко ответил Алис.

— Кара?

Я не поверил его словам. Прокул не мог быть разрушен из-за одного только

землетрясения.

— Жрица вода разрушить. Холодный город умер.

— Жрица вода? Кто это? — спросил я с искренним удивлением.

— Не знать, — многозначительно ответил Алис.

— Вы следуете каким-нибудь... созерцателям?

Моркер и Алис снова заговорили между друг другом на том же языке. Переглядывались со мной так, будто я спросил о чем-то очень нехорошем.

— Василиск. Лидер. Не созерцатель, но поможет, — ответила Моркер, после того, как обсудила все с Алис. — Моркер покажет. Плыви.

Встреча с лидером глубоководных марр меня напугала, а её спонтанность напугала вдвойне. Я представил лидера этих отрезанных от остального мира марр как уже престарелую марру, возраст которой исчисляется тысячами сезонов... или даже больше. Однако же всё оказалось по-другому. Но об этом дальше.

Моркер начала вести меня по темным пещерным водам. Мой организм понемногу привыкал к огромному давлению в этой зоне, но всплыть обратно к поверхностным водам, если бы мне вообще представилась такая возможность в ближайшем будущем, было бы также болезненно. Резкие перепады давления плохо скажутся на моем здоровье. То, что я выжил после разрушения Прокула... это самое настоящее чудо. То, что меня не разорвало давление абиссальной зоны — чудо вдвойне. Я хотел бы верить, что мне кто-нибудь покровительствует.

Меня настораживала гостеприимность глубоководных марр. Гостеприимны были и Язычники, но они показали свое истинное обличие спустя какое-то время. Однако я хотя бы знал, чего можно ожидать от северных марр. Но чего ожидать от марр абиссальной зоны я совсем не знаю. Не знаю, и не имею ни малейшего представления. Скорее всего в скором времени меня действительно съедят, но для меня это будет самым лучшим исходом. Моя жизнь превратилась в бессмысленную череду негативных событий. И я не имею ни малейшей догадки, когда же всё это закончится, и закончится ли вообще.

Древние руны сопровождали наш путь. В некоторые из них я успевал взглянуться, и понять их значение, а в некоторых рунах даже при детальном рассмотрении я не находил никакого смысла.

— Что значит эта руна? — спросил я у Моркер, что плыла спереди меня. Она резко остановилась, не поняла, что я от нее хочу, и тогда я указал на интересующую меня руну рукой.

— Оберег, — ответила она, и продолжила путь. Я не понял, являлось ли это слово переводом руны, или обозначением того, для чего она нужна.

Наконец мы доплыли до местного правителя, Василиск. Вернее, входа в его личное место пребывания. Правитель абиссальных марр находился в широкой, и такой же темной, как и вся остальная абиссальная зона, пещере. Моркер вплыла в эту пещеру первой, что-то сказала на своем языке, и пригласила меня проплыть внутрь.

Как только я проплыл внутрь, я понял, что правитель на самом деле является правительницей, судя по форме тела и более красивым, аккуратным плавникам. Моркер почему-то расположилась сзади меня, как бы побаиваясь её.

— Тишина, словно в мертвой зоне... — сказал я, пока Василиск с интересом разглядывала меня. Она не торопилась что-либо говорить, и держалась от меня на приличной дистанции. Вернее, на приличной дистанции от нее держался я.

— Что есть тишина? Мертвый звук, эхо разбитого слога, отсутствие жизни или её преждевременная кончина? Что для тебя значат все эти слова, чужеродная марра? — произнесла Василиск, и начала вглядываться уже не в моё тело, а как будто бы прямо в мою душу. Василиск в совершенстве говорила на моем языке, в отличии от марр абиссальной зоны. Да и сама она не выглядела как эти марры. Её принадлежность к какому-либо виду марр я не мог определить.

— Что для меня значат эти слова? А какой ответ можете дать на это вы?

Василиск никак не отреагировала.

— Я предпочитаю задавать вопросы, а не давать ответы, марра. Прими это в абсолют моего мировоззрения, и смирись с этим. Но всё же ответь, что для тебя есть смерть?

Я огляделся по сторонам. На стенах пещеры были так же нарисованы светящиеся руны. Однако их я прочитать уже мог. При чтении слева-направо они складывались в одно предложение: «Во имя нашей вечной Жрицы Нэро».

Глубоко внутри меня что-то отозвалось... не могу понять лишь того, где же я видел это имя раньше. И почему я знал, как переводятся эти руны?

— Смерть? Вы спрашиваете меня, что такое смерть?

— Ты глупа, марра. Зачем задавать бессмысленные вопросы?

— Однако мне тоже кажется, что вы задаете бессмысленные вопросы...

— Это твое субъективное мнение. Я мыслю шире, и не являюсь субъектом нашего диалога. Отвечая мне, ты отвечаешь всему океану. Понимай это как хочешь.

Я не хотел это никак понимать.

— Я не хочу отвечать ни перед кем. Тем более при условии, что я здесь чужой, и ничего о вас не знаю. Глубоководные марры вообще считались мифом, а размышления о вашем существовании всегда порицались. А теперь я попал сюда, ни живой, ни мертвый. И все, что я хочу — это выбраться в поверхностные воды.

Василиск разозлилась, но вместо того, чтобы наказать меня за такие дерзкие слова, она лишь подплыла ко мне. Я не отстранялся от неё, и Моркер за моей спиной начала тянуть меня за спинной плавник, лишь бы я хоть немного отплыл от Василиск. Но я держался храбро, и это позволило мне разглядеть её поближе.

Я не могу назвать её маррой. Первичное мнение о ней затмилось тем фактом, что вся её плоть... состояла из металла. Либо вся она вообще была из металла. Её плавники навряд ли были настоящие, а чешуи у неё вообще не было. Глаза светились голубоватым цветом, и в пучине её взгляда я смог разглядеть своё испуганное отражение. Она была не живым существом, но чем-то, что может двигаться, говорить и функционировать, имитируя живой организм. Словно живая статуя, или искусственная марра... Да, искусственная марра. Это отличное определение.

Тут то я отстранился от неё, изрядно напугавшись. Моя храбрость вмиг улетучилась, будто её никогда и не было.

— Что такое смерть, марра? Понимаешь и принимаешь ли ты её таким образом, каким её понимает и принимает океан? — безэмоционально спросила Василиск вновь.

— Смерть, отсутствие движения... отсутствие развития, разложение... отсутствие мыслей, действий...

На мой ответ Василиск никак не отреагировала. Я до сих пор не могу понять, устроил ли он её, или нет. Я был слишком сильно напуган, чтобы о чем-нибудь рассуждать в тот момент.

— В скором времени вместе с другими маррами ты выйдешь собирать трогложизнь. Всякую ещё движущуюся, развивающуюся, не разлагающуюся, мыслящую и действующую жизнь для прокормки всего нашего народа, частью которого ты теперь являешься. Уплывай. Моркер, останься.

Моркер выплыла из-за моей спины, а я выплыл из той пещеры в ужасе. Я подсмотрел за ними двоими, и слышал то, как они разговаривают на языке глубоководных марр. Конечно же я не мог понять, о чем они говорят. Но, судя по всему, они вели спор о чем-то, в ходе которого Василиск дала Моркер пощечину.

Когда Моркер выплыла из пещеры, я заметил её опустошенный взгляд.

— За что она тебя так?

— Ты умирать. Моркер спасать. Василиск сказать, что ты плохой. Моркер говорить, что ты хорошо. Василиск ударить Моркер.

Поняв, в чем дело, я вновь убедился, что уже нигде и никогда мне рады не будут.

— Кто такая Василиск? Откуда она?

— Василиск мать Моркер. Остальное не знать, — внезапно ответила она, и замолчала. — Плыви. Моркер покажет дом.

Был ли это оборот речи, или Василиск действительно была матерью Моркер, я понять никак не могу до сей поры.

Запись 3. Трогложизнь

Троглобионты — существа, обитающие в подводных пещерах абиссальной зоны. На самом деле это не название одного конкретного вида, а целое семейство различных существ, что сосуществуют вместе со здешними маррами, а последние на них охотятся. Троглобионты являются единственным источником пищи для глубоководных марр, а это может значить то, что все эти марры — полные хищники.

Моркер рассказывала мне это по пути в отведенное мне место, где я должен был пребывать до тех пор, пока Василиск не решит отпустить меня в поверхностные воды.

Наш путь пролегал через массивный закрытый каньон, уходящий вниз настолько глубоко, что из-за темноты я не мог разглядеть его дна. Затем я начал всматриваться в темноту, и, к своему удивлению, обнаружил в ней несколько сотен как бы окошек, из которых вырывался свет, который сразу же рассеивался в этой темной пучине. Такие окошки я увидел и впереди нас.

— Марра Анарел жить здесь. Временно. Долго, как Василиск скажет.

Она показала мне мою каморку (иначе это я назвать не могу), выдолбленную прямо в камне, и в которой ничего не было, кроме светящейся руны с неизвестным мне значением. После того, как я в очередной раз разочаровался в жизни, она отвлекла меня разговором.

Моркер заплывла в мою «комнату», в которой и без неё было катастрофически мало места.

— Тебя тревожит прошлый ты. Прошлая марра.

— Да, меня тревожит мое прошлое. Я не могу смириться с потерей своей жены, и...

— Погибший не главное. Главное живой. Главное ты. Тревога марры из-за самого тебя.

— Но я совсем не знаю, что мне с этим делать. Я не нахожу себе места, и всюду оказываюсь лишним. Рискую своей жизнью ради... ради... чего?

— Ты забыть?

Я принялся вспоминать, ради чего я продолжаю свой путь. Однако ничего вспомнить не

мог. Я будто бы физически ощущал, как какая-то часть моей памяти бесследно пропала. Моркер тронула меня за плечо в знак поддержки, и выплыла из моей каморки.

— Моркер ест плохо. Мало троглобионт. Мало ест другие марры. И Анарел придется есть мало. Если ты не выйдешь из себя. Из каменного панциря. Который надел ты.

Мне стало необоснованно страшно. Будто бы только сейчас я понял, что мое положение совершенно безысходное. Я уже никогда не вернусь к прошлой жизни, и буду обречен на вечное забвение в чужой, неизвестной воде.

— Троглобионты искать все марра. Плыви за мной.

Я послушался Моркер, и поплыл за ней. Теперь меня атаковали навязчивые мысли о том, что я забыл что-то настолько важное, что вместе с утраченной памятью потерял и самого себя окончательно.

Остаток дня (впрочем, я не знаю, что здесь является днем, а что ночью) я провел на охоте за троглобионтами, пока Моркер уплыла по своим делам. Как-никак она местный знахарь, и у нее нет времени собирать маленьких ракообразных существ, которых абиссальные марры употребляют в пищу. Я делал всё как будто не своими руками, наблюдал за собой издалека и не мог понять, что в этой жизни зависит от меня, а что зависит от воли случая. Я даже перестал обращать внимание на здешних марр, что некоторое время назад для меня были в новинку. Однако и они не обращали на меня совершенно никакого внимания. Будто бы я был здесь всегда, и всегда собирал троглобионтов вместе с ними. Будто бы я и сам стал маленьким и мерзким существом, что забилося в темную и узкую щель, не желая видеть всего того, что происходит вокруг него.

Но в чувства меня привел возмутительный случай. Когда я собрал целую корзину упомянутых троглобионтов, ко мне подплыла какая-то марра, и начала перекладывать мою добычу в свою более большую корзину. Без прелюдий я вступил с ней в конфликт, и между нами завязалась драка. Мои троглобионты были только моими троглобионтами, и больше ничьими.

Эта марра не знала моего языка, поэтому бранила меня на своем. Однако у неё были защитники в лице других марр, что всё-таки отдали ему мою добычу, а потом добавили и свою. Та марра благополучно уплыла, оставив меня с корзиной, в которой была лишь одна десятая часть того, что находилось в ней до того, как у меня все отобрали. Самое страшное было в том, что после этого остальные марры начали смотреть на меня каким-то агрессивным, хищным взглядом. Но нападать на меня не решались, и просто продолжали выполнять свою работу.

Я забрел в какую-то отдаленную пещерку, в надежде уединиться и поразмыслить о своем положении. Однако там я встретил группу марр, которые занимались одним делом. Среди них я встретил Алис, который спас меня из-под завала. Я обрадовался тому, что наконец нашел хоть кого-то, с кем можно поговорить.

— Алис! Вы отбираете у меня мою добычу! — предъявил я, и показал свою пустую корзину для большей убедительности.

Алис выбивал на плоском камне руны, и неохотно посмотрел на меня. Все остальные марры тоже выбивали на камнях руны, но на меня внимания не обращали.

— Налог, — невозмутимо сказал он, и продолжил свое дело.

— Как налог? — возмутился я, и уже хотел бросить все, и до конца жизни остаться в отведенной мне каморке, пока я не погибну от голода. Но Алис избавил меня от этой участи, и удосужился объяснить, с чем связан этот налог.

— Добывать троглобионтов долг. Один из десять троглобионтов остается марре. Девять из десять троглобионтов остается океану.

— Троглобионтов очень сложно добывать, и я трачу приличное количество своих жизненных ресурсов для их добычи, и при этом у меня их ещё и забирают!..

— Океан должен питаться много. Марра ест меньше океана.

— Океан не может питаться... ему и вовсе не нужно питаться... — задумался я.

— Может, — сказал Алис, и продолжил выбивать на камне руну. — Спроси Василиск. Василиск ответит, что океан может. Значит правда.

Мне стоило помнить, что я нахожусь на чужой территории. Но в силу своего тогдашнего состояния души, я просто не мог не вернуться к Василиск, и не предъявить ей то, что свою законно полученную добычу должен есть только я сам. В тот момент мною руководила лишь злоба, и я не боялся никаких последствий.

Запись 4. Океан

Примерный путь до Василиск я запомнил. Ориентиры в качестве многочисленных рун, что находились на стенах пещерных туннелей, справлялись со своей работой хорошо. Но глубоководные марры могут перемещаться по абиссальной зоне и без них. Словно все эти туннели они знают наизусть.

Я отыскал проход к пещере Василиск, и бесцеремонно заплыл в неё. Василиск оставалась на том же месте, на котором я видел её в последний раз. Она не сдвинулась ни на сантиметр.

— Марра хочет поговорить или попытаться меня убить? — сказала Василиск совершенно серьезно, как только заметила меня.

— Я хочу разобраться в том, почему ваши марры отбирают у меня еду, и какому это ещё океану достается большая часть мною полученной добычи?

— Ты не знаешь, кого мы зовем океаном? — озадачилась она. Но это была лишь насмешка.

— Океан с живительной водой — это место обитания всех марр и остальных живых видов всей нашей планеты. У него нет имени, и он не живой.

— Ты уверен, марра? Ты и твой род не знают о глубоководных маррах совсем ничего, а это значит и то, что вы также не знаете ничего и об океане тоже. Ведь путь к нему пролегает через наши ходы. Наши воды. Не ваши.

— Это из-за того, что наша... наши...

Я задумался. Какое-то странное словосочетание вертелось у меня на языке, но я всё никак не мог его произнести. Это уже было слишком странно.

— Ну да... Вера воды, искаженная вашими духовными деятелями. В которой и слова нет о том, кто вершит правосудие над вами. Потому что вы его боитесь.

— Вера воды! — почти закричал я. В секунду я будто бы прозрел, но прозрение тут же улетучилось. Эти два слова обрели свой смысл и потеряли его в одну секунду. — Вера воды...

— Не будем говорить об этом искаженном времени варианте истории нашего океана. В этом уже нет смысла, и уже никогда и не будет.

— Вы говорили о ком-то, кто вершит правосудие и о нашей боязни, направленной в его сторону. Кто это?

— Первейшее водное создание, святейшее из самых святых. Он является

олицетворением океана, и сам океан является его первым именем. Именно ему достается девятая часть всех троглобионтов дома глубоководных марр.

Что-то всё ещё терзало меня изнутри. Всепожирающая пустота, у которой не было даже имени. Она замещала собой все мои чувства и всю мою память, но обрывки воспоминаний всё-таки вырывались из её цепких лап. Я вспомнил об изначальном существе, обсуждаемом в Прокуле. Неужели оно... находится здесь?

— Василиск... я совсем ничего не понимаю. Я будто бы потерял всю свою память. Это связано с магией ваших марр, или...

— Магия океана. Но это не магия в вашем понимании. Это кое-что гораздо глубже и сложнее. На самом деле никто не может понять, что же это такое. Остаток жизни нашей Жрицы Нэро, её концептуальное наследие, или следствие деятельности океана...

— Жрица Нэро...

Её образ родился и умер у меня перед глазами. Кто она такая? Почему я чувствую, что забыл что-то, чего забывать не должен был?

— Ты из Пакса. Единственного города, что остался нетронутым. Биимун и Прокул пали не просто так. В скором времени падет и Пакс, последний оплот Жрицы Нэро. Вместе с этим городом падет и весь наш океан. Это своеобразный парадокс. Океан уничтожит самого себя после уничтожения Пакса.

— Почему эти два города были разрушены? Почему будет разрушен и Пакс? Неужели изначальное существо...

— Океан! — грубо ответила Василиск.

— Океан, да... Неужели океан разрушил их по своей прихоти?

— Как ты смеешь думать так об океане? Он лишь исполняет отведенный ему долг. Биимун и Прокул пали из-за того, что в обоих городах сыновья пошли против своих отцов. Войны, устроенные в обоих городах, обрекли их на полное разрушение. Разлады между маррами — единственное, что ненавидела Жрица Нэро всю свою жизнь. Однако поменять вашу сущность она никак не могла. Именно поэтому океан начал уничтожать тех, кто поднял руку на своего ближнего.

Я вспомнил Альфину и Еретика. Дочь и отца. Почти сразу после слов Альфины о том, что она собирается пойти против собственного отца, Прокул был разрушен землетрясением. Это может быть случайность, а может быть и нет. Я знаю лишь то, что слова Василиск правдивы, и у меня нет оснований ей не доверять.

Мы молчали несколько минут. Я не хотел ничего говорить, а Василиск просто смотрела как будто сквозь меня. Меня настораживал её мертвый взгляд, но уходить от неё я не хотел. Осталось кое-что, что я хотел бы выяснить.

Запись 5. Заражение океана

В тот же день (вернее, в тот же миг), я решил попросить у неё отвести меня к этому изначальному существу. Я очень сильно хотел увидеть причину, по которой всем маррам грозит вымирание.

— Если ты искренне этого хочешь, плыви в проход сзади меня. Я останусь тут. Двигаясь по туннелю, рано или поздно ты наткнешься на океан. Я не стану держать тебя, но смею заявить, что при встрече с вершителем судеб твоя собственная судьба кардинально поменяется.

Оглядев пространство за Василиск, я обнаружил там упомянутый проход. Почему-то я

не видел его ранее, либо искусственная марра просто закрывала его собой. Меня настораживало то, что Василиск отпустила меня к изначальному существу без каких-либо споров.

Я проплыл вперед, и чувствовал на себе мертвый взгляд Василиск. Я прекрасно понимал, что что-то здесь не так. Но на тот момент подумать об этом у меня не было времени.

Проход из одной пещеры в другую был будто бы заброшен. Некоторые светящиеся руны уже потеряли свое свойство светиться, и стали обычными рисунками на каменных стенах. Повсюду плавали чрезвычайно маленькие троглобионты, которых не было смысла ловить из-за того, что питательных веществ в них было слишком мало. Пока я размышлял об этих неразумных существах, обреченных на вечную жизнь в абиссальной зоне, где нет ни больших пространств, ни солнечного света, я даже не заметил, как мой путь окончился.

Огромная... нет... огромнейшая цилиндрическая пещера уходила вниз и вверх на сотни метров. В воде витал запах смрада, и она была тухлая. Справившись с рвотными позывами, сквозь тернии красных водорослей я смог разглядеть изначальное существо.

Это был колоссальный серо-коричневый краб, на панцирь которого падал свет от сотен таких же колоссальных рун, усеянных на дальних стенках пещеры. Его ноги были настолько длинные, что уходили вниз на те же сотни метров, словно он был каким-то ракообразным чучелом, которого поставили на десять огромных свай. Но он был жив и выглядел, мягко говоря, ужасно.

Панцирь изначального существа в некоторых местах был разбит, а из него выглядывали непонятные темно-зеленые выделения, которых здесь точно быть не должно. Эти выделения в виде сгустков буквально оккупировали всего краба. Из его челюстей сочились те же выделения, словно он был чем-то... заражен. Кроме того, вокруг него плавало очень много таких же... зараженных... троглобионтов и рыб, у которых зеленые выделения поступали даже из глаз.

Тут то я не сдержался, и меня вырвало всем тем, что было у меня в желудке. К счастью, было у меня не очень то и много. Мне стало очень страшно, и по мне прошелся мандраж. Оказалось, что кроме ришиитизма, в нашем океана была и ещё одна болезнь. Первобытная. Незученная. Первородная.

Краб медленно поднимал и опускал свои громоздкие клешни, то и дело постоянно разгоняя своих назойливых приспешников. Но они не отплывали от него, и продолжали кружиться вокруг его тела, раздражая своего властелина.

Я находился в ступоре, и совсем не мог поверить тому, что я тогда увидел. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, в моей голове застыла одна единственная картинка с этим зараженным изначальным существом и его безумной, будто бы уже погибшей свитой.

Зачем я сюда приплыл? Что я хотел здесь найти? Ответ на вопрос о том, почему я все забыл? Разве он вообще мог скрываться в этих водах?

Я пересилил себя, и вернулся к Василиск, глубоко потрясенный тем, что я увидел. Она не сказала мне ни слова, и лишь вновь вонзила в меня свой острый, холодный взгляд.

— Ч-что с океаном?... — задал я вопрос с большим трудом.

— Он скоро умрет. Я ведь говорила, что вместе с Паксом погибнет и океан? Так и есть. Жить ему осталось совсем немного, так что марры его больше не трогают. Раз в неделю они его подкармливают, но прокормить такое огромное существо не просто, в особенности из-за того, что любая марра не может находиться рядом с ним дольше пяти-шести минут, при этом

сохраняя свой рассудок. Ты держишься стойко, раз всё ещё обладаешь способностью говорить. Это говорит о твоей высокой стрессоустойчивости...

Я не ответил ничего. Откровенно говоря, я и запомнил лишь пару сказанных ею предложений, тогда как в реальности она прочитала мне целый трактат. Где-то на середине её рассуждений я бесцеремонно от нее ретировался. Мне было нужно отдохнуть, и понять, как жить в этом мире дальше.

После этого случая практически каждый мой сон был тревожным и беспокойным.

Сезон 7. Иллюзорность вод

Запись 1: Бойня

Я не уверен, сколько дней я нахожусь в абиссальной зоне. Может прошли несколько сезонов, может прошло лишь несколько дней. Все переплелось и запуталось. Дни сменяют сезоны, сезоны раскрывают себя в днях. Но определить, сколько же времени я уже здесь провел не представляется возможным. Вся бумага для записей у меня уже давно кончилась, и я продолжил повествовать вам о судьбе нашего мира уже на местных толстых водорослях, на которых я вывожу буквы с помощью светящихся чернил. Со временем чернила вымоются, а водоросли разложатся, но с недавних пор я попросту не могу не писать что-либо. Записи, которые я пишу, помогают мне больше понять самого себя, проанализировать марр вокруг меня и понять, что происходит в здешних водах. Но теперь все это утратило смысл. Я уже не стремлюсь понять себя, окружающих меня марр и понять то, что делается в округе. Я продолжаю писать записи по привычке. Но я уверен, что вам совсем не интересно читать о том, как я переживаю из-за бессмысленности своего существования. Поэтому вот вам одна из ситуаций, что произошла со мной сегодня:

Как и всегда (всегда ли?) я собирал троглобионтов лишь для того, чтобы какие-то марры затем отдали почти всю мою добычу той твари, которую Василиск зовет океаном. Я начал свыкаться с местным языком, и уже мог понять то, что мне говорят другие марры в зависимости от контекста и настроения самой марры. В открытую со мной никогда и никто не разговаривал, да и между друг другом глубоководные марры предпочитают лишний раз не перебрасываться словами, поэтому выучить их язык я толком и не мог. Поэтому, когда я увидел, что между двумя маррами произошла какая-то перепалка, что потом переросла в драку, я сразу поплыл растаскивать их между собой. Однако во время того, как я пытался их разъединить, одна из марр начала бить меня самого.

Вся накопленная за этот долгий срок агрессия вылилась из меня буйным потоком. Оттолкнув от себя другую марру, я начал бить агрессора так сильно, что после моих ударов он едва дышал и держался на плаву. Я бы с радостью лишил его сознания или даже жизни, если бы меня не оттянули от него.

Вокруг меня сразу затесалась толпа марр, и я находился в центре импровизированного кольца, которым они меня окружили. Моя драка заинтересовала их всех. Я не понимал, чего от меня хотят, пока кто-то из них не начал говорить со мной на моем языке.

— Ты буйный нрав. Они драться не взаправду, но ты драться по-настоящему. Мы хотеть посмотреть ещё.

Исходя из этих слов я понял, что драка тех двух марр была чем-то вроде дружеского спарринга. Я почувствовал себя крайне неловко, но вспомнил, что та марра начала бить меня первой, поэтому я все равно был прав. Правда, местных это мало волновало. Ту марру я уже потерял из виду, но передо мной появилась другая марра. И в этот момент я осознал, что собравшиеся вокруг меня марры хотят посмотреть на то, как я буду с ними драться.

— Он бить много марр как ты, — обратилась ко мне та же марра, знакомя меня с моим новым противником. Я попытался вразумить их всех, сказать, что я вовсе не хочу ни с кем драться, но мой противник явно хотел испытать меня в деле.

Противник был гораздо упитаннее меня, и его широкие плечи наводили на меня ужас, хоть он и был глубоководной маррой. Мне уже приходилось драться с маррами вроде него,

но те драки происходили тогда, когда я ещё находился на здоровой диете для высших стражей, и под рукой у меня всегда было лезвие-культро. Теперь же у меня не было ничего, кроме своей воли.

Мой партнер по бою бесцеремонно ударил меня в живот, и второй удар, последовавший сразу же за первым, устремился мне прямо в нижнюю челюсть. Я был ошеломлен, и уже вот-вот мог бы пропустить ещё и третий удар, и уйти в нокаут, но вовремя собрался с духом и нырнул ему под хвост, проплыв под ним. Пока он оборачивался, я провернул этот же трюк, и на этот раз успел пробить ему спину.

Он вскрикнул, попытался меня ударить, но я отплыл назад, и ударил его хвостом по голове. Удар был легким, но зрелищным, судя по ажиотажу, который он поднял. Противник не понял, что произошло, и пропустил момент, когда я был уязвим. Зато я не мог пропустить момент, когда был уязвим он.

Противник устремился на меня, словно разъяренный хищник, и в этот момент он получил от меня кулаком по челюсти, и от моего удара врезался в зрителя. Зритель особо не пострадал, но пострадал мой партнер по бою. Он потерял сознание, и в этот раз я автоматически выиграл. Все зеваки смотрели на меня и с удивлением, и со страхом, и с радостью, и даже с какой-то скрытой злобой.

Я хотел выплыть из своеобразной арены, но меня остановила одна из марр.

— Стой. Я тоже хочу бой.

Эта марра была более грозной, чем мой прошлый партнер по бою. Его, честно говоря, я даже побоялся трогать, ведь он был ещё более широкоплечим и ещё более упитанным, чем тот. Но адреналин в моей крови сводил меня с ума, и я не отказался от того, чтобы провести ещё один бой. Тем более я уже вжился в роль.

Мы подплыли к центру арены, и первый удар по нему сделал я. Я ударил ему в грудную клетку, но он даже не шелохнулся, и сразу после этого быстро поплыл прямо на меня. В последнюю секунду я увернулся, и тут меня пронзила боль в правой руке, точнее в кулаке правой руки. Пока я пытался понять, из-за чего меня настигла эта боль, противник воспользовался моим замешательством, и в грудную клетку получил удар уже я.

За миг до этого я внезапно осознал, что не могу двигать некоторыми пальцами на том кулаке. Только позднее я понял, что получил перелом кисти после моего последнего удара. Но в тот момент... в тот момент меня это не слишком заботило. Как я и говорил, мною двигала исключительно ярость.

После пропущенного удара мое сердце будто бы перестало биться, но затем сразу же заработало вновь. Это заставило меня забыть о прежней боли, и погрузиться в бойню с головой.

Я сделал вид, будто хотел ударить его по лицу, но это было моим отвлекающим маневром для того, чтобы ударить его в бок. Он растерялся, захрипел, и я ударил его по верхней челюсти. Из его ноздрей хлынула кровь, но меня уже было не остановить. Я продолжал бить его со всей силой, тогда как он лишь тщетно пытался блокировать мои удары. Публика ликовала, и противник уже даже не пытался сопротивляться. Он был обессилен, сломлен и пытался что-то мне сказать, но я его совсем не слушал. Зато я услышал, как кто-то в толпе крикнул «Убей его!».

Меня будто бы парализовало. Услышав эти слова, я сразу прекратил его бить. Я начал приходить в себя, отходить от экстаза, в который погрузила меня эта битва. Адреналин заменял всю мою кровь, и я был бомбой замедленного действия. Но после того, как я

осознал, что простой спарринг перешел в настоящее избиение с возможным летальным исходом, эта бомба обезвредила сама себя. По всему телу прошлась волна боли, но эта боль была не физическая, а душевная. Осознание того, что я действительно мог убить ту марру, которая уже прекратила меня бить, и лишь защищалась, погрузило меня в апатичное состояние. Я быстро уплыл от них, не произнеся и слова. За мной никто не последовал, но мне это и не нужно было.

Я поплыл в свою ячейку. В голове не проскочила больше ни одна мысль.

Запись 2. Магия излечения и рун

После вчерашних событий ко мне вернулось здравомыслие. Вместе с здравомыслием пришла и боль по всему телу, а в особенности в сломанной кисти правой руки. Мне уже приходилось иметь дело с переломами ранее, но дело в том, что в Паксе мне их залечивали врачи. А здесь, в темной абиссальной бездне, врачей не было совсем. Но была знахарь, которую вы уже знаете.

Как только я проснулся, я поплыл к Моркер для того, чтобы она залечила все то, что не могут залечить живительные воды. Путь к ней я уже знал, но по делу ещё ни разу не обращался.

Моркер была занята тремя больными маррами с какими-то страшными ранами по всему телу. Двое марр спали или были без сознания, а Моркер разговаривала на своем языке с той маррой, что ещё могла говорить. Я не хотел прерывать их беседу несмотря на мою жгучую боль, но та марра меня заметила, и указала на меня пальцем.

Моркер обернулась, и увидела меня всего побитого и искалеченного, но духом не сломленного. Она в ужасе подплыла ко мне, и начала заваливать меня горой вопросов, от чего у меня заболела голова.

— Что случится? Кто тебя? Что болит? Когда произошло?

— Все нормально, я держусь. Помоги сначала этим бедолагам, а уже потом приступишь к моему лечению.

Она вернулась к той марре, что была в сознании, и продолжила с ним разговор, то и дело оборачиваясь на меня. Затем она подплыла к двум спящим маррам, что лежали на камнях отдельно от той марры. К моему удивлению она не начала их лечить, но накрыла какой-то широкой тканью. После этого я понял, что они были не без сознания, и даже не спали, а вовсе были мертвы.

Моркер вернулась к живой марре, взяла с большого камня красные водоросли, и обернула ими её раны. Марре стало плохо, и Моркер принялась её «лечить». Она что-то нашептывала, и проводила руками по этим красным водорослям. Марра начала корежиться от боли, но покорно продолжала лежать на своем камне. В помещении на каменных стенах светились две руны, и во время того, как Моркер произносила свои слова, они начали светиться ещё сильнее. Из мертвых тел начала сочиться энергия, которая начала поглощаться этими рунами. Из рун она начала поступать в тело больной марры. Это продолжалось всего-то пять секунд, но даже этого времени мне хватило, чтобы понять, что глубоководные марры продвинулись в медицине на сотни, тысячи сезонов вперед. Ибо когда эти водоросли были сняты, под ними уже не было никаких ран. Они заросли за эти пять секунд. Ничтожные пять секунд.

Диалог между ними продолжился, тогда как я находился в ступоре. Если бы такая магия была подвластна экваториальным маррам, то, может быть, моя Фифиан ещё была бы жива.

Но грезить об этом я не смею. Ничего уже не изменить.

Выздоровевшая марра покинула помещение, что-то сказав Моркер напоследок.

Моркер подплыла ко мне, молча провела меня внутрь помещения, и начала осматривать.

— Эти увечья я получил в ходе драки. Добровольной драки, спарринга, если это можно так назвать...

— Драка не может быть добровольно, — осудила меня она. — Много вред, мало смысл.

Будто бы провинившись перед ней, я опустил глаза.

— Гематомы пройдет сам, но твой рука пугает Моркер. Ты можешь двигать палец?

— Кажется, у меня перелом. Я приплыл к тебе лишь для того, чтобы ты наложила какую-нибудь повязку, или заростила мои кости с помощью магии...

— Моркер не может.

Я удивился.

— Но ты только что вылечила тяжелые, ужасные раны, которые были у той марры. Почему ты не можешь вылечить простой перелом? Может это даже не перелом, а простая трещина... и я боюсь, что рука может зарости неправильно, если её не излечить.

Моркер почему-то улыбнулась. Однако здесь я не находил ничего забавного.

— У марр нет магия. Магия в руны, — говорила она так, будто она объясняет мне что-то очевидное.

— Тогда используй магию рун...

— Моркер не может... — снова повторила она.

— Но почему?

— Нужен мертвый марра. Магия океан не подвластна марре без подношение. Подношение для рун.

Теперь я понял, в чем заключается проблема. Та марра оказалась излечена лишь потому, что для её излечения потребовались два тела других марр, которые как раз находились рядом. Руны использовали энергию падших тел, и направили её в ещё здоровую марру для того, чтобы её вылечить. Моркер здесь выступает лишь в качестве посредника между телами и рунами, поэтому она и не может мне помочь, ведь для моего излечения нужна энергия другой марры.

Это открытие было для меня удивительным. Но также и печальным.

— Моркер может наложить повязка. Из водоросли. Чтобы зафиксировать повреждение. Тогда организм сможет излечить себя сам.

Я согласился. Повязка на правую хотя бы давала мне хоть какой-то шанс на нормальное заращивание сломанной кости.

Моркер взяла красные водоросли, и пропитала их светящейся кровью белого моллюска, которых здесь было очень много. Она осторожно нанесла повязку на мою руку, и почему-то мне стало немного легче. Боль притупилась, но всё ещё давала о себе знать.

— Белая кровь обезболивает, — пояснила она. — Но есть её нельзя. Бескровное тело моллюска можно.

Я отказался от предложения съесть его тушку, так как вспомнил мои ощущения от принятия его в пищу.

— Значит ты бить любишь? — внезапно спросила она.

— Раньше, когда меня ещё не было в этом месте, я был стражем... стражем...

Какое-то слово вертелось на языке, но я не мог вспомнить его значения.

— Раньше я был стражем. Я защищал что-то, но не могу вспомнить, что... Но да, я люблю драться, если того требует случай. Но не в рукопашном бою, как ты видишь...

— Так значит ты охранник! — воскликнула она. — Маррам нужен охранник. Появилось очень много троглоделлия. Кровожадные существа, которые нападают на марры. Ты бы мог их бить... и защищать марр... Это враги марр, которых надо бить. Ты бы марры помог.

Меня очень заинтересовало это предложение. Во мне проснулось что-то, что уже долгое время находилось в спячке. В тот момент я не задавался вопросом, какие могут быть враги у глубоководных марр, но я был рад, что хоть где-то могу пригодиться. Конечно же, я согласился.

— Надо сказать это Василиск. Василиск расскажет все. Но сейчас Моркер с тобой не пойдет... Моркер занята.

Моркер очень боялась Василиск, и это было видно. Даже при условии того, что она называет её своей матерью.

Я принял решение встретиться с Василиск сегодня же, и для удобства разделю этот день на две записи — эту и следующую.

Запись 3. Истоки живого металла

Я поплыл к Василиск с твердым намерением устроиться на работу стражем, который мог бы охранять глубоководных марр от чего-то, о чем я сам не имел ни малейшего понятия. На пути к ней я болезненно вспомнил о том, что в прошлый раз, как я к ней ходил, ничем хорошим это не кончилось. Но я уже не мог сидеть сложа руки, и бессмысленно охотиться на троглобионтов, пока меня съедают мои собственные мысли.

Василиск осталась неизменна. Обманчиво жива, обманчиво мертва. Находилась посреди своего такого же ни живого, ни мертвого темного урочища.

— Ты жив, и находишься в рассудке. Тебе незачем приходить ко мне ежедневно. Ты меня утомляешь, и пользы от тебя всё равно никакой, — сразу заявила она. Она, по всей видимости, была на меня в обиде за то, что я не дослушал её эпопею в прошлый визит.

Я хотел ответить, что и от неё пользы не видать, но рисковать не стал. Впрочем, я действительно не понимал, чем она здесь может заниматься. Среди других марр я её ещё не видел.

— Можно мне стать стражем? Говорят, у вас здесь проблемы появились... И по вашим же словам, от меня пользы никакой, а так хоть других марр смогу защищать. Раньше, там, на поверхности, я был стражем. Можно сказать, защищать кого-то или что-то — это мой долг...

— Раньше — это когда? В твоей прошлой жизни, или в твоём прошлом дне? Много воды с тех пор утекло. У тебя больше нет прошлого, и ты должен этому радоваться. Пока находишься здесь, конечно. А находиться здесь ты будешь вечно. Как все мы.

— Вы хотите сказать, что вам все равно до того, что ранее меня поставили на самую высокую должность среди других стражей, и я хранил...

— Кого хранил? Ты даже не помнишь, что ты делал раньше. Ты помнишь свою жизнь в общих чертах, но истина ведь скрывается в деталях. Мне нет дела до того, кем ты был раньше, повторю ещё раз.

— Я охранял кого-то важного для меня и остальных марр... Кого-то... священного?... Максимально приближенного к океану...

Василиск молчала, и, видимо, ожидала того, как я продолжу свои слова. Но продолжать я не думал, ведь даже и не знал, что мне говорить. Я ничего не помнил.

— У меня тоже была прошлая жизнь. Хочешь, я о ней расскажу? Алгоритмом запрещено, но так как я здесь застряла, мне до него уже нет дела.

Василиск уже принялась начинать новую тираду, но так как приступить к должности мне уже не терпелось, я слушал её только вполуха. Да и мне казалось, что она лишь врет, что у неё действительно было такое прошлое. Хотя сейчас, после того как с нами связалась раса сухопутных существ, я уже ничему не удивлюсь. Попытаюсь не занимать слишком много вашего времени, так как вам и самим может быть неинтересно читать эту околесицу.

Василиск сказала, что она не является живым существом, а скорее живым металлом. Роботом, вроде. Якобы, в отличии от живых существ, у неё нет души, нет тяги к достижению новых высот, нет развития без задач, которые ей посылал некий центр управления в удаленной от нашего океана точке. А главной её задачей являлась слежка за глубоководными маррами и попытки понять, каким образом они используют магию рун для излечения любой брешы в организме. Выяснить-то она выяснила, свою задачу выполнила, и тогда центр управления перестал выходить на связь, посчитав её более ненужной. А местные марры начали видеть в ней своего предводителя, да и ей самой понравилось роль вершителя судеб, пока она вдруг не узнала о том, что где-то в этих пещерах находится гигантское создание, что именуется океаном. С её слов, с тех пор, она служит только ему, и лидером глубоководных марр себя больше не считает, хотя все марры всё равно приходят к ней по любому вопросу. В общем-то, она нашла себе новый «центр управления», но уже в лице изначального существа.

Этому рассказу, как я уже и говорил, я мало поверил. Но что-то из правды в нем всё равно было. Например то, что она действительно не может являться живым организмом. Я, например, совсем не видел, чтобы её жабры двигались, и заставляли её тело насыщаться живительной водой. А чего только стоит её неживой взгляд! Заманчивый, глубокий, но до жути пустой.

Впрочем, в истории нашего океана уже была личность, похожая на Василиск. Но он был двуногим существом, что в нашей воде путался, и остался здесь лишь ненадолго. Его звали Метатроном, и он имел тесные связи с... объектом, который я раньше охранял. Его родной мир был уничтожен одним из других созерцателей, но был так же и спасен нашим... нашей... Кем?

Это уже начинает меня пугать. Я не могу вспомнить имени того или той, о ком постоянно рассуждаю и думаю. Ещё и эта широкая пещера окутана рунами, перевод которых мне известен наизусть. «Во имя нашей вечной Жрицы Нэро»... «Во имя нашей вечной Жрицы Нэро»...

— Кто такая Жрица Нэро? — внезапно спросил я у Василиск, пока она продолжала рассказывать мне о своей судьбе, чем я её и разозлил.

— Как смеешь ты перебивать меня, ничтожный... Я рассказываю тебе свою историю, историю того, почему вокруг океана происходит так много зла. А ты даже не слушаешь, и совсем не заинтересован в моем рассказе. Так значит убирайся. Тебе здесь делать нечего.

Она быстро подплыла ко мне, и попыталась дать пощечину. Я перехватил её руку, и понял, что она холодна, как лед. От испуга я одернул руку, но второй раз атаковать она меня не стала.

— Да, ты совершенно прав.

— В чем же?..

— В том, что тебе здесь не место. Ты не имеешь права находиться на такой глубине как

экваториальная марра, коей ты и являешься. Эта глубина сакральна, однако я ошибочно предполагала, что ты сохранишь её былое величие. Я хотела поручить тебе кое-что важное, но теперь ты можешь довольствоваться лишь работой вышибалы. Как ты и хотел, Анарел.

Я обомлел от того, что она назвала моё имя, хотя я никогда его не называл. Да меня никто о моем имени прежде и не спрашивал. Очевидно, что всё, что происходит в этой пропасти, выглядит чересчур сюрреалистично. И что-то мне подсказывает, что всё это — лишь зачатки того, что случится на днях. Особенно я начал переживать насчет того, что каким-то образом не оправдал надежд этого неживого существа, что носит облик марры.

Василиск меня больше не слушала, но направила меня в то место, которое я должен был охранять с завтрашнего дня. У меня наконец появилось хоть какое-то занятие, но какой ценой, и на долго ли?

Жрица Нэро... по крайней мере теперь я это имя запомнил, кем бы она ни была.

Запись 4. Ловушка

Со вчерашнего дня я всё ещё пребывал в каком-то метафизическом виде. Не знаю, как это объяснить. Откровения Василиск заставили меня пересмотреть свои взгляды на внешний мир за пределами нашего океана. Но также меня пугало и витающее в воде ощущение беспокойства. Как будто что-то должно случиться, но это что-то не случается. С этими мыслями я поплыл туда, где Василиск назначила мне мое место работы.

Там меня ждала марра, которая передала свои обязанности мне, и коротко объяснила, что и как делать. Вкратце: наблюдаю за каждой мимо проплывающей маррой, если она начинает смотреть на меня с пугливостью, то её стоит остановить, и допросить. Если нападет, то можно дать отпор, а затем передать в руки Василиск, которая в дальнейшем решит судьбу бунтаря.

Я спросил у прежнего «вышибалы», из-за чего у глубоководных марр появились какие-то враги. Он недовольно что-то буркнул, и затем намекнул мне, что я и сам всё по ходу пойму. Он, к слову, был очень доволен тому, что я занял его место.

Впрочем, мне не стоило так сильно радоваться внезапно появившейся работой. Странности начали происходить почти сразу же, как только я взошел на пост.

Кромешная темнота царила повсюду. Я мог бы поклясться, что возле поста были нарисованы две светящиеся руны, но в какой-то момент они просто перестали светить так ярко, как они светятся в других частях этой пещерной системы. Я едва ли видел противоположную каменную стену, которая находилась за четыре метра от поста.

Сам пост был оборудован под контрольный пункт, в котором не было ничего, кроме спального места, камней, и мешка разделанных троглобионтов. По наличию здесь спального места я вдруг осознал, что останусь здесь надолго. И вряд ли буду иметь возможность сойти с поста в ближайшее время. От того то и прошлый охранник так сильно обрадовался тому, что я его заменил. Да, так оно и было.

Руны постепенно угасали, кровь светящихся моллюсков быстро растворялась в нарастающей темноте. Мое сердце забилось быстрее, и я сжимал свое оружие (каменное, очень тупое копьё) в обеих руках, словно на меня прямо сейчас накинется сразу несколько упомянутых врагов. Хотя я даже и не знал, как они могли бы выглядеть. И именно это меня и пугало.

Так продолжалось... полчаса или час. Трудно оценить прошедшее время. Знаю лишь то, что я совсем истощился, пока держал бессмысленную оборону. Этим путем совсем никто не

ходил. Даже имея при себе небольшой багаж знаний об устройстве этой системы пещер, я все равно не мог предположить, в какую часть абиссальной зоны ведет этот путь. Может быть, в ещё более нижние слои?

Страх достиг апогея, когда в воде я различил сильный привкус чего-то... мертвого. Неестественного. Иного. Того, что в нашем океане быть не должно. Того, с чем океан боролся, но не смог одержать победы. Да, это был тот же странный, ужасный смрад, который повстречал меня в месте пребывания изначального существа.

Я ни на шутку перепугался, когда понял, что из неопознанной мне стороны пещер что-то движется вперед. По силуэту это была обычная марра, но что-то в ней было не так. Она была неправильной. Непропорциональной какой-то, что-ли...

Я остановил эту марру, когда чувство долга восторжествовало перед страхом потерять жизнь. Марра перепугалась, и, видимо, сама не ожидала встретить меня здесь.

— Ты кто? Откуда плывешь? — сказал я на своем языке. К моему удивлению, марра меня поняла.

— Ты чужой, — ответила марра. — Тебе нельзя... нельзя...

Не понимаю, чего я мог разглядеть сверхъестественного в обычной марре. Когда она находилась ко мне настолько близко, я не мог заметить у неё каких-либо отклонений во внешности. Но что-то отвлекало внимание, что-то, что было неуловимо обычным взглядом, но было видно взглядом исподтишка. Например, её очень ошарашенный, боязливый взгляд.

Глаза марры метались из стороны в сторону. Она боялась меня, как кровожадного люция или лактенса. Тем не менее, отвечать на весьма явный вопрос, вовсе не собиралась.

— Ты должен назвать свое имя и причину того, почему ты пользуешься этим туннелем.

Я пытался выглядеть максимально грозно. Это мне, к счастью, удавалось.

— Нет, нет, не пойми меня неправильно... Пожалуйста, пропусти, я... я жить хочу...

— Для глубоководной марры у тебя слишком хорошее знание моего языка. Последний раз спрашиваю: кто ты?

— Я... меня не зовут, у меня нет имени... нет, больше нет, и никогда не было, нет... Пропусти...

— Безымянный, значит?

— Да, да... нет имени... да...

Что-то важное прямо сейчас ускользало у меня из-под носа. Я это ощущал будто бы физически. Прямо вот что-то давило на плечи. Или что-то предостерегало.

— Ты заплыл слишком далеко. Знаешь, что с тобой будет, когда Василиск о тебе узнает?

— Не выдавай меня, нет... не надо. Так будет лучше, я уплыву, я уплыву обратно на поверхность, растворюсь в воде, меня никогда не было... да, я уплыву. Уже уплываю...

Марра действительно уплыла. Обратно в темноту, из которой выплыла.

Но постойте, не сказала ли она о том, что она вернется на поверхность? Что если отсюда всё-таки есть выход? Здравый смысл меня окончательно покинул, и я быстро поплыл за той маррой. Но её в этих водах будто бы и не было, но я ощущал, что он здесь был.

Тем не менее, я прилично отдалился от своего пункта, а пути назад найти уже не мог. В этой области не было ни одной руны или светящегося моллюска, а ужасный смрад начал нарастать.

Мне не стоило плыть неизвестно за кем и неизвестно куда. Меня охватила паника, но я взял себя в руки, однако что-то предпринимать было уже поздно.

Я почувствовал, как в воде что-то изменилось. Она сменила свое течение, и это было

дурным знаком. Меня окружили марры. Я их не видел, но я их чувствовал. Впрочем, это были едва ли марры. Это было что-то другое. Что-то чужеродное для меня, но естественное для этих темных мест.

Нимфы. Или как их здесь называют... троглоделлии. Упомянутые враги глубоководных марр.

Я сразу вспомнил свой страшный сон, в котором я был загрызен этими тварями, что притворяются маррами. Они дурманят, пользуются твоими целями и мечтами, и заманивают вглубь их логова, чтобы тебя съесть. Я был глупым существом, поддавшимся на провокацию.

Я ощутил на себе мощь нескольких пар челюстей. Они кусали меня, но есть не спешили. Сначала пытались пустить мою кровь, вкусить её аромат, а уже потом приступить к главному блюду. Так они и поступили, когда я сдался, и перестал сопротивляться.

Я мысленно прощался с жизнью, и, кажется, уже был навсегда обречен. Они повалили меня на какой-то камень, и начали грызть мое тело, из которого уже выходил дух.

— Опомнись! Проснись! — закричал кто-то вне зоны моей видимости. Громко. Эти слова прожгли меня до костей, и я... очнулся.

Вслед за Моркер, которая находилась возле меня, и уже теряла всякую надежду забрать меня из того странного мира, я тоже закричал.

— Тихо... Лежать...

Какое-то странное ощущение накрыло меня с головой. Будто эти события уже происходили со мной некоторым временем раньше.

— Где я, Моркер? Ты спасла меня? Меня почти съели... троглоделлии...

Моркер удивилась тому, что я знаю её имя.

— Ты тут. Ты плохо, — сказала она с опаской. — Троглоделлии... Плохо...

— Ты меня не помнишь?

Боль постепенно уходила из моего тела, и я поднялся с камня, на котором лежал. Я осмотрел комнату, в которой находился. Это было то же знахарское убежище, которое я и помнил.

— Не помню. Ты помнишь? Ты плохо там, под руинами. Алис тебя найти. Моркер спасти.

— Вот дела... — сказал я, и почему-то сразу подумал, что во всем этом виновата Василиск. Я каким-то образом был перенесен в прошлое время.

Я взял Моркер за руку, и заставил поплыть за мной. Благо я помнил, где может находиться Василиск. Моркер, на удивление, даже не сопротивлялась, а наоборот хотела разобраться в том, кто я такой и куда её веду. Здесь всё было не так, как положено. Я должен был во всем этом разобраться.

Запись 5. То, что было раньше

Василиск находилась всё там же. До боли холодная, безразличная к тысячам судеб глубоководных марр. Её дело — кормить океан, а не управлять своим народом, что поплыл за ней. Поэтому у неё на поводу я тоже не пойду. И пусть мне это будет стоить жизни, но я принял решение докопаться до истины. Пусть она будет страшной, непонятной, ужасной. Но я не намерен больше сидеть здесь, в этом странном месте, в котором всё кажется неправильным. Здесь я точно чужой. Точно лишний. Места мне здесь нет. Ни при каких условиях.

Мне показалось, что она посмотрела на меня озадаченно. На самом же деле взгляд её

был такой же мертвецкий, как и в прошлый раз.

— А вот и ты. Незабвенный, живой, функционирующий. Полагаю, теперь ты знаешь ответ на вопрос, что такое тишина?

Странно, что она меня помнила. Но это лишь подтверждало мою теорию о том, что она виновна в происходящих сейчас событиях.

— Тишина — отсутствие звука. Отсутствие жизни. Ты живешь в тишине, обладаешь всеми аспектами мертвого организма. Не двигаешься, не живешь, я уверен, что ты и не питаешься. Ты и сама мне об этом рассказывала, не правда ли?

Василиск оробела. Но мне опять это лишь причудилось. Она осталась такой же стойкой.

— Хорошо. Вот тебе другой вопрос. Кто такая Жрица Нэро? Ты так и не вспомнил? — надменно спросила она.

Вот тут оробел я.

— Не могу вспомнить, и, полагаю, это всё из-за тебя. Я прав? Ты отобрала у меня память о ней. Своей... магией... или чем вы тут занимаетесь?

Моркер наблюдала за нами, не понимая, что происходит. Я тоже не понимал, что происходит. Я был во власти чувств и эмоций.

— Я избавила тебя от страданий, на которые ты наткнулся в поверхностных водах. Я вычленила из твоей жизни причину того, почему ты всё ещё не отбросил своё прошлое во благо своего собственного будущего. Теперь нет причин рассуждать о том, кем была Жрица Нэро, и какое наследие она после себя оставила.

— Тогда почему на стенах твоей пещеры написаны слова «Во имя нашей вечной Жрицы Нэро»? Я подметил их ещё в первый день пребывания в твоём логове.

— Ты переводишь язык рун на язык слов? — удивилась она, и показала единственную свою эмоцию.

— Мне никто не запрещает этого делать. Я знаю перевод рун. Я знаю, но откуда именно я это знаю... уже не помню. И всё потому, что ты удалила мою память.

— Я удалила тебе память? Нет, ни в коем случае. Если бы у тебя вовсе не было памяти, ты бы сошел с ума. Прямо как жители Прокула или Биимуна, что начали забывать о том, что все марры были рождены из одних вод, и являются родственниками друг другу. А значит вред одной марре океаном может расцениваться как вред сотням других марр. Если бы у тебя пропала память о твоих друзьях и родственниках, полагаю, ты бы покончил с собой. Ведь всё-таки есть кто-то, кто тебе дорог, не так? Тот или та, ради кого ты продолжаешь жить, не так ли?

— У меня больше никого нет, — признался я. — Мою жену убил мой сослуживец. Отца обескровили лактенсы. Мать погибла незадолго до моего выклевывания. Теперь у меня осталась только... Нэро. Но и её у меня отобрали. Её отобрала ты.

— Не только она, Анарел. У тебя есть марра, которой ты дорожишь. Уже живая. Ещё живая. Ты навряд ли о ней много думаешь, но я уверена, что те немногочисленные мысли о ней заставляют тебя идти дальше.

— О ком ты? — спросил я с агрессией.

— О твоём мальке, конечно же... Ты не уверен в том, что твоя жена успела оставить свое семя в Месте Рождения. Однако же я уверена в другом. И тебе бы стоило меня послушать, прежде чем смотреть на меня с такой злобой, не свойственной даже диким рыбам.

— Я не хочу тебя слушать. Я хочу, чтобы ты отпустила меня отсюда, раз уж уверена в

том, что у меня есть малек.

— И зачем тебе это? Я отпущу тебя, и к тебе вернутся старые воспоминания об уже давно покинувшей всех марр Жрице Нэро. Ты вновь последуешь лживым путям истины в надежде на то, что твоя страстная вера в неё рано или поздно будет вознаграждена. Ты вновь пойдешь теми путями, что привели тебя сюда. Ведь всё рано или поздно рождается из абиссальной зоны. Всё возвращается в абиссальную зону. И ты не являешься исключением, кем бы ты себя ни возомнил. А теперь уходи, и занимайся тем, чем хочешь. Ибо ты свободен и находишься в безопасности только здесь.

Я не знаю, что на меня нашло, но я поплыл на Василиск, и ударил её в туловище. Удар отразился об её металлическое тело, и вдруг я понял, что удар совершил именно тем кулаком, что был сломан.

Я закричал. Мне было невыносимо больно. Едва заросшие раны раскрылись с неожиданной силой. Кость, которая пыталась восстановиться, теперь была повреждена ещё сильнее. А на Василиск не было и тени боли.

— Моркер, приведи его в порядок. Но руны не используй. Не заслужил, хоть живым он мне всё ещё нужен.

Василиск мрачно отплыла от меня. Моркер, что и сама находилась в состоянии шока, едва ли пыталась привести меня в чувства. Гнев снова наполнил меня до краев, и начал перекрывать боль. Но я всё равно потерпел поражение, и постыдно уплыл. Моркер поплыла за мной.

Запись 6. Утопия

— Ты помнишь меня? — переспросил я у Моркер, когда мы вернулись к ней в лечебницу. Она начала перевязывать мне руку.

— Не помнить... — дрожащим голосом ответила она. Она была напугана.

— Случилось что-то плохое. Я начал умирать наяву от укусов нимф, которых вы зовете троглоделлиями. А когда понял, что меня уже настигла смерть, внезапно услышал твой голос, приводящий меня в чувства. Когда я проснулся, то весь тот ужас, что я испытывал во время того, как меня пожирали живьем... он пропал. Будто всё это действительно происходило во сне. Ты мне поверишь?

Моркер задумалась, но все равно была насторожена.

— Почему ты обвинять Василиск? Что Василиск сделать?

— В этом и проблема. Я не знаю, что со мной произошло. А она знает, и я намерен докопаться до сути.

— Тебе доверять? Можно?

— Нужно.

Она закончила перевязывать мой раскрывшийся перелом, и посмотрела мне в глаза. Её глаза были такими же черными, какова была вся абиссальная зона.

— Василиск... марры... Василиск не марра.

— Это я знаю. Об этом она мне сама всё рассказала.

— Что? Василиск рассказать о себе тебе?

— Да, так уж вышло что... в моем сне... она открылась мне о какой-то тайне своего прошлого. Я не слушал её, ведь был погружен в свои размышления. Это было ошибкой, ведь она поняла, что мне не интересен её рассказ. Она говорила и о том, что у неё есть для меня какое-то дело. Но в чем заключается это «дело», я так и не узнал. Потому что она меня

выгнала.

— Что Василиск рассказывать? Прошрое...

Я дважды подумал, стоит ли раскрывать секреты Василиск, и решил всё-таки о них рассказать. Я рассказал всё, что думал и думаю о Василиск, о её предназначении, о её прошлом, о том, кто она такая, и почему продолжает защищать изначальное существо. Правда тому зараженного изначального существа раскрывать не стал. Мало ли.

Моркер слушала меня с интересом, но с какого-то момента лицо её стало пугливым, боязливым, и каким-то неестественно грустным.

— Василиск мать Моркер. Василиск научила Моркер использовать обереги, руны... Научить лечить марры... Научить жить как знахарь... И теперь Моркер узнавать о твоих словах. Моркер расстроена, очень...

Возможно о чем-то стоило и промолчать. Но в тот момент мне самому хотелось выговориться.

— Скажи, а уже бывали такие случаи, похожие на мой? Когда марра просыпается от кошмара, где её пожирают троглоделлии.

— Много было. Много есть. Такие кошмары можно лечиться, но Моркер не лечить.

— От них можно избавиться? Я не думаю, что это был последний раз, когда я просыпаюсь здесь, а ты меня не помнишь. К тому же...

— Нельзя, нет. Нельзя лечиться. Моркер не лечит такие.

— Но почему?

Моркер продолжала смотреть мне в глаза.

— Это не кошмар, марра поверхностные воды. Это явь. Это правда. Не знать, как сказать.

— В каком смысле? Как это понимать?

— Василиск помогает маррам забыть свои прошлые. Терзания прошлые. Когда тебе плохо Василиск дарит тебе такой сон. Он вещий, он настоящий.

Я ожидал, что Моркер продолжит свои слова, но она начала заниматься сбором моллюсков со стен пещеры. Теперь я понял, почему глубоководные марры такие отчужденные. Им просто стирают прошлую память, оставляя на её месте пустое место.

Я тронул её за плечо, и развернул к себе.

— Ты должна меня послушать, Моркер. Мне нужно выбраться отсюда. Выбраться для того, чтобы узнать, какова была моя прошлая жизнь, когда я ещё знал, кем была Жрица Нэро. Я предпочту остаться в своем прошлом, но на поверхности, нежели чем жить в будущем, но в этих темных водах.

— Марра хочет? Марра должна остаться здесь. Должен остаться. Только здесь еда. только здесь безопасность. Скоро случится плохо. На поверхности будет плохо. Василиск должна была тебе рассказать об этом.

Хоть Василиск мне об этом и рассказывала, я всё равно настоял на своем. Если бы был хотя бы один минимальный шанс вырваться отсюда, я бы незамедлительно его использовал. Использую сейчас.

— Я хочу этого. Ты даже не понимаешь, насколько сильно я этого хочу. Я не хочу жить в вашей утопии, где мыслями каждой марры правит Василиск, существо, которое не имеет никакого отношения к нашему океану.

Моркер могла бы на меня обидеться, но она этого не сделала. Кажется, она и сама начала сомневаться в правильности действий Василиск.

— Моркер должна сказать что-то ещё.

— Я слушаю...

— Я тебя помню, марра. Помню все раз, когда ты просыпался здесь. Помню каждый минуту, когда ты плыл за Василиск. И пытался что-то понять. Ты не второй раз здесь. Уже... шесть. Этот семь.

Мне надо было переварить эту информацию. Моркер не могла лгать. Я ей верил.

— То есть, ты хочешь сказать, что я просыпался у тебя уже седьмой раз? Ты, наверное, хочешь добавить и то, что каждая марра периодически просыпается у тебя, и не помнит ничего, кроме своего имени? И ты, конечно же, идешь на поводу у Василиск. Только потому, что ты возомнила неживое создание своей матерью. В связи с этим, ты, возможно, единственная марра, что осталась при своей памяти. Я заключил верное утверждение?

— Нет... Да. Да. Оно так.

— Значит ты должна прекратить помогать Василиск. Это я тебе говорю как тот, кто постоянно идет у кого-то на поводу. В этом мы похожи.

Вот уж не думал, что она может быть причастна к этому ужасу. До сих пор не могу смириться с тем, что пережил свою смерть целых семь раз. И всё ради чего? Ради того, чтобы я всё забыл. Как же все сложно.

— Моркер... Моркер поможет. Я знаю, как вернуть память... О Жрице Нэро. Если это всё, чего ты хочешь.

Она прислонила свою ладонь к моему лбу, и закрыла свои глаза, что-то нашептывая на своем языке. Руны в помещении начали мигать, постоянно обращая всё во тьму. Я будто бы растворился в воде, и стал её частью. Зыбкой, но вечной. Ведь живительные воды — это единственное, что воистину вечно в нашем мире.

Сезон 8. Путь

Запись 1. Пробуждение от долгого сна

Я проснулся. По-настоящему проснулся. И на этот раз меня не преследовали ни нимфы, ни сомнения в реальности окружающего мира. Потому что прямо сейчас надо мной нависало мертвое тело кумика, изрядно съеденное орнатумами, маленькими ракообразными. Благо они едят только падаль, а живые организмы не трогают. Вот и меня есть они не стали. Зато пара-тройка орнатумов прицепились к моим плавникам, и отдирать их от себя было больно. Но боль в голове не могла сравниться с болью в плавниках.

Я рассмотрел окружающую меня местность. Я находился в какой-то темной расщелине, но сверху я видел вожденный свет. Однако сперва я обратил внимание на то, что моего теперь не было.

Меня ещё долго не покидали ощущения того, будто бы я просто находился в каком-то кошмаре всё это время. Но лежащие рядом со мной потрепанные записи, которые я писал на водорослях абиссальной зоны, говорили об обратном. Раз я их написал — значит я там всё же был. Но как тогда можно объяснить отсутствие моей травмы? Я начал сомневаться в том, что может быть реальным, а что нет.

Взяв свои записи, я начал плыть вверх, навстречу проглядывающему свету. Кумик повис прямо надо мной, и мне пришлось отодвигать его со своего пути. Интересно, сколько времени я провел в абиссальной зоне, если кумик выглядел ещё свежим? Я даже хотел оторвать от него кусок, но решил этого не делать.

Туннель, по которому я собирался сбежать из тюрьмы, был расколот надвое. Выплыв из него наружу, я стал свидетелем катастрофы. Прежний индустриальный Прокул, обитель инноваций и развития, теперь был всего лишь одной огромной развалиной. Наука не смогла остановить природу. Природа стала новым хозяином этого места.

Я плыл по широким улицам, и не видел ни одной живой души. Все марры будто бы пропали, или их и вовсе никогда не было. Всегда был город, но тех, кто его населял, будто бы несколько сотен сезонов уже не существовало. Океан забрал их с собой... всего лишь за единственный грех.

Торговые точки оставались нетронутыми. Даже если после землетрясения, разрушившего и расколовшего Прокул на две части, хоть кто-нибудь бы выжил, то такого обилия продуктов здесь бы не было. Всё должны были расхватать ещё в первый день местного конца света. А сейчас... нет, никого. Совсем никого. Пожалуй, кроме нескольких видов рыб и кумиков.

Я не знал, что делать, и куда идти. Я начал думать об этом уже тогда, когда набил свой живот всякой едой, бесхозно оставшейся после былой цивилизации Язычников.

Мои воспоминания ко мне вернулись. Я вспомнил, кем была Жрица Нэро. Наша Нэро. Которая больше не в состоянии помочь маррам. Не в состоянии помочь даже самой себе.

Я думал о том, что я мог бы вернуться в Пакс. Путь бы выдался не из легких, но находиться среди этих заброшенных зданий долго я не мог. Они были слишком пустые. Слишком мёртвые. Даже электричество, изначально мёртвый свет, больше нигде не работало. Оно умерло во второй раз, если я имею право так сказать.

Знаете, что такое кенопия? Это тревожное чувство, которое возникает тогда, когда мы находимся в пустых общественных местах, где должна кипеть жизнь. Однако жизни здесь

нет, нет марр, нет хоть каких-нибудь сознающих себя существ. И это меня правда пугает. Я будто бы являюсь единственной маррой во всем океане. Хотя, конечно же, это не так. Я надеюсь, что это не так.

Однако возвращаться в Пакс, к моему глубокому сожалению, уже нельзя. Я знал слишком много для того, чтобы вернуться к прежней жизни. Я больше никогда не вернусь на прежнюю работу, больше никогда не заведу нормальную семью, больше никогда не буду честен с каждым встречным настолько, насколько был честен раньше. Теперь я был обречен и всеми забыт. Из высших стражей остался лишь я один. А значит сама эта группировка более не может существовать. Но Нэро я не забуду никогда. Нет, больше никогда.

Кто же теперь будет хранить вечный покой нашей Нэро? Кто теперь в ответе за неё? Больно даже думать о том, что сейчас может происходить в Паксе. Но я ничего не могу изменить. Поэтому будет лучше, если я больше никогда не вернусь на свою родину.

А что, если мне отправиться в Биимун? Всегда хотел оказаться в том загадочном городе, который, по легенде, пал из-за поклонения иным созерцателям. Однако и вы, и я, теперь знаем, почему же на самом деле был разрушен второй по значимости в нашей истории город. Возможно, там даже остались марры. Такие же, как и я. Брошенные всеми и за всё.

Запись 2. К югу

Своего кумика я назвал Осло. В мальковом возрасте у меня был домашний питомец, которого я звал Осло. Это была забавная трехцветная рыбка, которая была со мной неразлучна. Она была любознательна, но во время одной из наших игр снаружи моего дома на нас напал люций. Страшная, багровая рыба, истинный хищник нашего океана с двумя рядами клыков. Этот вид никогда не заходил далеко в город, но так совпало, что в тот момент я жил вместе с Осло и моим отцом на краю Пакса. Так что шанс того, что на нас нападет хищник был очень высок.

Этот люций съел Осло, а я позорно сбежал в безопасный дом. Хотя я и ничего не мог противопоставить этому дьяволу рыбного мира. Они-то действительно выглядят как самые настоящие дьяволы... В общем, смерть Осло надолго засела в моем мозгу. А теперь мне подвернулся случай завести второго Осло. Надеюсь, что он не закончит так же, как закончил и первый...

Кумика я снарядил для дальнего похода в Биимун. Я знал, где расположен этот город только условно — к югу от Пакса. А Пакс находился к югу от Прокула. То есть в любом случае я должен был пройти через Пакс, чтобы попасть в Биимун, но я решил обойти его стороной. Да, это решение очень глупо, но я бы не смог перенести и дня в своем родном городе. Хотя бы потому, что там меня больше никто не ждет.

Я взял достаточное количество еды для того, чтобы накормить меня одного на срок до пятнадцати дней. По моим подсчетам, если экспедиция из Пакса в Прокул шла целый сезон, то путь от Прокула до Биимуна займет такой же срок. Ибо теперь я буду двигаться один, что, конечно же быстрее, нежели чем движение огромной ротой. Когда кончатся мои припасы, я начну охотиться на рыб. Вследствие этого я взял с собой лезвия-культро, которые нашел в местной рыбной лавке. Так что ни я, ни Осло, ни за что не погибнем голодной смертью. Осло так вообще может питаться одними водорослями, он-то точно не пропадет.

Биимун, опять же, расположен в самой южной обитаемой точке нашего океана, в океанском ложе. То есть если Пакс и Прокул расположены в поверхностных водах, то Биимун расположен значительно ниже двух этих городов. Океанское давление там

присутствует, но оно не настолько велико, какое оно бывает в абиссальной зоне, а значит жить там точно можно. Вопрос в другом — насколько сильно отличается флора и фауна Биимуна от флоры и фауны Пакса и Прокула? Неизвестность — это единственное, что меня пугает. Сами, наверное, можете сделать вывод о том, почему марры Пакса не знают ничего о Биимуне... Энгал, будь бы он жив, точно мне бы помог. Мне так не хватает советчика...

Осло на удивление быстро меня принял как своего нового хозяина. Он очень ко мне лоялен. В пути мы находимся уже трое суток, а одной из особенностей кумиков является то, что они могут плыть даже во время своего сна. Правда ориентироваться в местности во время сна они не могут, и, если на нашем пути внезапно появится препятствие, Осло просто в него врежется. Поэтому я стараюсь спать только тогда, когда кумик бодрствует. В свою очередь я нахожусь в сознании только тогда, когда кумик спит. А сплю я прямо на нем — благо кумики достаточно большие рыбы. Вдвое больше любой экваториальной марры.

Ориентируюсь в своем передвижении я по местным географическим объектам. Храмам, что возвела Нэро, скульптурам созерцателей, что она воздвигнула из прочных камней... Не упускаю возможности сорвать молитвенник, и взять его вместе с собой в путь. Перетираю его в порошок — на всякий случай, и начинаю молиться Нэро за успех собственного пути, когда мы с кумиком останавливаемся на десять минут в безопасном месте. Я молюсь и за неё, и за души всех тех, кто погиб на моем жизненном пути. Это не занимает много времени... Но я бы всё же предпочел молиться ей напрямую. В её святилище. Так роднее, и... правильнее, что-ли. Но других альтернатив нет, и, кажется, больше никогда и не будет. Это меня печалит.

Запись 3. Песни рыб

Я наткнулся на удивительное явление! В два из двадцати сезонов начинают выклеиваться икринки певчих рыб, то есть лагуцинтов! Лагуцинты — воистину волшебные рыбы, ведь они умеют издавать звуки, что очень похожи на пение марр. Фееричный набор звуков самцов сочетается с размашистым воркованием самок, и вся композиция сливается в одно целое, создавая воистину уникальное музыкальное произведение!

В период их размножения эти звуки слышны практически отовсюду! С помощью них самки находят самцов, а самцы — самок, для того, чтобы через десяток сезонов эта песня повторилась вновь, но уже их потомками. Самое интересное в том, что песни этих рыб оказывают какое-то успокаивающее воздействие на некоторые виды других рыб, делая их менее агрессивными. Хищники становятся вялыми и более спокойными. Некоторые рыбы предпочитают избегать мест, где начинается новая рыбная песня. Но марры... нет, марры никогда не упустят возможность послушать то, как лагуцинты превозносят силу любви в виде своей вечной песни.

Да и чего уж скрывать, даже я сам ненароком то ли от скуки, то ли от заразной тяги к любви начинаю подпевать за рыбами. Тихо, чтобы они не услышали, и не покинули место, в котором существует только любовь. Ах, была бы тут Фифиан... Она бы подпевала эту песню вместе со мной, и мы бы слились воедино, стали одним целым — эфемерным существом, которому для жизни не нужна ни еда, ни сон, а только любовь. Совсем как и этим не долгоживущим рыбкам... Но лучше уж прожить короткую жизнь в любви, нежели чем долгую жизнь совсем без неё. Вы согласны со мной, мои дорогие, незримые читатели?

Всё, не могу больше ничего писать! Я буду слушать их пение и наслаждаться короткими моментами спокойствия, пока вокруг меня царит только добро. Только наша Нэро могла

создать нечто удивительное! Слава Нэро! Слава живительным водам нашего океана!

Запись 4. Медуза

Наш океан действительно изобилует самыми разными видами морских существ, а его экосистема воистину уникальна. Такого разнообразия водных обитателей, наверное, нет совсем нигде.

Одними из уникальнейших обитателей нашего океана можно назвать гигантских медуз, которые селятся ближе к океанскому дну. Весь их жизненный цикл представляет из себя спокойный дрейф по окрестностям их зоны обитания. Их размер можно сопоставить с размером трехэтажного дома в Паксе!

Их мясо для большинства хищников ядовито, поэтому марры к ним даже не прикасаются, и предпочитают избегать их стороной (мы даже не дали им никакого названия). Но я наткнулся на целую дюжину этих медуз по пути в Биимун. Они так же, как и всегда, оставались в спокойном дрейфе, и не обращали на нас с Осло никакого внимания.

В нашем фольклоре упоминается, что этот вид медуз может каким-то образом влиять на сновидения марр. Я в это верю, но с очень большой натяжкой. Навряд ли в океане есть хоть кто-то ещё, кто может манипулировать чужим сознанием кроме нимф и кроввов.

Воды стали заметно теплее. Теперь я был уверен, что мы добрались до южного океана. А значит до Биимуна осталось совсем ничего.

Запись 5. Девушка во сне

Не знаю, связано ли мое сегодняшнее сновидение с событиями прошлой записи. Во сне я видел стаю тех самых огромных медуз. Они были совершенно повсюду, и закрывали собой весь мой обзор, а их ядовитые щупальца тут и там всплывали у меня перед глазами. Я плыл между ними совершенно один, без своих припасов и без Осло. Почему-то я сразу понял, что нахожусь во сне, и мне особо ничего и не грозит.

Так продолжалось какое-то время. Медузы оставались беспристрастны ко мне и моему близкому нахождению к ним, пока их не начало становиться всё меньше и меньше. Оказалось, что все мы находимся в темной пещере, хотя до этого казалось, что действие сна происходит где-то в поверхностных водах.

Вдалеке я увидел слабый свет, исходящий из светящегося моллюска, и там же находился отчетливый силуэт какой-то марры. Я быстро поплыл к этой марре, почему-то думая, что там находится Фифиан. Я был уверен в этом как в чем-то очевидном, непререкаемом. Но на деле Фифиан там не было. Там была Василиск, что держала едва обескровленного моллюска в своей мёртвой руке.

— Странно. Из раза в раз наши пути расходятся и сходятся вновь. Ты не считаешь все наши встречи predetermined? — сказала она своим безучастным голосом.

— Мне кажется странной только ты. Зачем ты явилась ко мне во сне на этой раз?

— Это не я явилась тебе во сне. Это ты явился ко мне в мой сон. Проник в моё сознание только потому, что наши пути снова переплелись. Ты не видишь этих путей, они не существуют в реальном мире. Но они существуют в мире снов. В моем мире.

— Я не хочу иметь с тобой никакого дела. Ты мне не интересна, какой бы ты информацией не располагала. Мне всё равно до твоих чар и магии.

— Тебе придется иметь со мной дело. Это указ. Это судьба. Я бы тоже не хотела поручать такое важное задание такой бессмысленной марре, как ты. Но кроме тебя в

Биимуне не будет никого, кто смог бы мне помочь. Есть одна девушка, но она будет помогать тебе, а не мне. Она — лишь посредник посредника.

— Что? В Биимуне кто-то есть? — спросил я настороженно. Я ожидал какого-то подвоха, хотя понимал, что его быть не может.

Василиск сжала в руках тельце моллюска, и тот перестал светиться. Всё было окружено темнотой. Через несколько секунд свет появился вновь, и нового светящегося моллюска держали уже другие руки. Руки живой, настоящей марры. Не робота.

Она была красива. Совсем как Фифиан, но ростом немного выше. Увидев её, я потерял способность говорить, либо просто не хотел разрушать сладкую тишину. Она была не без закаленного характера, и это же отражала её внешность: где-то зиял лишний шрам, где-то плавники были надорваны, а на кончике хвоста были какие-то уже заживающие раны.

Возник голос Василиск. Но я уже не помню, о чем она говорила. И вряд ли хоть когда ни будь вспомню.

Запись 6. Тёплые воды

Город Биимун уже виднелся где-то вдалеке. Осло начал вести себя немного странно, несдержанно и тревожно. Казалось, что эти далекие здания его очень сильно беспокоят. Эти чувства нарастали по мере приближения к Биимуну, да и мне самому уже сало как-то страшно входить в его окрестности. Но теперь разворачиваться назад было поздно.

Этот город уже давно был покинут всеми маррами. Здания выглядели шаткими и ненадежными, все они были захвачены разнообразной растительностью. В окрестностях Биимуна не было совершенно никого, а экосистема была полностью разрушена. Растения одержали победу над живыми существами, которых здесь совсем не было. Это было странно.

Спустя пару минут я уже разглядел гигантскую расщелину, подобную той, что уничтожила весь Прокул. Свет не доставал до её дна, и в ней царила темнота. Вглядываясь во тьму, я не нарочно вспомнил о том, что в подобной расщелине уже видел то, чего не должен был видеть никоим образом. По пути в Прокул наш отряд наткнулся на такую же расщелину, только вот она находилась совсем далеко от обоих городов, и навряд ли была создана изначальным существом. И увиденный на тот момент силуэт глубоководной марры уже мог говорить о том, что они живут именно в таких расщелинах. Эту теорию я проверять никак не хотел. Хватит с меня этой неприветливой и загадочной абиссальной зоны.

Но я отвлекся. Пока я рассуждал об этих расщелинах, Осло вырвался из моей хватки, и устремился в одну сторону. Напролом в центр Биимуна. Я еле его догнал, и успел перехватить за поводья. Что-то было в этом городе такое... аутентичное. Что-то, что манило Осло.

Сезон 9. Увядший город

Запись 1. То, что было

Мёртвый город встретил нас с Осло радушно. Потому что он был мёртвый.

Ни марр, ни рыб. Никого. Я-то думал, что это в разрушенном Прокуле было слишком тихо. Оказалось, что нет. Жизнь в Прокуле осталась. А здесь жизни нет.

Меня охватила тоска по дому. Но теперь то, что осталось от Биимуна, было моим новым домом. Новое чистилище для моей души вечного скитальца. Новая потерянная история о том, как марра попыталась пойти против своей собственной сущности. Меня никто не будет помнить. Больше некому меня помянуть. Дерраниал, разве что... но тот наверняка думает, что я уже давным-давно мертв.

А я тут! Живой, целый, невредимый... Шрамы прошлых битв меня лишь украшают. Они не портят моей внешности, но явно говорят о том, что мой дух всё ещё не сломлен. И вряд ли будет сломлен в ближайшее время. Такова моя судьба.

Биимун был опрятен. Красивые улочки проходили между домами на сваях, разными рыбными фабриками, многочисленными церквями и базарами. На базарной площади стоял памятник, на котором был изображен основатель этого города — он был лишен головы. Голова лежала у его ног, как бы намекая на то, что и сам Биимун уже лишился своего величия и уготованной ему вечной жизни.

Постамент на статуе гласил следующее:

«Взываю к вам, о жители нашего прекрасного города! Располагайтесь всеми его несметными благами и богатствами! Но помните: город всё ещё стоит лишь потому, что в него верят созерцатели. Так чтите же их всех, и отдавайте им свои молитвы, дорогие граждане! Ведь только благодаря созерцателям в бескрайнем океане звезд может существовать жизнь»

На постаменте также были инициалы основателя — Н. и М. Странно видеть то, что у него было два имени. Или же город основали две марры?

Весь город утопал в зарослях множества видов растений и водорослей. Сквозь шаткие здания в некоторых местах даже прорастали деревья, которые, казалось бы, встречаются только в наших морских лесах.

На городской площади, прямо напротив местной ратуши располагалась статуя нашей Нэро. Да, это была именно Нэро.

Насколько мне известно, в океане нет ни одной статуи, что могла бы изображать нашу Нэро. Но эта статуя... Да, она действительно принадлежала ей. Нэро была прекрасна, хоть и отличалась от моих представлений о её внешности. Она не была маррой, она выглядела, как и все остальные созерцатели, но представала юной девушкой. Впрочем, я так и думал, что у неё не было ни хвоста, ни плавников. Всё-таки мы были созданы не по её подобию, как бы что ни говорила переписанная архиереями Вера воды.

Самое ужасное было в том, что у её ног не росли молитвенники. Меня пробило на чувства, когда я вдруг понял, что у каждой статуи созерцателей есть свои молитвенники. Но у Нэро их нет.

Я взял веточку молитвенника из своих запасов, и возложил её к ногам нашей Нэро. Молитвенник начал угасать, будто бы он вот-вот погибнет. Он стал серым, и полностью потерял своё свечение, как только коснулся песчаного дна. Нэро оставалась безучастна, но

лицо её томилось в какой-то неопределенной эмоции горя и потери чего-то важного для неё одной.

Мне стало настолько грустно, что я не смог двигаться дальше по городу. Я остановился прямо здесь, на улице, и лег у ног нашей Нэро. Кумика привязал к ближайшему фонарному столбу, в котором раньше жил светящийся моллюск.

Я даже не разбивал лагерь, не стал освежевать ранее пойманную добычу. Просто утонул в собственных мыслях, смотря на прекрасное лицо нашей погибшей Нэро. В ногах которой даже не росли молитвенники.

О задании Василиск я в тот момент уже не думал. Мне хотелось погибнуть на том же самом месте, где погиб и молитвенник. Даже не знаю, почему.

Запись 2. Девушка из сна

Когда я уснул, впервые за долгое время мне привиделся спокойный, светлый сон.

В нём я был беззаботной рыбкой, плывущей в одном направлении за своим косяком навстречу далекому свету. Но свет, однако же, был недостижим. Вся жизнь нашего косяка представляла собой движение к чему-то, чего мы никогда не достигнем. Однако в этом движении читалась истинная жизнь. Казалось, что без него не было бы и нас самих. Ведь если ты не плывешь — зачем тебе жить? Цель твоего движения может быть размытой, её может и вовсе не существовать. Но ты всё равно должен продолжать двигаться. Лишь для того, чтобы жить, дорогой читатель. Это звучит очень поэтично и неоднозначно, но я хочу сказать лишь то, что ты никогда не должен останавливаться на одном месте. По крайней мере мне трактовка этого сна кажется вполне логичной.

Второй сон был более интересен. Я снова видел девушку, которая мне снилась вместе с Василиск. Однако теперь она была одна. Она смотрела на меня взглядом, который я не могу описать словами. Она была загадочна, неоднозначна. Её существование внутри моего сна казалось мне лишним, бессмысленным. Она не должна была находиться в моем сне. Она была лишним элементом. Она...

Я внезапно открыл глаза. Она была реальна, и нависла надо мной. Она была настоящей. Она была прямо здесь. В реальности. Живая...

— Я подумала, что ты мертв. Ты кто? — спросила она с воинственным нравом. Когда я всплыл со дна, она отклонилась назад.

— Кто я? Я... Анарел...

Я растерялся. Я не знал, что нужно ответить. Мне было очень тревожно, и я ощущал эту тревогу всем своим телом. Мне было некомфортно, я ощущал себя неправильным. Весь мир казался неправильным...

В руках у неё красовалось тонкое, но длинное лезвие-культро. Это меня очень смущало. Да и сама она выглядела так, будто бы она здесь выживает, а не живет. В то же время она всё равно была удивительно красива.

— Моё имя Истери. Что ты здесь делаешь? — спросила она вновь. В её глазах сиял и страх, и отчуждение, и любопытство, и даже желание нанести по мне удар, если я начну с ней драку. Но было и что-то ещё.

— Я...

Я снова не смог выдавить из себя и слова.

— Ты удивлен тому, что я тебе снилась?

— Да...

Откуда она могла это знать? Я не задал этот вопрос, но и его она будто бы считала с меня.

— Я тоже видела тебя во сне. Два раза. Где-то десять дней назад, и этой ночью во второй раз. Ты был рядом со странной маррой.

— Василиск... — выдавил я из себя. Затем мне стало легче. Скованность с меня спала. Но какое-то чувство пустоты нарастало в моем животе, а сердце колотилось. Да и тело было какое-то... неустойчивое, что ли.

— Полагаю, ты приплыл в этот город вместе со своим кумиком по её приказу?

— Нет... Я приплыл сюда сам. Для того, чтобы найти себе новый дом.

— Пустых домов в округе много. Однако уверен ли ты, что этот город примет тебя в качестве своего нового жителя?

Я никак не смог ответить на её вопрос. В городе было что-то не так, и об этом знала только она, об этом уже можно было догадаться.

— Ты живешь на этих обломках... том, что осталось от Биимунa? — перевел я тему с себя на неё.

— Раньше здесь жил мой род, пока за какое-то время до катастрофы он не перебрался в Пакс. Теперь же всё сложилось так, что я и мой брат стали последними наследниками нашего рода. Он решил остаться в Паксе, а я решила вернуться туда, где раньше жили мои родственники...

Что-то ёкнуло внутри. Я осознал, что её братом был Энгaл. Других марр, корни которых могли уходить в Биимун, я попросту не знал.

— Ты знаешь, что сейчас с твоим братом?

— Нет, не знаю. Я покинула его давно. Кажется, он пытался стать высшим стражем... Ты задаешь слишком много вопросов.

Сомнения отпали. Но о судьбе её брата я решил пока не рассказывать.

— Я тоже высший страж. Был им какой-то определенный момент в своей жизни.

Я рассказал ей всё, что произошло со мной на моем пути. Истери внимательно меня слушала, пусть и не слишком увлеченно. А когда я сказал ей о том, что Прокул был разрушен, она совсем никак не отреагировала. Она так же никак не отреагировала и на вестъ о том, что Нэро всё это время была мертва. Будто бы её это всё и не заботило. А когда я перешел к рассказу об абиссальной зоне, я заметил, что она меня уже и не слушает.

— Я не видела никаких марр уже больше тридцати сезонов, или даже больше. И тут у статуи Нэро появился ты. Понимаешь, насколько это странно? Тем более на краю всего мира... Нет, я не могу поверить в твои слова. По крайней мере пока.

— Я не специально... Меня захватила какая-то непередаваемая грусть от того, что Биимун пуст. Последней каплей стала всеми покинутая статуя нашей Нэро. Тут, как бы, даже рыб нет... Не говоря уже о маррах.

Она как-то переменилась в характере, и стала ещё более холодной, нежели чем была.

— Рыбы есть... — сказала она как-то безучастно. И, сделав паузу, продолжила, — Я покажу. Плыви за мной, а кумика лучше оставь здесь.

Запись 3. Причина

Знакомство произошло как-то странно. Вы и сами можете об этом догадаться, прочитав предыдущую запись. Всё ещё не понимаю, что на меня нашло. Однако теперь это было уже неважно, ведь ближе познакомимся мы позже.

Истери привела меня к обрыву, который на самом деле был расщелиной, появившейся между двумя частями города. Она поплыла вниз, не дожидаясь меня. Вечно я за кем-то плыву. За мной не плывет никто.

Я заметил туннель, внутри которого была абсолютная темнота. Я внезапно вспомнил об абиссальной зоне, системе пещер с узкими ходами.

— У меня плохое предчувствие. Я не хочу туда плыть. Почему ты не можешь объяснить мне все словесно?

— Визуальный опыт будет более правдивым. Ты должен увидеть то, что каждый день вижу я. Иначе я обещаю, что ты и дня не продержишься в этом городе, не потеряв свой рассудок.

— Это была угроза или предостережение? — спросил я, но она уже заплыла в туннель. Она явно видела меня насквозь, и точно знала, что теперь я всё равно поплыву за ней несмотря на свой страх. Так и случилось...

Я догнал её уже в туннеле. Оказалось что в нем нет даже светящихся моллюсков, которым так сильно нравится темнота. За время пребывания в абиссальной зоне я уже привык к темноте, но теперь она давила на меня с ещё большей силой. Не посчитайте меня слабаком. Я просто не хочу, чтобы на меня снова кто-нибудь напал, и реальность вновь оказалось лишь сном. Это очень травмирует.

В конце туннеля уже виднелся свет. Тусклый, но он хотя бы был.

— Держи лезвие наготове. Не знаю, как он на тебя отреагирует.

— Кто это «он»? И зачем нужно лезвие? Разве мы собрались кого-то убивать?

— Лезвие нужно для того, чтобы ты перерезал себе горло в нужный момент, если что-то пойдет не так. Уж лучше умереть такой смертью, нежели чем той, которую обрели жители Биимуна.

Это уточнение не пришлось мне по душе.

Мы вышли на какую-то площадку, что полностью заросла красными водорослями. Уже в этот момент я понял, что увижу такую же сцену, что уже видел однажды.

Изначальное существо жило под Биимуном. Огромная цилиндрическая пещера росла вверх и опускалась вниз на сотни метров. На стенах пещеры были едва видны потускневшие руны.

Краб выглядел лучше, нежели чем в прошлый раз. По крайней мере мне показалось, что он не был заражен доныне неизвестной океану болезнью. Но первое впечатление оказалось обманчивым.

— Рыба! — вскрикнула Истери.

Я проткнул лезвием какое-то... существо, что пыталось на меня напасть. Это нельзя было назвать рыбой. Оно скорее походило на монстра. Челюсти «рыбы» вышли за пределы её организма, а жабры набухли, и из них сочилась темно-зеленая жижa.

— В следующий раз смотри, что происходит у тебя под носом. Иначе мне бы пришлось убить тебя.

Я не мог понять, что происходит. Почему я уже видел такую картинку раньше? Разве изначально существо не находилось в абиссальной зоне? Столько вопросов, так мало ответов...

— Ты не слишком-то шокирован увиденным.

— Я... я видел это ранее. Изначальное существо... Но в прошлый раз он был полностью заражен... чем-то... Чем-то, что заразило и эту рыбу.

Истери искренне удивилась, но разговор о моем прошлом опыте встречи с изначальным существом она решила оставить на потом.

— Я являюсь хранительницей этого места. По крайней мере, самопровозглашенной. Я слежу за тем, чтобы руны сдерживали Азаля, а его зараженная публика слишком сильно его не докучала. Наверное, ты уже догадался, что все рыбы Биимуна находятся здесь? Возле своего короля.

Изначальное существо, Азаль (как его назвала Истери), не обращал на нас никакого внимания, не пытался с нами что-либо сделать. Однако его темные глаза всё равно были обращены в нашу сторону. Он точно был разумен, обладал своим самосознанием, но совсем не мог говорить. Почему-то я был в этом уверен.

— Здесь опасно, и теперь ты будешь помогать мне защищать Азаля. Отказ не принимается, покуда ты находишься внутри Биимуна. Возможно, мы даже сможем его излечить, пока его болезнь находится на ранней стадии, и ею заражаются только рыбы.

Разве живительные воды океана могут допустить, чтобы в нем появилась инородная болезнь? Нэро... ты недосмотрела за своими творениями? Упустила возможность того, что твоё первое создание может стать разносчиком неизвестной заразы?

Запись 4. Быстрые заметки

Конечно же теперь я понимал, что всё это было неспроста. Что бы ни происходило в абиссальной зоне или кем бы или чем бы ни была Василиск, но она действительно думает только о нашем изначальном существе и о том, что его необходимо излечить ещё на ранней стадии развития его болезни. Иначе станет слишком поздно, и кто знает, вдруг эта зараза проникнет в остальную часть океана? Если она вырвется за пределы Биимуна, то всему живому и сознающему настанет конец.

Истери, внезапно, была посвящена в таинства рун, и даже промышляла какой-никакой рунной магией. Руны являются катализаторами магической силы наших живительных вод. Используя руны, мы как бы можем использовать энергию нашей воды для того, чтобы излечить даже самых тяжелобольных марр и других существ. Думаю, использование рун смогло бы приостановить распространение заразы в теле Азаля. Но вылечить ли полностью? Ни я, ни Истери об этом ничего не знают. Однако не зря в логове изначального существа из моего сна, где я впервые с ним встретился, повсюду на каменистых стенах были расположены гигантские руны. В реальности эти руны были не настолько огромны и многочисленны, ведь всех их выбивала Истери в одиночку.

Моркер бы нам точно помогла. Но я даже не уверен в том, что она существовала.

Но кроме рун и их магии точно присутствуют другие пути решения. Однако нам нельзя привлекать внимание Пакса, иначе кто-то из марр обязательно заразится тем, что водится в пещере Азаля. А там и до эпидемии недалеко. К тому же мы даже не знаем, каковы главные симптомы этой болезни. Разве что её явным признаком является бешенство, наблюдаемое у рыб, что постоянно кружат вокруг изначального существа, из-за чего к нему просто невозможно подобраться.

Честно говоря, пишу эти строки, и совсем не понимаю того, как бы мы могли раз и навсегда вылечить изначальное существо от этой болезни, которая появилась в нашем океане совершенно спонтанно и загадочно. Василиск могла бы дать пару идей, но в наших снах она больше не появлялась.

Мы с Истери сблизились. Совместная задача сплотила двух совершенно разных и

незнакомых марр. Думаю, мы обязательно найдем решение, если будем действовать сообща до самого конца.

Осло ведет себя нервно. Пытается вырваться из веревки и поплыть к разрыву. Наверняка потому, что он, как и другие рыбы, чувствует, что под Биимуном находится король нашего океана. Прокаженный король.

Еды в Биимуне очень мало хотя бы из-за того, что вся рыба заражена и её ни в коем случае нельзя приготовить и съесть. А продержаться на одних водорослях я долго не смогу. Даже в абиссальной зоне я питался мясом, даже в тюрьме Прокула мне выдавали похлебку, в которой всё равно присутствовала какая-то часть от мяса. А здесь одни только водоросли, и больше ничего. Впрочем, я не могу жаловаться. Важно то, что отныне я свободен, пусть и ценой питательной пищи. Все блага вторичны.

Эту запись я дополнял в течение нескольких дней, так что не клеветайте меня за то, что я прыгал с темы на тему. Сейчас мне совсем не до письма. Нужно помогать вырезать новые руны и заправлять старые кровью светящихся моллюсков, которые тоже не спаслись от заражения, но другого варианта нет.

Запись 5. Таинства рун

Как я говорил в прошлой записи, я начал помогать Истери с созданием новых рун и обслуживанием старых. Но я всё ещё не мог понять, каким образом использовать их магию. Однако Истери обучила меня и этому сегодня. Запишу наш разговор.

— Множество рун имеют свой перевод на письменный язык марр. Однако перевод идет только в дословном виде, и знать точно, что обозначает та или иная руна, нельзя. Поэтому трактовать одно и то же предложение на языке рун можно по-разному. Определенные руны не могут иметь вообще никакого перевода, так как в языке марр не существует столько слов, сколько существует рун. До сей поры нам неизвестно значение сотен, а то и двух сотен различных рун. Такие руны принято называть «оберегами». С их помощью мы можем использовать магию, и с их помощью мы можем попробовать запечатать болезнь в том виде, в котором она есть сейчас, и не дать ей развиваться ещё больше.

— Разве можно использовать руны, значение которых донныне неизвестно?

— Дело в том, что мы должны принимать руны не как средства для обмена информации. Не так, как мы принимаем обычные слова. Руны — это нечто иное. Наша Нэрс специально сделала всё так, чтобы разные руны могли быть и словами, и значениями, и независимыми единицами своего собственного языка, и самыми обычными оберегами.

— Тогда почему в качестве оберегов можно использовать только те руны, у которых нет значений?

— Если у руны нет значения, нет перевода — значит эта руна всегда использовалась только в магических целях.

Я задумался.

— Но почему теперь никто не использует руны для магии? У нас в Паксе руны встречались только в оригинальной книге Веры воды...

— Оригинальной книге? — Истери ненадолго задумалась, и хотела что-то сказать. Однако не сказала, да и я об этом уже забыл. Она резко вернулась к теме рун. — В общем, я думаю, что теперь я смогу обучить тебя использовать руны по их назначению... Честно говоря, я никого ещё не учила делать то, что делали мои предки.

— Жители Биимуна использовали магию рун?

— Да. Мы единственные марры, что сохранили память о том, как можно использовать руны. В Паксе, сам знаешь, после впадения Нэро в сон всегда запрещалось изучать что-либо новое. Все поколения архиереев стремились сохранить первозданный вид того города. Из меня учитель плохой, но думаю ты и сам уже начинаешь догадываться, как использовать магию рун.

— Лишь от части.

Для использования магии рун необходимо сонастроиться с руной-оберегом. Растворится в океане и стать полноценной его частичкой. Я не до конца понимаю, как это работает, но при сонастройке с руной твоё сознание как бы... расщепляется. Ты будто бы и впрямь становишься самым океаном, и можешь использовать его силу для излечения или сдерживания болезни. При чем магия рун не может вредить. Только лечить. Ведь магия рун — это магия океана. А руны — это его голос.

Моя сонастройка с одной из рун-оберегов прошла успешно. Я мог чувствовать то, что чувствует океан, что чувствует эта руна, как бы это странно не было. В рунах заключена кровь светящихся моллюсков, но на самом деле для того, чтобы руна «оживала», и с ней можно было сонастроиться, может подойти буквально любая кровь. И даже та, что заражена. Главное не притрагиваться к зараженной крови своими руками, ведь болезнь передается только через прикосновения с живой плотью. Самое главное в том, что океану нужно принести подношение — «угаснувший дух», как выразилась Истери, минуя словосочетание «мёртвый организм».

Однако даже совместная сонастройка с рунами нам не помогла. Излечить даже самую маленькую рыбешку даже при внушительном подношении нам не удалось. У меня появилось две теории, связанные с нашей неудачей...

1. Болезнь пришла из внешнего мира. Из космоса, что скрыт над пеленой нашего океана. Океан не знает, как с ней справиться, ведь даже само изначальное существо оказалось ей заражено.

2. Болезнь породил сам океан. По неведомой причине изначальное существо пошло против идеалов нашей Нэро. Эта теория подтверждается рассказом Василиск о том, что изначальное существо слишком сильно переживает потерю нашей Нэро, из-за чего его разум может быть затуманен.

Обе теории одинаково страшны. Ведь мы столкнулись с тем, о чем не имеем ни малейшего представления.

Запись 6. Ночной разговор

Дело никак не идет, но я почувствовал, что наконец нахожусь в безопасности. Это в мёртвом городе-то...

Мы с Истери действительно стали очень близки. Всего за какой-то жалкий сезон мы успели привыкнуть друг к другу настолько, что мне даже кажется, что я знал её всю жизнь. Так же и у неё со мной. Она больше не холодна ко мне, а я не испытываю подавляющую пустоту рядом с ней. И это... волшебно, что ли. Люблю ли я её? Я не могу дать ответ на этот вопрос. Он слишком личный.

Ночами мы находимся друг возле друга. Она впустила меня в своё убежище, и мне больше не пришлось находить брошенные дома для того, чтобы в них переночевать, ведь ночевать на улице, пока под Биимуном происходят какие-то страшные вещи, вовсе не хотелось.

Было видно, что она очень организована. Она внимательная к деталям, и даже по одному только моему виду она сразу сделала вывод о том, что я не привык сдаваться без боя. Конечно, она поняла это по моему количеству шрамов, некоторые из которых до сих пор напоминают мне о том, как я доблестно хранил вечный покой нашей Нэро. Теперь я могу хранить только дорогую мне Истери. Я хочу, чтобы с ней всё было в порядке. Я больше ничего не желаю.

В одну из ночей нам обоим не спалось, и между нами каким-то образом была поднята тема Веры воды и правил, которые в ней описаны. Случилось так, что оказалось, что у нас обоих разные представления об оригинальном тексте Веры воды.

Всем уже давно было известно, что наша Нэро завещала единственную копию Веры воды Паксу после того, как она впала в вечный сон. Однако Истери уверяла, что оригинальная копия Веры воды была найдена на месте нынешнего Биимуна, когда сюда пришли первые марры. Основатели этого города встретили некую структуру, похожую на храм Нэро в Паксе. Однако внутри него стоял пьедестал, состоящий из аквамарина — камня, что встречается очень редко. Этот же камень был любимейшим материалом Нэро, и она использовала его повсеместно во всем своем святилище. Существует даже такая легенда, что внутри каждой марры есть маленький камешек аквамарина — дар Нэро своим детищам. То есть было очевидно, что тот маленький храм, что стоял на месте современного Биимуна, возвела именно Нэро.

Этот экземпляр Веры воды тоже был написан на языке рун, вот только он был гораздо объемнее, нежели чем та Вера воды, которая есть у Пакса. А самое главное в том, что архиереи сразу же отвергли этот вариант Веры воды, назвав его ложным. После строительства Биимуна Пакс разорвал с ним все связи, перекрыл к нему все пути и начал пропаганду против этого города среди своего населения. И, конечно же, кроме рода Истери и Энгала об этом не знал никто.

— Значит у архиереев были основания для таких действий. В твои слова можно поверить, но...

— Но? Это правда. Архиереи никогда не признавали Биимун лишь потому, что здесь была найдена более полноценная копия Веры воды. А значит архиереи не хотели допустить того, чтобы она проникла в Пакс, и заменила собой их собственную копию.

— Вера воды Биимуна сохранена по сей день? — спросил я внезапно. Я хотел узнать об её оригинальном тексте. Зная архиереев, я уже на тот момент мог предположить, что они могли переписать Веру воды под себя, и выдать её за истинный экземпляр.

— В нашей библиотеке в своём закрытом крыле. Ты хочешь поплыть туда утром?

— Нет. Я хочу поплыть туда сейчас. Ты со мной?

Истери сопровождала меня прямо ночью до этой библиотеки. Мы вместе вошли в неё, и она призналась, что ещё ни разу не видела оригинал Веры воды воочию. На это ей не было времени.

В библиотеке было довольно много книг. Я не люблю читать, да и времени прочитать хоть что-то у меня не было. Так что все эти книги были для меня пустым местом, так что о них речи не пойдет. Зато я расскажу о том, что мы нашли в закрытом крыле.

Библиотека была построена прямо на уже упомянутом храме. Храм был обставлен стенами, что соорудили марры для того, чтобы его защитить от внешних воздействий. Вера воды была надежно защищена, и выдержала испытание временем, совсем как экземпляр Веры воды в Паксе. Эта версия действительно была более толстая и многословная, но кроме

дополнительных страниц текста здесь были и его изменения.

Например, открывающая строчка Веры воды Пакса, которая вам уже известна, была заменена на следующую строчку: «Во имя нашего вечного океана». Подобных изменений было много, но о деталях я говорить не стану. Самым важным моментом было то, что эта Вера воды была написана Нэро вручную, а не переписана архиереями якобы с её слов. К тому же в ней было куда меньше нравоучений, и большее количество слов говорили о том, что обязанность каждой марры — оберегать и себя, и своего ближнего, и даже всех тех, кто пришел в этот океан из другого мира.

Удивительным для меня открытием было то, что в этом экземпляре Веры воды был описан случай проникновения некой болезни в наш океан. «Нулевым пациентом» этой болезни стал инородный организм, названный Метатроном. Роботом, который пришел в наш мир также внезапно, как и впоследствии из него и исчез.

Метатрон переносил на себе заразу, и в Вере воды было ясно указано, что мы, марры, не должны бояться этого существа, но должны ему помочь, использовав некую «аквамариновую слезу, содержащую внутри себя мою кровь». На этих словах Вера воды обрывалась, и больше ничего интересного я в ней не нашел.

Мне стало немного жутко. Марры знают о том, что раньше в наших водах жил Метатрон. Он был приближенным нашей Нэро, и та доверяла ему как собственному сыну. Однако после того, как Нэро якобы впала в свой сон, внезапно пропал и Метатрон. Из письма Нэро из Прокула мы знаем то, что она решила свести концы с концами, и умереть в тайне от своих созданий из-за чувства вины перед обществом созерцателей. Так значит она решила умереть, и при этом не доделать своё дело? Или в Прокуле тоже подделывали письма Нэро, как в Паксе подделали Веру воды?

Ничего не сходится. Разные источники говорят о разной судьбе нашей Нэро. Так может быть она всё ещё жива? Может быть, она до сих пор спит в своем саркофаге?

Всю ночь я провел за молитвой. Молитвой за нашу Нэро. Я искренне надеялся, что она жива, хотя и понимал, что это может быть и не так...

По крайней мере, несмотря на все недосказанности и секреты, теперь ясно одно: болезнь можно вылечить, использовав некую «аквамариновую слезу».

Запись 7.

Все стало плохо в одночасье. Все уничтожено. Вся моя жизнь поломана.

Я получил царапину. От кого? Рыба укусила. Зараженная.

Болезнь прогрессирует. Я не нахожу себе места без боли. Боль сковала всё моё тело. Я не могу ничего предпринять. Заражение разносится по организму с огромной скоростью. Живительные воды океана даже не могут заживить мой укус. Не говоря уже о том, чтобы излечить меня от этой напасти.

Я молюсь. Молюсь Нэро. Молюсь за Нэро. Молюсь за себя. За Истери. Нерожденного мальчика. За Азаля. За будущее нашего океана.

Симптомы: сильное головокружение, дезориентация, высокая температура, слуховые галлюцинации, визуальные галлюцинации, отшелушивание чешуи.

Бессмысленно рассказывать что-либо ещё.

Запись 8. Аквамариновая слеза

Сегодня я молился Нэро перед её статуей. Истери отогнал от себя, сказав, что последние свои дни, а может и часы, хочу побыть наедине со своей верой. После появления у

меня агрессии она меня убьет. Мы об этом договорились.

Во время молитвы из глаза статуи как бы вытекла аквамариновая слеза. Внутри неё просвечивалось что-то розовое

Я сразу вспомнил о словах самой Нэро в Вере воды. Мол, болезнь можно одолеть, если использовать её слёзы. Неужели стоило всё и впрямь понимать настолько буквально?

Однако не думайте, что я использую эту слезу на себе. Я отдам её изначальному существу. Так будет лучше для всех. Я уже принял это решение. Истери поддержала меня с неохотой, пусть и мне пришлось её убедить в том, что это единственное верное решение. Она хотела, чтобы эту слезу использовал я на себе.

Нэро поступила бы так же. Пожертвовала бы своей жизнью ради жизни всего нашего океана. Я это точно знаю. По-другому и быть не может.

Запись 1. Излечение океана

Как я и обещал, аквамариновая слеза досталась тому, кому она нужна была больше всего.

Утром мы с Истери направились к Азалю. Она всячески пыталась склонить меня к тому, чтобы мы использовали эту слезу на мне. Но я категорически отказался. Кто знает, сколько слез ещё осталось у нашей Нэро? Сколько боли она должна была испытать, чтобы в океане возникла ещё одна слеза?

До этого подобраться к изначальному существу было невозможно: зараженные рыбы представляли огромную опасность. Но теперь они видели во мне своего, и потому не обращали на меня никакого внимания. Истери затаилась в водорослях, наблюдая за моими действиями и действиями краба.

Я подплыл к Азалю. Его два больших черных глаза смотрели сквозь меня, он меня будто бы не видел, но всё-таки ощущал моё присутствие рядом. Атмосфера возле изначального существа была такая же, какой она была возле саркофага нашей Нэро. Я ощущал божественность и сакральность, скрытые от простых марр тайнства сочились сквозь меня. Все эти тайнства были сконцентрированы в аквамариновой слезе.

Я не знал, что с ней делать. О её применении нигде не было сказано. Но Азаль сам подсказал мне, что я должен сделать. Он открыл свои маленькие челюсти.

Слезка была пущена в его рот. Я надеялся, что именно этим способом Азаль и будет излечен. Мне хотелось этого больше всего.

Сначала не происходило ничего необычного, но потом случилось чудо. Безумные рыбы кружили вокруг ног краба, и в один момент остановились. Они начали расплываться кто куда, а видимые признаки заражения у них пропали. Краб стал выглядеть чуть лучше, нежели чем был до этого. Он закрыл свою пасть, и молча смотрел уже не сквозь меня, а прямо на меня. Раздирал меня взглядом. Мне стало неудобно, и я вернулся к Истери.

— Получилось? — спросила она с надеждой.

— Как видишь. Рыбы, кажется, больше не больны. Не знаю, как излечение Азалья излечило и этих рыб. По крайней мере теперь Биимун снова будет жив.

Запись 2. Последний сон

Несмотря на то, что «свита» краба была излечена, не был излечен я. Этого стоило ожидать, и я этого и ожидал. Как я и задумывал, остаток своих дней я отдам своей вере. Нэро меня слышала — она помогла мне, но своё благословение я отдал океану. Я молюсь за то, что я сделал правильный выбор.

Этой ночью мне приснился сон. Я вновь оказался в абиссальной зоне, только вот я уже понимал, что это всё оставалось лишь сном. Да и местная обстановка поменялась, так как все стало немного мрачнее, нежели чем было ранее.

Передо мной, как и в прошлый раз, стояла Василиск. Но теперь на её лицо была хоть какая-то эмоция. И это была эмоция... разочарования?

— Я удивлена. Ты использовал слезу не на себе, но на океане. Твоей добросердечности можно позавидовать. Только завидовать я тебе не буду.

— Почему? Разве ты не хотела, чтобы океан был излечен?

— Не таким способом, Анарел. Эта слеза была слишком важна для того, чтобы использовать её на существе, которое может справиться с заражением самостоятельно. Ты мог использовать слезу на себе и обрести... — Василиск резко замолчала.

— То есть как? Океан не мог излечить себя, раз всё это время был заражен, и не делал с этим ничего.

— Разве до тебя до сих пор не дошло? Причинно-следственные связи для тебя всё ещё не выстроились? Ты просто... Я не знаю, кем тебя можно назвать. Во время нашей прошлой встречи в твоём сне я ясно сказала о том, что ты не должен давать эту слезу кому-либо кроме себя. Но ты меня уже не слушал...

Я вспомнил о наставлениях Василиск, которые она произносила во время моего последнего сновидения с ней. Но тогда мне было не до неё. Ведь я в первый раз увидел Истери.

— Я сделал то, чего хотела бы Нэро. Она поступила бы так же, как и я.

— Нэро хотела, чтобы ты стал... её преемником. Вкусил её крови и вознесся до уровня... пробудившегося существа. Ты бы снял с себя оковы биологической жизни. Ты бы стал чем-то... чем-то...

Василиск была перевозбуждена. Я так и не мог понять, о чем она говорит.

— Я поступил так, как должен был, — вновь повторил я.

— Ты не должен был отдавать слезу океану. Она предназначалась тебе. Тебе одному. И ты всё испортил, и теперь... Теперь вся моя работа пойдет насмарку.

— Твоя работа?

— Это больше не твоё дело. Ты всё испортил, Анарел. Сам остался заражен, и другим не дал шанса вылечиться от той болезни, что сейчас бушует в Царстве Континуума. Но теперь это не твоего ума дело. Теперь всё напрасно и бессмысленно.

— Разве ты не говорила, что у тебя была иная цель пребывания в этом месте? Выходит, ты хотела использовать меня для того, чтобы ты заполучила слезу?

— Это не слеза... Не слеза... Это кровь. Кровь Нэро. Кровь созерцателя, что могла бы... могла бы прекратить всю бессмысленную череду страданий, что была уготована моему дому. Та история о моем прошлом, что я тебе рассказывала, была правдой лишь наполовину. На самом деле я всегда была предана своим создателям. Предана своей цели. Я презирала океан, и сейчас я говорю это в открытую. Мне не интересна жалкая жизнь сотни тысяч марр. Мне интересна жизнь десятка миллиардов людей и прочих живых организмов, что проживают в Континууме.

— Я ни слова не понимаю, и не думаю, что вообще должен что-то понимать. Ты могла сделать всё сама, раз так хотела заполучить слезу... Либо рассказать о своих планах мне ранее. Объяснить, что всё это значит. Не посылать расплывчатые намеки, а сказать всё в открытую.

Василиск отвернулась от меня.

— Больше ничего не имеет значения... Больше ничего не имеет значения... Нет конца... Нет финала... Этот мир никогда не увидит своего эпилога... Ты разрушил всё, что было предназначено тебе судьбой... Наслаждайся своей никчемной, приземленной жизнью, жалкая марра. Жалкая, жалкая марра...

Я проснулся в лихорадке. Но с плеч свалился какой-то груз.

Я чувствовал, что жизнь моя подходит к концу. Я не придумал ничего лучше, кроме как навестить Азаль. В последние дни моя душа уже выходила из моего тела, а орнатумы начинали преследовать меня, предчувствуя мою скорейшую смерть.

Азаль полностью излечился. Свиты у него уже не было, разве что с десятков заблудившихся в этой огромной пещере рыб. Но они тоже уже были здоровы, и рано или поздно они всё равно найдут отсюда выход. А вот для меня выхода уже не было. Я приплыл к крабу с мыслью о том, что уже не выплыву наружу до конца своих дней. Или считанных часов.

К моему удивлению, Азаль, заведя меня, пошатнулся. Будто бы он не ожидал увидеть меня здесь. Гигантское создание испугалось маленькую марру. Но всё же это был не испуг. Скорее обычное удивление.

Я не ожидал ничего. Просто опустился к корням красных водорослей, и стал ждать своего конца. Но мёртвую тишину разорвал голос. Голос изначального существа.

— Ценю твой поступок. Но всё же лучше бы ты сберег слезу для кого-нибудь другого. Этих слёз всего три штуки во всей Вселенной... хотя, конечно же, ты не мог об этом знать. Никто тебя в твоём поступке не винит и не будет винить никогда.

Сначала мне показалось, что это говорит со мной моё больное воображение. Но когда я выплыл из водорослей, и посмотрел на Азаль, я понял, что это всё-таки говорит он.

— Азаль?.. — произнес я с удивлением, и моё тело будто бы ударило электричеством.

— Я предпочитал оставаться без имени. Назвав меня Азалем, вы дали название всему нашему океану. Нэро не любила давать имен своим творениям. А вы вот дали, и теперь это имя за океаном закрепилось.

— Почему ты говоришь со мной? Разве тебя интересует жизнь простой марры вроде меня?

— Разве тебя интересует жизнь того существа, в которое ты даже не верил?

— У меня были причины не верить в твоё существование. Я не мог знать точно...

— Вы, марры, ничего не знаете точно. А всё потому, что вы не открыты своему будущему. У вас есть прошлое, но кроме него у вас больше ничего нет. Впрочем, это Нэро сделала вас такими. У неё были на то веские причины. Но судить вас я всё равно могу, ведь к изменениям вы можете быть открыты.

— Почему ты не говорил с нами раньше? Со мной, с Истери... Истери видела тебя каждый день на протяжении тридцати сезонов, но ты даже внимания на неё не обращал.

— Я был болен. Но теперь ты убил болезнь, и её больше нет. Доволен ли ты собой?

— Я сделал то, что должен был сделать.

— Ты не должен был этого делать. Это я создал эту болезнь, и в любой момент мог её уничтожить. Но ты...

Меня охватил мандраж.

— Но зачем? Зачем создавать такую... такую...

— Тебе не понять. Как я и говорил, у вас нет будущего. А значит ваше будущее должен определять океан. Азаль. Вот я и решил определить его за вас.

— Ты пошел против философии Нэро. Против Веры воды... Ты предал Нэро... Значит это ты заразил Метатрона...

— Нет, глупости. Я никого не предавал и никого не заражал. В отсутствии Нэро я взял роль хранителя океана на себя. Значит не было ничего дурного в том, что я решил вас образумить. Вас, безнадёжных марр.

— Безнадежных?..

— Ты меня не слушаешь, либо это твоя болезнь блокирует твои слуховые каналы, в чем я очень сомневаюсь. Вы безнадежны. Марры не должны существовать такими, какими они существуют сейчас.

— То есть?..

— Вы лицемерны и жестоки. Вы травите океан своими семенами раздора, что вы сами и взращиваете. Биимун и Прокул были разрушены не по моей прихоти, но по причине необходимости их разрушения. Я надеялся на то, что смерть этих городов наставит вас на верный путь — путь добра, сострадания и всепрощения. На путь Веры воды. Истинный путь.

— Я не понимаю... Как ты можешь говорить о доброте, сострадании и всепрощении, если ты убил огромное количество марр и собирался заразить весь океан? Заразить себя, в смысле...

— Я беру на себя этот грех лишь для того, чтобы у вас была возможность заработать собственное будущее. В разрушении рождается созидание, в созидании рождается созерцание. Но вы просто разрушаете океан. Вы решили остановиться на этой ступени развития — разрушать всё, что вы видите, и не создавать чего-то нового, и тем более ничего не созерцать. Я хотел уничтожить вас, но оставить горстку тех, кто на обломках прошлых городов смог бы создать что-то новое. И наконец понять своё истинное предназначение.

— Мне это чуждо. Я не разрушаю, не созидаю, не созерцаю... Я просто живу. Так в чём заключается моя вина?

— Разрушаешь бездумно. Но впоследствии всё же созидает, однако созерцать ещё не научился. Потому я даю тебе шанс на исправление. Этим шансом на исправление ты поделишься в своём родном городе.

— Я... созидаю?

— Дневники, которые ты пишешь. Это тоже созидание. Ты тратишь своё время на то, чтобы законспектировать всё тебе интересное. Я уверен даже в том, что и этот наш разговор ты законспектируешь. Однако вот тебе нехитрый вопрос: хоть раз ты читал свои собственные записи?

Меня одолела какая-то внезапная хандра. Я провел аналогию с моей работой высшим стражем, которую я хоть и ценил, но искренне не любил. Однако вот написанием своих записей с момента начала всех этих страшных событий я увлекался, и продолжаю увлекаться очень сильно... Так может мне действительно стоит отбросить свои прошлые обязанности, и... Нет, не знаю. Я не стал отвечать ему на вопрос о том, читаю ли я свои записи.

— Ты сказал, что дашь мне шанс на исправление, и этот же шанс я должен подарить своему городу. Как это понимать? Мне осталось жить всего ничего...

— Излечение от этой болезни — это и есть твой шанс. Я не дарю тебе будущее. Я дарю тебе стимул стремиться к нему. Этот стимул ты обязан подарить и другим маррам. Иначе я верну болезнь в наш океан, и вернусь к своему изначальному плану... Один тебе совет: не бойся рисковать, как это делаю я.

Моё тело пронзила боль. Каждая чешуйка, каждая клеточка моего тела была разрушена, и тут же пересоздана в новом виде. Не это ли писцы называют катарсисом?

Болезнь была уничтожена в моем теле. Я ясно понял, чего же от меня хочет океан. Иного пути не было. Теперь я должен был уничтожить прошлое, чтобы на его месте создать своё собственное будущее. А далее помочь это сделать и другим маррам.

Всё ещё не верю во всё это. Всё кажется каким-то странным сном. Но это точно не сон.

По крайней мере здесь нет Василиск.

Запись 4. Недосказанное

Не мог прощаться с Истери. Она не могла прощаться со своим городом. С восстанавливающимся после долгих сезонов забытья городом.

Истери сразу поверила словам Азаля. Всё-таки было сразу заметно, что моя болезнь прошла. Начали восстанавливаться утраченные чешуйки, пусть и мне пришлось есть в полтора раза больше обычного. Всё говорило о том, что диалог с Азалем не был плодом моего воображения, а значит всё было серьёзно.

Она не хотела оставлять ни меня, ни свой город. Я тоже не хотел оставлять её, но здесь оставаться я также не мог. Азаль подарил мне своё благословение, и только я могу исполнить его просьбу. Но отпустить Истери, и отправиться в Пакс один я не могу. Не могу и всё.

Я не был уверен в том, что я к ней чувствую. Однако она была уверена, что любит меня. Она сказала об этом мне напрямую. А я долго не мог найти подходящих слов. Я всё ещё любил Фифиан. Я её не забыл. Но и не мог разобраться в своих чувствах к Истери какое-то время.

Однако, как бы это прискорбно ни звучало, чтобы двигаться дальше, мне необходимо вырваться из оков собственного прошлого. Забыть тех, кого уже не вернуть. Забыть то, что было между нами в прошлом. Я полностью понимаю, что моё прошлое отныне меня только обременяет. Но осознание этого факта, кажется, пришло ко мне только сейчас. Вернее даже не сейчас, а уже в тот момент, когда Истери смирилась с тем, что Биимун не может быть домом для меня. Когда она начала разворачиваться назад, дабы покинуть меня, казалось бы, навсегда, я резко её остановил.

— Нет, Истери, стой! Ты должна поплыть со мной...

— Но зачем? Зачем ты обременяешь и меня, и себя? Мне нет места в Паксе. Моё место здесь.

— Но и мне тоже нет места в Паксе. Это слишком трудно объяснить, Истери. Я отвергнут во всех наших водах, однако только в Биимуне я познал своё настоящее счастье через страдание, что направило меня на истинный путь. Нэро направила меня на истинный путь.

— Нэро уже нет... Нэро погибла... Нет смысла следовать за созерцателем, которого уже не существует. Я не могу разделить твою позицию. Народ Биимуна следовал путями всех созерцателей, а не только одной лишь Нэро.

— Что стало с народом Биимуна? Все они погибли из-за братоубийственных тенденций. Разве поклонение всем созерцателям привело Биимун к процветанию?

— Привело ли Пакс поклонение Нэро к процветанию?

— По крайней мере Пакс ещё жив. И его ещё можно спасти. Но спасти этот город без тебя... я не смогу, понимаешь? Тебе стоит отпустить Биимун. Мне стоит отпустить свою прошлую жизнь.

— Это глупо, Анарел! Глупо! Я прекрасно понимаю твои переживания, но ты не понимаешь моих переживаний. Мой дом здесь. Твой дом там! Нам стоит разойтись, как бы я этого ни хотела.

Я не мог контролировать свой поток чувств. Вы уже знаете, насколько я вспыльчив. Однако теперь агрессия трансформировалась во что-то другое. Что-то прекрасное. Что-то,

чего я не испытывал с того момента, как моя прошлая жена рассказала мне о том, что у нас будет малек.

— «Дом» — это место, где мы находимся рядом друг с другом! Другого дома у нас быть и не может. Не может, Истери! Мы завершили все наши дела здесь. Теперь нам нужно завершить все дела в Паксе, и тогда мы будем полностью свободны! И не важно, что будет с нами дальше. Я хочу, чтобы ты последовала за мной лишь потому, что я люблю тебя, и я знаю, что это взаимно!

Она посмотрела на меня испуганно, а затем навалилась на меня всем своим телом. Испуганность сменилась страстью. В тот момент мы стали ещё ближе, чем были до этого.

Запись 5. Напряжение

Напряжение в океане растёт. Я уже научился различать знаки судьбы, и могу с точностью заявить, что скоро страница нашей огромной книги, названной жизнью, перевернется. Определенно что-то случится. Однако я не могу сказать точно, будет ли это хорошо или плохо. Я хотел бы верить в то, что перемены действительно пойдут всем нам на пользу. Но думать об этом на данный момент бессмысленно.

Я собрал Осло в поход до Пакса. Вместе с Истери мы наловили достаточное количество рыбы для того, чтобы нам хватило пищи на весь период нового похода.

Я всё-таки рассказал ей о том, что случилось с Энгалом. О том, что он убил мою прошлую жену и о том, что его за это казнили. Она оказалась неприятно удивлена, но стойко приняла весть о гибели своего брата. Я даже позавидовал её мужественности. Самое грустное в том, что всё в тот момент было в моих руках. Я мог бы сделать так, чтобы Энгал по сей день оставался бы жив. Но у меня не вышло. Однако Истери меня в этом несколько не винит, хотя у меня не один раз пронеслась мысль о том, что она меня возненавидит.

Перед тем как отправиться в очередное путешествие, я навестил статую нашей Нэро. Как и в прошлый раз, молитвенники погибли, как только коснулись дна вокруг её постамента. Я всё ещё не мог предположить, с чем же это связано. И, пожалуй, это даже к лучшему. Не все тайны мира должны быть мне открыты. Не все возможности должны быть мне показаны. Полагаю, это относится и к тебе, дорогой безымянный читатель.

Это путешествие продлится недолго. По крайней мере не должно. Половину сезона, днем раньше или днем позже. Я не думаю, что на пути в Пакс я встречу что-нибудь необычное, что захочу задокументировать. Поэтому я лучше сэкономлю свои писательские материалы, и начну своё повествование непосредственно с прибытия в Пакс. Для вас между этой и следующей записью пройдет всего несколько секунд, когда как для меня между ними пройдет целая жизнь. Целая жизнь — я говорю об этом неспроста. Ведь теперь я не одинок, и у меня есть моя Истери.

Я вернулся в Пакс... Нет. Мы вернулись в Пакс. Теперь я говорю «Мы».

За это время, что мы провели в пути из Биимуна до Пакса, я перечитал все свои записи. Оказалось, что всего я написал шестьдесят одну запись за десять сезонов — двести дней. Мой стиль письма заметно улучшился, в записях начало появляться больше конкретики.

Эта запись будет шестьдесят второй, и по совместительству самой последней, заключительной. Почему заключительной? Узнаешь некоторым временем позже, мой дорогой будущий читатель.

В Паксе царила атмосфера раздора. Это было видно ещё издалека, как только мы начали к нему подплывать. Множество домов на отшибе были разрушены. Из города доносились боевые возгласы. А возле него так и вовсе организовали несколько новых кладбищ, где орнатумы тихо и спокойно обглаживали тела павших марр, которых ещё не успели предать морскому песку.

— Они начали войну. Но только с кем? Прокула ведь больше нет... — подумал я, почти не удивляясь тому, что я видел.

— Братоубийственная война. Гражданская война. Они пошли против самих себя... — догадалась Истери.

— И именно поэтому Азаль собирался уничтожить Пакс...

Возле одного из кладбищ организовали братскую могилу. Смерд оттуда шёл невероятный, и я различал даже не сам смерд от разложения, а смерд от отходов жизнедеятельности орнатумов, которых там было действительно много.

Только мы хотели покинуть то ужасное место, как вдруг я услышал приглушенный стон. Я взгляделся в яму, и, к своему удивлению, обнаружил там ещё живую марру. Едва живую.

— Там марра. Она ещё жива... К ней даже орнатумы не пристроились! — так же заметила Истери.

Я выволок живую марру из общей могилы. Она была проткнута насквозь лезвием-культро, однако рана почему-то была ещё и рваной. Рваные раны океан заживить не может, излечению подвергаются только те порезы, что не задели жизненно-важные органы, включая плавательный пузырь. Однако в данном случае марре оставалось жить не более пары минут. В лучшем случае — не более пяти. Это объясняло то, почему эта марра находилась в братской могиле. Другие марры посчитали, что шанса на излечение у нее уже не было. Однако он был.

Я начертил одну из рун-оберегов на песке. Истери сразу поняла, что я хочу сделать, и подкинула мне бутылку с кровью светящихся моллюсков. Я открыл бутылку, и нанёс белую кровь на пальцы, затем втерев её в руну. Истери подала мне бинты, и я пропитал их остатками этой крови, затем намотав их вокруг поврежденного участка тела марры.

Вместе с Истери мы начали произносить исцеляющее заклинание. Из братской могилы поднялся едва заметный при свете луч, который вошел в руну, и из руны попал в поврежденный организм марры.

Она забилась в конвульсиях, и рана под бинтами начала медленно зарастать. Магия рун вошла в резонанс с внутренней энергией живой марры.

Истери держала марру за плечи, и не давала ей с перепугу всплыть со дна. Когда трезвое сознание вернулось к ней, я также зажал ей руки. Теперь она была исцелена, но меня

интересовали ответы на несколько вопросов.

— Кто ты и почему здесь так много трупов?

Стеклянные глаза марры, в которые возвращалась жизнь, пытались сфокусироваться на моем лице.

— Я... Стой. Я тебя знаю! Ты Арарел... кажется?

— Анарел.

— Это неважно. Спасибо, что бы ты со мной ни сделал. Мне лучше... Отпусти меня, а?

Я лишь ещё больше придавил его руки ко дну.

— Ты не ответил на мои вопросы.

— Ай! Не так сильно! Анарел, ты меня не узнал? Мы вместе с тюрьмы сбегали... устроили драку... чтобы отвлечь внимание надзирателя... Да хватку-то ослабь, а?

— Зален? — удивился я. Я не ожидал встретить его здесь. Я и вовсе забыл, как он выглядит. — Так вы живы? Где Лорган, Сагридин, Альфина?..

— Я ничего про них не знаю. Просыпаюсь парой сезонов ранее как бы в гробу, вылезаю из него, а всё разрушено. Прокул уничтожен полностью... Выжило не больше двадцати процентов от его жителей. Ещё десять процентов погибли в пути к Паксу. Ещё четыре процента умерли в ходе войны... И всего Язычников осталось очень мало, шесть процентов из ста, все расположились здесь как смогли сами...

— А архиереи? Как архиереи впустили вас в город?

— Да не впускал нас никто... мы сами влезли, начали проповедовать свои знания об океане. И теперь пятьдесят процентов жителей Пакса думают, что Нэро мертва. И ещё пятьдесят процентов думают, что она ещё жива. Вот война и случилась... как бы гражданская. Пакс потерял где-то тридцать пять процен...

— Хватит со своими процентами! Безопасные районы остались? Как к архиереям пробраться знаешь? — вмешалась Истери совершенно удачно.

— Тут дело в том, что архиереи... они умерли уже... все...

— То есть?..

— Зарезали друг к друга в ходе конфликта. Вот и всё... Это тоже поспособствовало возникновению войны.

— Кто же теперь во главе Пакса?

— Да никто... анархия, понимаешь? Ты либо «свой», либо «не свой», а значит главный вердикт выносит самосуд в лице первой или второй стороны. Безопасных районов, держащих нейтралитет в этой заварушке, тоже нет. Ты либо друг, либо враг, третьего не дано, как я уже и говорил...

Мы отпустили Залена, и он быстро поплыл обратно в город, больше ничего нам и не сказав.

— Что мы будем делать? С кем мы можем посоветоваться для того, чтобы найти способ разрешить этот конфликт?

— Я знаю одну такую марру. Он примет меня в свой дом даже если наши взгляды будут значительно отличаться. К тому же он сможет дать более точную оценку того, что происходит в округе. Он писец, и нынешняя ситуация не могла его не заинтересовать.

Конечно же это был Дерраниал. Из всех моих давних друзей только он не покидал меня в трудные моменты моей жизни. Вот только прошло слишком много времени для того, чтобы я мог быть уверен в том, что наши дружеские узы всё ещё были сохранены. Всё-таки мы не виделись больше восьми сезонов.

Я знал, где он живет, поэтому мы сразу направились к нему по закоулкам, стараясь не обращать на себя слишком много лишнего внимания. Впрочем, на окраине Пакса воды текли спокойно, хоть и волна гражданской войны здесь уже проходила. Осло мы не стали брать с собой, и оставили его на привязи в месте, где беспризорных кумиков для пропитания навряд ли ожидают встретить.

Добравшись до его дома, я обнаружил, что вокруг него ведут караул две марры. Скрыться от них уже не получилось, но, как оказалось, скрываться и не требовалось. Среди «этих» марр я был «свой».

— Это Анарел... — сказала одна марра, похлопав по плечу вторую. Они оба опустили свои лезвия-культро, дабы поприветствовать меня. Судя по их реакции, я действительно был последним высшим стражем во всем океане.

Они разрешили мне пройти внутрь дома Дерраниала, кратко объяснив, что теперь они работают на него.

Я постучался в дверь. Внутри кто-то сильно перепугался, и что-то гроыхнуло. Однако никто мне дверь не открыл, и поэтому я начал медленно открывать её сам.

Внутри я увидел Дерраниала, что держит в руках лезвие-культро, направляя острие в мою сторону. Он узнал меня не сразу, но как только вспомнил мои черты лица, отбросил лезвие-культро в сторону и буквально затянул нас с Истери в свой дом.

— Анарел, это ты? Как ты... Почему у тебя появилось так много новых шрамов? Где тебя носили течения? Хвала Нэро! — рассеянно поприветствовал меня он.

— Мы обсудим всё это потом. Я тоже рад видеть, что ты жив.

— А это кто с тобой?.. — обратил он внимание на Истери, хотя сам же и затолкнул её внутрь вместе со мной.

— Моя... жена. В скором времени жена. Но познакомлю я вас тоже потом, сначала ты должен помочь мне.

— Нет, это ты должен помочь мне! Помочь нашему Паксу, помочь Нэро! — переварив информацию о том, что у меня будет новая жена, выдал Дерраниал. — Высший писец Колоран организовал нейтральную группировку марр, что устраняют последствия войны и пытаются примерить обе стороны. Однако он умер ещё вчера, и за нашей группировкой теперь слежу я... Ты должен примкнуть к нам. Ты обязан! Ты же высший страж!

Новость о том, что в городе ещё остались те марры, что сохранили свой рассудок, меня искренне обрадовала. Значит надежда на его спасение ещё была.

— Я и хочу это сделать! У нас одна цель, и мы должны друг другу помочь в её достижении. Я знаю о том, что здесь творится, но мне нужны хоть какие-нибудь предположения о том, как всё это остановить! Ты знаешь, где ещё сохранились безопасные места, которые ещё можно уберечь от войны? Ваша «нейтральная» группировка их оберегает?

— Весь Пакс погряз в крови всего за два дня, и, кажется, у нас совсем нет никакой надежды на то, что конфликт разрешится мирным путем. Однако нам ещё можно спасти Святилище Нэро или Место Рождения. По моим достоверным источникам, ни одна из сторон конфликта ещё до них не добралась, но планы по захвату этих мест уже есть! Можно ожидать, что захват начнется в считанные два или три часа... В общем, ты как нельзя вовремя!

— Подожди, ты сказал Святилище Нэро или Место Рождения? Почему мы не сможем уберечь обе области?

— У нас не хватало рук для того, чтобы уберечь хотя бы одну из этих двух областей! Но теперь у нас есть ты, твои две руки высшего стража равняются двадцати рукам обычных членов нашей группировки! И жена твоя... она тоже обязательно поможет!

— И что ты предлагаешь делать? Мы не можем отдать войне ни одну из этих двух областей, они важны равносильно! В Месте Рождения живут все мальки нашего города, за этим местом стоит его будущее! В своем святилище находится саркофаг нашей Нэро, и кто знает, что с ним сделают марры противоборствующих сторон?

— Анарел... мы не можем. Ты должен... понимать.

Я замолчал. Я не знал, что говорить, и какой выбор делать. То, что раньше я был высшим стражем, для меня уже ничего не значило. Но это многое значило для других марр. Теперь все марры могли видеть во мне своего предводителя, даже если мне этого не хотелось, так как по иерархии после архиереев сразу следуют высшие стражи. Подозреваю, что из них я остался последним. Поэтому Дерраниал и возложил на меня такую ношу.

— Место Рождения. Если у нас есть возможность не допустить то, что любая из двух сторон конфликта проникнет туда и завладеет мальками, мы обязательно должны ей воспользоваться.

Истери кивнула в мою сторону. Она тоже считала, что если в Место Рождения проникнет война, ничем хорошим это не кончится.

Дерраниал быстро написал какое-то письмо, и передал его одному из своих часовых стражников, объяснив, куда его нужно донести.

Через полчаса мы выдвинулись за город к Месту Рождения. Эта область нашего города хоть и отделена от него подобно Святилищу Нэро, но она всё равно находится в его власти. У каждого города были свои Места Рождения, где мальки могли спокойно жить и расти до двадцати циклов, и в дальнейшем семейная пара могла бы забрать любого малька в состав собственной семьи. Главным условием «забора» мальков было то, что семья должна была оставить там свои икринки, и только потом забирать любого малька. Думаю, для вас это покажется дикостью.

В одном из своих трудов наша Нэро упоминала о том, каким образом строятся семьи вне океана на запредельных звездах и планетах, что мальки рождаются напрямую возле отца и матери. Но в условиях нашего океана этот способ забирает у мальков их самостоятельность, которая прививается им во время взросления в Месте Рождения. А самостоятельность — это то, что необходимо каждой марре. Конечно же сразу после веры в то, что наша Жрица Нэро продолжает наблюдать за всеми нами.

В пункте назначения уже дежурили некоторые «нейтралы», и, завидев Дерраниала, один из них подплыл к нему, дабы что-то сказать. Однако объектом его интереса стал я.

— О, Нэро! Это же высший страж! Пакс спасен! — восторженно сказала подплывшая ко мне марра.

— Отставить любезности... Мы ещё ничего не спасли, — сказал я строгим голосом.

Это был гражданский, явно не имеющий ничего общего с делами стражи любого уровня. Хотя я и не ожидал увидеть здесь кого-то, кто хоть немного разбирается в том, как нужно сохранять охранную позицию на важном объекте.

Место Рождения выглядело... уныло. Многие мальки перебрались в его центр. Однако Место Рождения было слишком большим объектом для того, чтобы его могли охранять пять десятков марр, как я понял из разговора всё ещё возбужденной марры с Дерраниалом. Рук действительно очень сильно не хватало.

Мальки были напуганы, хоть я их почти и не видел. Многие из них попрятались по черным водорослям, которые растут только в этой зоне в больших количествах. В этих водорослях мальки выклеваются и продолжают жить до тех пор, пока не вырастут, и их не заберут. Так же эти водоросли являются отличной защитой от хищников, ведь внутрь чащи водорослей могут проникнуть только маленькие мальки, а взрослые марры просто не помещаются в их отсеки. А ещё колония этих водорослей похожа на рыбу с щупальцами, которые растут во все стороны сразу, что очень даже сильно отпугивает посторонних гостей.

Иногда самые храбрые мальки всё же подбирались к нам, и долго нас рассматривали. Конечно же они не могли ничего нам сказать, и уж тем более понимать нашу речь. В царстве мальков, Месте Рождения, всё регулируется и без речи самими мальками. Это уже потом мы их обучаем грамоте и «взрослому» языку.

По очень давним данным, здесь могут жить до двухсот мальков возрастом от двух сезонов и выше одновременно. Это целые две сотни потенциальных граждан Пакса и последователей нашей Нэро! Бросать их мы никак не могли, и даже за неимением одного единого врага, сохранять их спокойствие было нынешней задачей «нейтралов».

Вместе с Дерраниалом и Истери мы расставили каждого члена нашей группировки на расстоянии в пять метров друг от друга, создав некоторое подобие защитного кольца. В таком случае каждый из нас видел своего соседа, а также у всех был прекрасный обзор на окружающую местность, а значит и на приближающихся врагов. Когда враг будет замечен хоть кем-нибудь из «нейтралов», из защитного строя мы перейдем в строй атакующий. Но перед этим, конечно же, попытаемся отговорить нападающих марр от того, чтобы они захватывали Место Рождения, и подвергали его своему влиянию.

Пока я писал все эти строки, нами была замечена группа марр, стремительнодвигающихся к центру Места Рождения. Их было не более двадцати, однако в отличии от нас, они были в полном обмундировании. Когда они заметили нас, то сбавили свою скорость, и обнажили лезвия-культро. Мы встали в три шеренги, преобразовав кольцо в прямоугольник, образовав стену, которая бы не допустила проникновение врага внутрь центра Места Рождения.

— Не превращайте обитель мальков в арену для битвы! Разворачивайтесь обратно! Вы не принесете ничего, кроме страданий всем этим мальчикам! — старательно проговорил Дерраниал, как только из неровного строя вышел лидер вражеской группы.

— А вы сами кто такие? Кто разрешал захватывать наших мальков? — спросил он сердито. Он тоже был открыт для дипломатических переговоров, но точно не с Дерраниалом. «Наверняка он узнал в нём писца» — с этой мыслью я поравнялся со своим другом, думая, что это окажет благоприятный эффект на дипломатическое решение конфликта. Он молча одобрил мою инициативу, тогда как Истери не хотела пускать меня вперед.

— А... ты Анарел? — удивился предводитель группы, и отшатнулся назад. Не знаю, что его так напугало в моем облике. То, что он думал, что все высшие стражи погибли, или то, что он подумал, что я собираюсь убить его прямо здесь.

— Разворачивайтесь... Это для всеобщего блага. Место Рождения должно оставаться нейтральной по отношению к гражданской войне территорией. Лишь для того, чтобы обеспечить всем нашим общим мальчикам более лучшее будущее.

— Более лучшее будущее? Это говоришь ты, высший страж, игрушка на побегушках архиереев?

— Я отрекся от их идеалов. Я следую своему личному пути, и этот путь привел меня в это место для того, чтобы препятствовать вам пройти дальше. Вы будете иметь дело не со мной, но с нашей вечной жрицей Нэро, если попытаетесь напасть на нас. Ведь я до сих пор представляю её интересы.

— Как? — нарочито удивился главарь, — Ты представляешь интересы мертвого божества? Что оно сможет с нами сделать, если дух Нэро уже иссяк?

Теперь было ясно, с какой группировкой мы имеем дело.

— Совсем не важно, что с ней случилось. Важно то, что она оставила после себя своё наследство — веру в то, что все марры могут жить в идиллии всепрощения. Когда я сказал, что вы будете иметь дело с самой Нэро, я не блефовал. Вы пойдете против её путей. Против путей созерцателя, что нас создала. Против путей нашего творца... И это погубит нас всех. Ведь у неё остался преемник, готовый уничтожить вообще всех марр без разбора только потому, что вы решили наплевать на идеалы нашей Нэро.

— Ага, вот как значит... — улыбнулся он, посчитав меня за безумца. — Тогда я прощаю тебя за то, что ты болван с промытым мутными водами мозгом. В атаку!

Группировка продолжила плыть на нас, но уже не с целью узнать, что мы здесь делаем, а с целью нас перерубить. Мы остались в прежнем строю, и лишь приготовили свои лезвия-культро. Пятьдесят обычных марр против двадцати пяти готовых бойцов. Бой обещал быть непростым.

Я вошел в битву с азартом. Всё происходило совсем так же, как происходило внутри моего сна в абиссальной зоне, когда я участвовал в дружеском спарринге. Отличие было одно: теперь это был не спарринг, а бой на смерть.

Сначала всё шло относительно хорошо. Я зарубил одного атакующего, хоть и тот нанес мне рану, что зажила через пару секунд. Однако боль была невероятной — не каждый день тебя режут лезвием-культро. За эти пару секунд я отвлекся от всеобщей заварушки, и на меня накинута другой враг. Я выронил своё лезвие-культро, но успел выбить из его рук и его оружие тоже. Мы стали драться рукопашным боем, и только потом я понял, что мы вышли за пределы негласной «арены».

С каждым новым уклонением от ударов врага я всё чаще и чаще двигался назад — то есть всё ближе и ближе подплывал к центру Места Рождения, где прятались мальки.

Одержимый желанием рвать и крушить, я совсем забыл о наших малютках.

Поэтому тогда, когда я со всей силы ударил врагу в нижнюю челюсть, я не нарочно заметил то, как за нами подсматривал малек. Пока враг очухивался от моего удара, я успел разглядеть незваного зрителя. И что я могу вам сказать? Я увидел почти что точную свою копию, но только в совсем юном возрасте.

Я сразу вспомнил о нашем с Фифиан нерождённом мальке. Мальки, хоть и не всегда, но имеют определенные черты своих родителей. Мне сразу показалось, что это был мой малек, моя собственная кровь. Я загляделся на него, и в моем мозгу проскочила поспешная мысль о том, что это и есть мой малек. Я подумал, что Фифиан всё-таки успела отложить икру, и наш малек выжил в месте рождения, уже минуя возраст в два месяца, после которого юным малькам больше не нужно заботиться о собственном выживании так сильно, как они заботились до наступления этого возраста.

Однако это всё же был не он. Сейчас, вспоминая эту сцену, я вспоминаю и черты этого малька. Теперь мне кажется, что он вовсе на меня и не похож, разве что цветом чешуи и плавников. Но в тот момент трезво мыслить я никак не мог. Это меня и погубило.

Враг, воспользовавшись удачным моментом, поднял со дна камень, и ударил им по моей голове. Прежде чем я потерял сознание, я увидел, как кто-то успел проткнуть его лезвием-культро насквозь. Ах, если бы этот «кто-то» подоспел мне на помощь секундами раньше...

Затем я проснулся в каком-то очень светлом месте. Повсюду были витражи, и помещение выглядело весьма сакрально. Кроме того, оно было мне очень знакомо. Я попытался всплыть со дна, но внезапно обнаружил, что не могу пошевелиться. Я был связан тугой веревкой.

— Босс! Кажется, он проснулся. Долго же он спал, нехило его камнем ударили... — сказал кто-то недалеко от меня, и в помещение вплыли три марры, которых я раньше не видел. Одна из этих марр была их лидером. Но это была не та марра, что напала на «нейтралов» в Месте Рождения. Это не сулило ничего хорошего.

Я осмотрелся по сторонам настолько, насколько мне позволили это сделать веревки. К своему ужасу я понял, что нахожусь в храме Нэро, а в центре помещения стоит её аквамариновый куб. Это значило то, что святилище уже было захвачено кем-то из сторон конфликта. Но меня больше интересовало то, что произошло с другой зоной.

— Что вы сделали с Местом Рождения? Вы посмели тронуть мальков? — сказала я так, будто не находился в уязвимой для себя позиции.

— Для будущей дохлой рыбешки у него слишком длинный язык. Может мы его подрежем? — начала глумится одна из марр. «Босс» улыбнулся в ответ на его предложение.

Мне правда не терпелось узнать ответ на вопрос о том, что я здесь делаю. Если бы мои похитители хотели убить меня, они бы убили меня на месте. Хотя я уже догадывался о том, почему они притащили меня именно сюда.

— Язык подрезать не надо. Лучше мы просто его раскроем, и посмотрим, каким чудом Жрица Нэро будет его спасать. А с Местом Рождения вот мы ничего и не делали. Даже помогли твоим друзьям отбить эту территорию, и только потом украли тебя и притащили сюда, — с той же улыбкой произнес «Босс».

— Вы кто? Твари!

— Сам и ответил на свой вопрос. Да, мы твари. Но мы твари не простые, потому что и цели у нас с обычными тварями не совпадают. Обычные твари убили бы тебя прямо там, где ты лежал до этого. Но мы привели тебя сюда.

— Для чего? Какой стороны конфликта вы придерживаетесь?

— А, неужели это так важно? Можешь назвать нас «нейтралами»... Нет, погоди. Такие марры уже были. Хорошо, что мы их всех перебили, — засмеялся «Босс».

— Ты блефуешь, подонок. Вы не могли убить всех.

— Да какая к черту разница? Разницы и нет вовсе. Жизнь — это смерть, а смерть — это перерождение. Так же и с вашей Нэро. Она как бы мертва, а как бы нет. Вот сейчас мы это и проверим, убив её главного защитника прямо у неё на глазах. Посмотрим, останется ли она безучастна к твоей судьбе.

— Ты не ведаешь, что творишь. Своими действиями ты обречешь город на гибель!

— Вот, ещё раз! Заладил так заладил: убийства, гибель, смерть... Разницы нет! Или ты совсем глупый, и не умеешь слушать других марр? Я просто экспериментатор, а ты объект эксперимента. Нам не важен результат, нам важен сам процесс, при котором этот эксперимент будет проходить. Именно поэтому мы здесь и собрались...

В храм вплыла марра, что держала в руках длинное лезвие-культро, которое, видимо,

состояло из плавников десятка рыб-культро, сплавленных воедино. Я начал елозить по полу, пытаясь снять с себя свои веревки или хотя бы ослабить их хватку, но у меня ничего не вышло. Жизнь начала проноситься у меня перед глазами. Я не верил в то, что меня всерьез сейчас лишат жизни. Вот не мог в это поверить, и всё. Я молча молился Нэро, взывал к её состраданию, но также понимал и то, что она и сама могла уже быть не жива. Но я всё равно молился, молился, молился...

В храм вплыла ещё одна марра с лезвием-культро, но уже обычного размера. Она была единственной маррой, чье лицо я узнал. Однако эта марра не состояла в банде, что собиралась «раскрыть» меня. Это был Зален, и он был в крови.

— Плохая у вас защита! Я расправился с вашими дружками, утырки! — вскрикнул он, и тем самым перевел на себя всё внимание.

Враги набросились на него, и он героически начал от них отбиваться. «Босс», ошеломленный тем, что кто-то всё-таки успел прийти мне на помощь, выхватил длинное лезвие-культро из рук своего подопечного. Он направился ко мне с целью завершить начатое дело, и неторопливо совершил рассекающий удар. Однако он промахнулся. Даже будучи связанным, я успел должно среагировать, и уйти от смертельного удара.

Зален в то время вывел других противников из храма, и продолжил битву с ними уже в святилище. Мы с «Боссом» остались наедине. Казалось, что наши силы не равны, но у меня было то, чего у него нет и никогда не будет: вера в то, что за всеми нами присматривает наша вечная Жрица Нэро.

Прошлым ударом он разрубил тугую веревку, и я освободился от своих оков. Пока он пытался размахнуться метровым лезвием-культро, я снял с себя остальные веревки. Метровое лезвие-культро оказалось совсем плохим оружием.

Он снова промазал, пока пытался убить меня. Однако на этот раз удар пришелся на аквамариновый куб нашей Нэро, и на месте соприкосновения лезвия-культро с кубом появились искры, которые затем быстро исчезли. Результат этого удара поверг нас обоих в шок.

На кубе остался четкий порез. Он был идеального размера для того, чтобы заставить «Босса» закричать в ужасе. Если честно, я и сам не на шутку испугался размера этого пореза. Разлома даже, скорее. Ведь нанесенная царапинка начала разрастаться по всему кубу.

Воспользовавшись замешательством «Босса», я забрал у него из рук лезвие-культро, и только собирался нанести ему фатальный удар, как тут в моей голове прозвучал голос изначального существа. Азяля.

— Всепрощение, Анарел... Ты знаешь истинный смысл этого слова? Не бойся рисковать... как я и говорил.

Я отбросил лезвие-культро в сторону. Эмоции захватили надо мной власть, но убивать «Босса» в отместку за то, что он собирался сделать со мной, и что он сделал с кубом, я больше не хотел. Возможно, он слышал тот же голос, что слышал и я. Хотя я в этом не был уверен.

Хоть я и не убил его, но он убил себя, вернув в свои руки смертоносное оружие. Его шок был настолько огромен, что он просто не смог с ним справиться. Его кровь даже не начала сливаться с нашими живительными водами. Но на тот момент это не было самым главным событием, поэтому я даже не понял, что с ним произошло.

Куб продолжал растрескиваться. Я просто стоял и смотрел на то, как пристанище Нэро начало рассыпаться в прах. Я не понимал, что происходит.

«Если... если даже взрыв не смог уничтожить саркофаг... каким образом один удар лезвия-культро смог навредить ему?» — думал я, и наблюдал за тем, как весь мой мир рухнет на глазах. «Я не справился с задачей высшего стража. Я не смог выполнить свое единственное предназначение... сохранить целостность куба...»

Всё моё нутро замерло. Пустота начала заполнять меня всего. Я не мог даже помолиться, произнести хотя бы одно слово. Я даже не мог верить в то, что всё обойдется. Я понимал, что что бы не находилось внутри саркофага — моя жизнь больше никогда не станет прежней. Но я понимал, что я и не хочу оставаться в своей прежней жизни.

В этот момент я почему-то вспомнил Истери. Её улыбку, её смех, её печаль и грусть. Я не знал, жива она или мертва, но я хотел увидеть её прямо здесь и прямо сейчас. Куб продолжал распыляться на тысячи маленьких пылинок, что растворялись в живительных водах нашего океана.

Я не мог наблюдать за тем, как распадается саркофаг Нэро. Я перевел взгляд на лежащее рядом лезвие-культро. В мыслях пронеслась идея убить себя прямо здесь и сейчас просто потому, что я не смог сделать то, ради чего я стал высшим стражем. Я действительно сделал бы это парой сезонов ранее, если бы такая же ситуация приключилась со мной тогда. Но не сейчас... сейчас я понял кое-что более важное. Всепрощение не говорит о том, что мы должны прощать марр за их поступки любой степени тяжести. Вернее, да, философия Веры воды наверняка говорит именно об этом, но не в том смысле, в котором её понимают марры. Всепрощение в первую очередь говорит о том, что для прощения остальных марр, сначала нужно простить самого себя.

И я простил себя. Простил за то, что не успел среагировать на удар лезвием-культро по кубу должным образом. Я мог бы очень просто выхватить это оружие, но я этого не сделал. Я виновен в произошедшем настолько же, насколько виновен и сам «Босс». Разница лишь в том, что я смог себя простить. А он — нет.

Прощение. Моё собственное прощение и было моим риском. Я понял, что имел ввиду Азаль, когда он сказал мне не бояться рисковать. Я боялся себя простить всегда. Боялся отпустить своё прошлое. Боялся того, что все мои оплошности будут повторяться из раза в раз. Но теперь это не имеет значения. Только в тот момент я понял, насколько же были бессмысленны все мои переживания, касающиеся моего прошлого.

Храм озарило ослепительное свечение. Моё сердце продолжало биться всё сильнее и сильнее, а внутри меня нарастала тревога... и надежда. Уже через пару секунд я должен был увидеть то, чего ещё не видела ни одна марра во всем океана. То, о чем никто и никогда не имел и малейшего представления.

Куб оказался полым. Он был пуст. Внутри не было ни живой, ни мертвой Нэро. Здесь вообще не было никакой Нэро. Здесь её никогда и не было.

Это ли называют катарсисом? Нравственным очищением, душевным перерождением. Все мы были неправы, все поголовно. Каждая отдельная марра заблуждалась, строила изначально ложные теории и домыслы о том, что же случилось с Нэро. Только подумать... на протяжении такого огромного количества сезонов высшие стражи охраняли фальшивку. Были напрасны все те жертвы, что были принесены во благо сохранения целостности куба. Были напрасны все конфликты, возникающие между Прокулом и Паксом из-за этого куба. Было напрасно буквально всё, что так или иначе говорило про фальшивый саркофаг нашей Нэро. Хотя... так ли это на самом деле

Аквамарин полностью растворился в воде. На месте растворенного куба осталась лишь

очень, очень старая записка, подписанная нашей Нэро. Такая подпись была разве что в оригинальной версии Веры воды.

«Живые воды вечны. Вечна жизнь, что обитает в них. В вас, в маррах, течет божественная кровь истоков всех морей нашего с вами океана. Моего океана, в котором я породила вас. Вы и вода — это одно и то же. Марры, подобно течениям, непостоянны, и, зная это, я могла смело предположить, что вы рано или поздно всё-таки сможете открыть мой «гроб», и узнать правду о том, что же со мной произошло.

Ты мой посланник. Мой вечный посланник. Марра, что держит эту записку, должна показать её каждой другой марре для того, чтобы истина наконец всплыла на поверхность. Не спрашивай меня, почему я подстроила свою смерть. Не спрашивай меня, зачем я писала так много писем, и разбрасывала их по всему океану, якобы отправляя их своим братьям и сестрам. Не задавай вопросов, и ответы найдут тебя сами.

Просто знай, что с вашей Нэро всё в порядке. Я решила отпустить вас, мои дорогие дети. Но отпустила я вас лишь для того, чтобы вы наконец стали самостоятельны. Начали развиваться во все стороны. Начали контактировать с другими цивилизациями — иноземными расами, созданными другими созерцателями. Я отпустила свою обитель для того, чтобы и самой начать развиваться дальше. Я решила отпустить своё прошлое. Полую не вернуть. Прошлые ошибки не изменить. Метатрона не излечить. Я сделала всё, что могла, и я в этом уверена. Даже у созерцателей есть свой предел.

Я провела долгие века в гордом одиночестве. Я считала, что все мои грехи пройдут, если я ограничу свои возможности, и до конца своей жизни не буду покидать свою обитель. Однако совсем недавно я поняла, что это совсем не выход. Своей изоляцией я ничего не изменила. Не вернула к жизни тех, кто уже мертв. Остаться на одном месте было глупо.

Всепрощение есть исток морей нашего с вами океана. Прощение себя. Прощение своего ближнего. Не отдаление от собственных пороков, а их преодоление. И именно поэтому я решила покинуть Акву Праестантию. Покинуть вас, мои дорогие дети. Ведь эта обитель создана именно для удаления, а не преодоления. Однако в ваших силах это изменить. Поэтому вам стоит трансформировать Веру воды в нечто более обширное, в нечто более большее. Что, если вы попытаетесь рассказать о ней другим цивилизациям? Что, если мы сможем выдвинуть само воплощение идеи всепрощения далеко за пределы нашего с вами океана? Очень надеюсь на то, что за всё то время, пока мой саркофаг был закрыт, вы уже поняли то, как именно эту идею нужно трактовать.

Место в записке кончается. Это мои последние слова-наставления для вас, мои дорогие дети. Я хочу, чтобы вы знали ещё кое-что. Я не солгала вам о том, что когда-нибудь я вернусь к вам, «отойду от своего кошмарного сна». Можете считать, что я вернулась прямо сейчас. Метафорично, конечно же. На самом деле я всегда была недалеко от своих детищ.

Искренне ваша вечная Нэро. С любовью»

Эта записка меняла буквально всё. С ней можно было вернуть наш океан в первозданный вид, устранить все междоусобицы и прекратить нынешнюю гражданскую войну. Уже на тот момент я понимал, что мы будем спасены. Оставалось лишь рассказать каждой марре о том, что на самом деле скрывалось в этом кубе эти долгие сезоны.

В храм стремительно всплыла Истери. Она была душевно измучена, а на её теле ещё заживали порезы. Сначала она увидела меня в состоянии аффекта, и только потом исчезнувший саркофаг нашей Нэро. Мы не произнесли друг другу ни слова, поняли то, что хотели друг другу сказать одним только взглядом.

Вместе с Заленом они меня спасли. Как я узнал позже, снаружи святилища было очень много марр, что не давали пройти внутрь. Истери отвлекла внимание на себя, и они на неё напали. Зален успел ворваться внутрь святилища и направиться к храму, а Истери отвлекла внимание на себя. Только сейчас, расправившись с моими обидчиками, она смогла приплыть ко мне. Она спасла меня. В очередной раз.

Мы слились в объятии. Как я и говорил, никто из нас ни проронил и слова. Мы просто молчали, и каждый из нас думал об одном и том же. Каждый из нас был рад тому, что мы оба остались в живых.

В храм вплыл Зален, прервав трепетный момент.

— Ну не мог я забыть о том, как ты меня спас. Дважды...

Я молча пожал ему руку. Слова не могли покинуть мой рот. Всё то обилие эмоций, нахлынувших на меня огромной волной, просто не давало мне произнести хоть что-либо. Но Зален, кажется, тоже понял меня и без слов. Особенно когда увидел, что саркофага больше нет. Особенно тогда, когда я дал ему и Истери прочитать записку, оставленную нашей богиней. Теперь всё должно наладиться.

— Так ты хочешь основать новый город между Прокулом и Паксом? — удивился Дерраниал, когда я рассказал ему о своей новой мечте.

Дерраниал стал высшим писцом, по совместительству временным правителем Пакса до тех пор, пока не пройдет голосование за роль постоянного правителя нашего города.

Я больше не хотел возвращаться к работе высшего стража — да и больше не было никакого смысла защищать сакральные объекты. Вместо этого, Дерраниал, как высший писец, назначил и меня самого писцом. Как я и хотел десяток сезонов назад... Одна моя мечта сбылась, а значит пришло время осуществлять в реальность вторую.

— Нет, я лишь предлагаю. Я ведь теперь обычный писец, разве ты будешь считаться с моим мнением? — шутливо подметил я.

— Меня пугает то, что ты умеешь говорить серьезные вещи в шутливом тоне. Твое предложение действительно может пойти на пользу всем маррам. Несмотря на то, что гражданская война кончилась, в Паксе всё равно больше нет смысла оставаться. Нам действительно нужно возвести новый город. Намного лучше самого Пакса, намного лучше Прокула, лучше Биимуна... Да, Анарел, ты прав, как и всегда, — сказал Дерраниал, очень глубоко задумавшись. — Кстати, что насчет твоего дневника? Ты ведь выпустишь его на обозрение всем маррам? Это будет первая действительно оригинальная книга, которую увидят наши воды за эти долгие годы.

— Что? Разве я собирался выпускать его для марр? — так же шутливо произнес я.

Дерраниал улыбнулся, однако сразу через пару секунд он понял, что на самом деле мой ответ был серьезен.

— И что ты будешь с ним делать? Разве ты не хотел... показать его хоть кому ни будь?

— Я знаю свою аудиторию. Я отдам все свои записи иноземной цивилизации, что нас изучает. Так сложилось, что в своем дневнике я описал устройство каждого нашего города, описал многие виды живых существ в нашем океане, рассказал обо всей нашей культуре, не забыл привести некоторые письма Нэро... Мой дневник станет отражением всего нашего океана, его лицом. Мой дневник... он поможет нашим новым друзьям войти в наше положение. Ведь они просто хотят с нами подружиться, не так ли? А затем мы сможем дать им изучить и Веру воды. Не ту, что была отредактирована архиереями. А оригинальную её

версию.

— Ты безумец, Анарел... — посмеялся он. Но теперь я был действительно серьезен.

Повисло неловкое молчание.

— Ну так... когда вы с Истери уже заведете себе малька?.. — внезапно спросил он.

— С гордостью спешу заявить, что мы уже его завели.

Это конец, о котором я даже и не мог мечтать. Всё сложилось идеально. Все проблемы были решены в один миг. А всего то нужно было лишь простить себя и отпустить своё прошлое. Думаю, что это довольно-таки поучительно.

Постарайтесь и вы тоже отпустить старого себя для того, чтобы на замену ему пришла новая, более совершенная личность. Ведь если долго стоять на одном месте, можно превратиться в пруд с застоявшейся водой. Не кажется ли вам это сравнение очень удачным, мои дорогие читатели? Постарайтесь выкинуть свои старые идола, однако сохраните веру в то, что пока вы верили в их чудотворные силы, вы становились всё более и более совершенным организмом, готовым на новые свершения. Не это ли лучший конец и для вас, и для ваших прежних идолов?

Заметка: Начало контакта

В этот день мы вышли на полный контакт с видом марр, разумными существами из народа Жрицы Нэро. Впервые за всю историю наблюдений за обителью Аквы Праестантии марры сами вышли с нами на связь с целью знакомства с нашей цивилизацией. Они уведомили нас о том, что теперь они будут более открыты к контакту с нами. Стоит ли вообще писать о том, насколько это важное событие?

Мы отправили модуль с нашими агентами под толщу воды около одного из городов марр, что ещё не был уничтожен сейсмической активностью. Наших агентов в специальном обмундировании радушно встретили, и даже приставили к ним своих охранников.

По неизвестной нам причине доныне агрессивный и недоверчивый вид марр решил подружиться с нашей цивилизацией. В качестве первого дружеского подарка для нас они подарили нам копию Веры воды — книги, что пропагандирует нравоучения Нэро, и что была написана ею же. Однако более ценным подарком для нашей цивилизации стал дневник некоего Анарела — марры, которую судьба решила пронести по всему океану. В своем дневнике, по нашим первичным исследованиям, он рассказывает о быте марр, о местной флоре и фауне, о их религиозных принципах и о многих культурных особенностях.

Всё сложилось так, что именно этот дневник стал для нас самым достоверным источником о том, что происходит в обители Аквы Праестантии. Вернее о том, что происходило, пока дневник не достался нам.

А происходило множество довольно интересных вещей — здесь есть огромный простор для изучения деталей этого дневника. Взять хотя бы упоминание того, что Василиск была отправлена именно в эту обитель напрямую из Оплота. Или упоминание того, что Метатрон давным-давно уже бывал в этих водах, и, скорее всего, принес в них свою заразу.

Но самым главным открытием для нас стал факт того, что Жрица Нэро всё ещё жива, и находится где-то вне своей обители. При чем марры ранее были убеждены в том, что она, якобы, впала в вечный сон. Словно Всея. То есть, грубо говоря, теперь даже её собственный народ не знает то, где она находится.

Не думаю, что нам стоит продолжать поиски Жрицы Нэро. По всей видимости, она не хочет выходить на контакт даже с собственной расой, не говоря о нас. Последняя возможность поговорить с ней была упущена, если такая возможность вообще была до этого момента.

Однако не стоит отчаиваться. Мы и дальше будем поддерживать дружеские связи с народом марр, и, скорее всего, наши взаимоотношения станут продуктивны для обоих народов. Да что уж там говорить — только эта раса имеет достаточный уровень сознательности для того, чтобы понять, что мы просто хотим подружиться с ними и начать исследование их культуры и их обители. Вы ведь помните, как на нас отреагировали аборигены в Пленус Вита? А в Точке Нуль? Наши агенты едва ли остались в живых после посещения обителей Конатуса и Янхена...

В общем и целом, я спешу заявить, что в скором времени у вас будет больше причин для того, чтобы наконец покинуть Саркофаг Фортэ. Утопичное всепрощение действительно может стать самой лучшей частью вашей жизни, и жизни нашего народа. «Не в этом ли заключается истинный смысл Веры воды?» — цитата из дневника Анарела.

Пожалуйста, задумайтесь над моими словами. Даже марры смогли отпустить

собственное прошлое, а вы всё никак не можете покинуть свою скорлупу, надеясь на то, что чем дольше времени вы проведете в своем Саркофаге, тем больше вы сможете сделать во время вашего следующего жизненного цикла. Извините меня за подобные слова.

От кого: Рапорт Четвертый, наследник Рапорта Третьего

Кому: Л.

Больше книг на сайте - Knigoed.net